

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 1 • Том 16 • 2023 •
ЯНВАРЬ – МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

<http://www.vestnik-translation.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22
LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL

No. 1 • Volum 16 • 2023 •
JANUARY – MARCH

Publishing house of Moscow State University

Published once every three months

<http://www.vestnik-translation.ru/>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation

Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007

Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкурлов Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан Кёён**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Хараидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Гре-

ция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovsky, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr Sc (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Ludmila A. Mozgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Christian Balliu, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Eleferios K. Charatsidis, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Vera Ye. Gorshkova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Irkutsk State University (Russia);

Nina B. Isolahhti, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Georgiy T. Khukhuni**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Yulia N. Koltsova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Hannelore Lee-Jahnke, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Larisa A. Manerko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Roman A. Matasov, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mikhail N. Marusenko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Nadezhda N. Mironova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Edward N. Mishkurov, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea);

Peter Holzer, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Peter A. Schmitt, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Maurizio Viezzi, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Общая теория перевода

- Иванов Н.В., Федулова М.Н.* В поисках истины перевода. К онтологическим основаниям переводческого анализа 7
- Ли Цзюань.* Современное состояние исследований теории перевода с позиций коммуникативно-функционального подхода в Китае 38

Методология перевода

- Макарова О.С., Гончаров А.С.* Российско-советский опыт перевода стихотворения «Аннабель Ли» Эдгара Аллана По 53
- Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И.* Особенности цифрового перевода аббревиатур в сфере связей с общественностью 80
- Стрижак У.П.* Эпистемологический потенциал переводных текстов (на материале русско-японского параллельного корпуса художественных произведений) 93

Лингвистические аспекты перевода

- Павленко В.Г.* Эпистемические наречия как средства выражения достоверности сообщаемого (на материале английского языка) 110
- Цзюй Юньшэн.* К вопросу исследования тезауруса в российском и китайском языкознании: толкование значения и роль в научной терминологии 133

Лингводидактика и дидактика перевода

- Цуй Чжэюань.* История и проблемы преподавания русского языка в Китае 151

СОДЕРЖАНИЕ

General Translation Theory

- Ivanov N.V., Fedulova M.N.* Quest for the truth in translation. To the ontological fundamentals of analysis in translation 7
- Li Juan.* The current state of communicative-functional research into the translation theory in China 38

Translation Methodology

- Makarova O.S., Goncharov A.S.* Russian-Soviet experience of translating the poem “Annabelle Lee” by Edgar Allan Poe 53
- Minyar-Beloruicheva A.P., Sergienko P.I.* Digital translation of abbreviations in the field of public relations 80
- Strizhak U.P.* Epistemological potential of target texts: a case study of the Russian-Japanese parallel fiction corpus 93

Linguistic Aspects of Translation

- Pavlenko V.G.* Epistemic adverbs as means of expressing the credibility of the contents (in English language) 110
- Ju Yunsheng.* On the issue of thesaurus research in Russian and Chinese linguistics: interpretation of meaning and the role it plays in scientific terminology 133

Foreign Language Didactics and Translation Didactics

- Cui Zheyuan.* History and problems of teaching the Russian language in China 151

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-7-37

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ ПЕРЕВОДА. К ОНТОЛОГИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Николай Викторович Иванов¹

Мария Николаевна Федулова²

¹ Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, г. Москва, Россия

² Военный университет им. Князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия

Для контактов: e-nickma@mail.ru; mfedulova@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — объяснить феномен соответствия в переводе через понятие истины. Истина перевода трактуется как комплексная содержательная категория, которая раскрывается через систему функциональных оппозиций. Центральным объектом рассмотрения, который наиболее контрастным образом сочетает в себе все аспекты перевода, является переводческая трансформация. Автор выступает против односторонней структурно-лингвистической трактовки феномена трансформации. Трансформация трактуется как интерпретационный приём перевода, в котором связываются его инвариантная и вариативная стороны. Автор ставит знак равенства между трансформацией и интерпретацией в переводе. Интерпретация в переводе представлена трансформацией. Конструктивно всякая интерпретация представляет собой переход от инвариантной стороны к вариативной. В обычных условиях коммуникации это переход от языковой формы к смыслу, где смысл вариативен, представляя общее пространство осмысления, разделяемое между коммуникантами. В переводе смысл — инвариантная сторона, отсюда интерпретация в переводе развивается от смысла к языковой форме. Связь инвариантной и вариативной сторон перевода получает трактовку в терминах индук-

тивной логики. Эквивалентное тождество трактуется через категорию транзитивности (как потенциальная взаимозаменяемость семантических элементов на базе одного и того же смысла). Истина перевода раскрывается как двусторонняя категория. Основанием истины выступает смысл. Границей истины выступает предметная семантика, где возможна и до каких-то пределов допустима предметная вариативность. Отношение границы истины к её основанию составляет предмет аналитической работы переводчика. Истина перевода раскрывается методом верификационной и фальсификационной логической проверки. В статье также затрагивается вопрос о месте и роли стиля, социокультурных окрасок и образности в переводе. С этих позиций рассматриваются категории форенизации и доместикации, которые характеризуются взаимопереходностью: одна из них может становиться результатом другой. В статье приводятся англо-русские и португальско-русские переводческие примеры. Статья адресуется специалистам в области теории перевода, сопоставительной лингвистики, общего языкознания.

Ключевые слова: истина перевода, переводческая трансформация, интерпретация, предметная транзитивность, выразительная деавторизация, верификация, фальсификация, интерференция, форенизация, доместикация

Для цитирования: Иванов Н.В., Федулова М.Н. В поисках истины перевода. К онтологическим основаниям переводческого анализа // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 1. С. 7–37. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-7-37

Статья поступила в редакцию 04.02.2023;
одобрена после рецензирования 27.03.2023;
принята к публикации 11.05.2023.

QUEST FOR THE TRUTH IN TRANSLATION: TO THE ONTOLOGICAL FUNDAMENTALS OF ANALYSIS IN TRANSLATION

Nikolai V. Ivanov¹
Maria N. Fedulova²

¹ Moscow State University of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia

² Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russia

For contacts: e-nickma@mail.ru; mfedulova@mail.ru

Abstract. The paper presents an attempt to explain the phenomenon of correspondence in translation through the notion of truth. The truth of translation

is conceived as a complex category that manifests itself through a system of functional oppositions. The central object of this study, contrastively combining all the aspects of translation, is transformation. The paper stands against a unilateral structural linguistic view on the phenomenon of transformation, considering transformation as an interpretative means of translation combining invariable and variable sides. The paper equates transformation to interpretation in translation. In translation the interpretation is represented by transformation. Constructively any interpretation unfolds from its invariable side to its variable side. In the usual scenario of communication, interpretation represents a transition from the linguistic form to the sense where the sense is variable representing a common field of understanding shared between communicants. In translation, the sense is the invariable side; consequently, the interpretation unfolds from the sense to the linguistic form. The link between the invariable and variable sides in translation is treated in terms of inductive logic. The equivalence is seen through the category of transitivity (a potential substitutability of semantic elements on the basis of the same sense). The truth of translation is a binary category with the sense being its foundation and the referential semantic side being its boundary where semantic variability up to some limits is supposed. The interrelationship between the boundary and the foundation of the truth is the matter of analytical work of interpreter. The truth of translation is subject to the logical verification and falsification procedures. The logical procedures precede the translation forming the base of the subsequent decision the interpreter takes to choose an equivalent. The paper deals also with the function of style, sociocultural and figurative nuances in translation. From this perspective, categories of foreignization and domestication in their functional interconnection are taken into consideration. Their interconnection means that one category may result from the other. The paper presents a number of examples of English-Russian and Portuguese-Russian translation. The paper may be of interest to specialists in translation studies, contrastive linguistics and general linguistics.

Keywords: truth of translation, transformation, interpretation, semantic transitivity, expressive de-authorization, verification, falsification, interference, foreignization, domestication

For citation: *Ivanov N.V., Fedulova M.N. (2023) Quest for the truth in translation: to the ontological fundamentals of analysis in translation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 7–37. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-7-37*

The article was received on February 04, 2022;
approved after reviewing on March 27, 2023;
accepted for publication on May 11, 2023.

I. Межъязыковая интерференция и перевод

Одним из важнейших принципов перевода следует признать принцип межъязыкового «невмешательства». Принцип невмешательства означает, что один язык во всём объёме своей речевой работы и своих функций не может вмешиваться в работу другого языка. Теория перевода, насколько возможно, изгоняет межъязыковую интерференцию из онтологических трактовок перевода и критикует такие случаи в практическом анализе, считая их не отвечающими самой природе перевода. По этому поводу Ж. Мунэн писал: «Перевод — это языковой контакт и одновременно явление билингвизма». Перевод — это «предельный случай билингвизма, редкий со статистической точки зрения, где сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организовано; случай, когда говорящий билингв сознательно борется против любого отклонения от лингвистической нормы, против любой интерференции...» (Мунэн, 1978: 37).

Принцип невмешательства требует, чтобы переводчик избегал какого-либо влияния одного языка на другой в переводе. Межъязыковое влияние, если оно вдруг возникает в переводе, является стихийным. Переводчик теряет контроль над процессом перевода. Это влияние носит взаимный характер. В зависимости от вектора рассмотрения можно говорить об объективной материальной и о субъективной идеальной сторонах межъязыкового влияния в переводе. С одной стороны, следует избегать опасности материального влияния формы ИЯ на форму ПЯ. Это опасность буквального перевода, в котором переводчик, не учитывая выразительные расхождения между языками, допускает выразительное подчинение переводного языка исходному, что чревато нежелательными содержательными искажениями. Выразительный буквализм игнорирует функцию адекватности перевода. Идеальное межъязыковое влияние может наблюдаться со стороны ПЯ. Здесь ПЯ ставит себя выше ИЯ в содержательном аспекте, берёт на себя функцию смыслового интерпретатора, диктует свои условия понимания. Содержательное соперничество ПЯ с ИЯ чревато опасностью вольного перевода. Вольный перевод игнорирует языковую форму выражения и в конечном счёте снимает с повестки дня вопрос об эквивалентности перевода. Таким образом, при выразительном подчинении от ПЯ к ИЯ страдает адекватность перевода, а при содержательном подчинении от ИЯ к ПЯ страдает эквивалентность перевода.

Бесполезно говорить о выборе между двумя представленными выше функциональными векторами перевода. Ни один из них сам

по себе не может быть вполне продуктивным, прежде всего в силу того, что вопрос о межъязыковом подчинении в них представлен превратно. Либо мы отдаём перевод во власть функции эквивалентности, игнорируя функцию адекватности, либо, наоборот, мы стремимся достичь максимальной адекватности, игнорируя функцию эквивалентности. Следует перевернуть вопрос о подчинении языка языку в переводе: необходимо достигать максимального подчинения переводного языка исходному в *содержательном* аспекте, но в то же время решительно пользоваться условиями *выразительной* свободы в аспекте ПЯ, подчиняя перевод выразительным возможностям ПЯ.

II. Функциональные аспекты переводческой трансформации

Тождество в одном аспекте и вариативность в другом создают феномен трансформации в переводе. Полноценная трактовка феномена трансформации в контрастивном соотношении ИЯ и ПЯ должна быть двусторонней. Подобную трактовку мы называем «трансформационным идеализмом» (Иванов, 2021: 557). К сожалению, преобладающие в современной теории перевода трактовки феномена трансформации являются по большей части односторонними, их можно условно назвать «материалистическими». Понятие «трансформация» трактуется как «межъязыковое преобразование» (Нелюбин, 2009: 229). В них учитывается лишь видимая сторона трансформации, т.е. та, в которой два языка расходятся друг с другом в способе выражения. Невидимая сторона трансформации, ради которой она, собственно, и создаётся, в которой два способа выражения ИЯ и ПЯ совпадают (или, по крайней мере, сближаются) по смыслу и мыслятся как условно синонимичные друг другу, остаётся за кадром. Такие трактовки являются узкими, не учитывают природу переводческой трансформации, т.е. её подлинное предназначение — достижение смыслового тождества в переводе. А.Д. Швейцер, понимая «нематериальность» трансформации, считает, что «термин “трансформация” используется в переводоведении в метафорическом смысле» (Швейцер, 2009: 118). К сожалению, в университетском преподавании термин «трансформация» используется в материалистическом смысле.

Всякая трансформация характеризуется сочетанием инвариантного и вариативного. Механизм трансформации направлен на достижение условий смыслового тождества в переводе. При этом её внутренняя конструктивная динамика характеризуется

переходом от тождественного к нетождественному, от инвариантного к вариативному. Тожество — имплицитная, скрытая часть трансформации. Нетождественное, вариативное — её эксплицитная часть. «Меняю, сохраняя», — так можно было бы образно отразить сущность переводческой трансформации. Функция трансформации — нейтрализовать выразительные расхождения между языками в переводе, сделать их нерелевантными. При этом нейтрализация выразительных расхождений делается исключительно ради сохранения смыслового тождества в содержательном аспекте перевода.

III. Интерпретационная природа переводческой трансформации

Надо сказать, что связь инвариантного и вариативного, переход от неизменного к переменному составляет конструктивный закон *интерпретации*. Его можно назвать универсальным. И переводческая трансформация, по сути, представляет собой интерпретационную операцию, которая соединяет в себе аспекты инвариантного и вариативного в переходе от ИЯ к ПЯ.

Важно понимать отличие переводческой интерпретации от той, которую мы видим в обычной одноязычной коммуникации. В условиях обычной коммуникации интерпретация представляет собой некоторое ответное смысловое действие относительно воспринимаемого извне содержания (текста, высказывания). Само содержание в той форме, в которой оно было предъявлено, остаётся неизменным и является инвариантным аспектом интерпретации. Смысловое действие несёт в себе функцию осмысления или переосмысления предъявленного содержания и представляет собой вариативный аспект, т.е. собственно *интерпретирующий* аспект интерпретации. Соответственно, первый может быть назван *интерпретируемым* аспектом интерпретации. Таким образом, в обычной диалоговой коммуникации интерпретационное развитие осуществляется *от выражения к смыслу*, где первое (выражение) понимается как нечто неизменное, фактически данное, а второе (смысл) — как переменное, вариативное, развивающее первоначально данное содержание. В обычной коммуникации мы видим естественную свободную интерпретацию, которая несёт в себе личностное отношение человека к содержанию.

В переводе интерпретация в своём развитии получает противоположную направленность: *от смысла к выражению*. Смысл полагается как константа, как инвариантная сторона, а выражение — как

переменная и вариативная сторона перевода. Переводчик сохраняет смысл, меняя форму языкового выражения. При этом и здесь действует всё тот же конструктивный закон интерпретации: переход от инвариантного к вариативному. Данный переход и данный вид интерпретации, который мы видим в переводе, можно назвать искусственным. Он не несёт и не должен нести в себе личностного отношения переводчика к предмету перевода. В переводе смысл не принадлежит переводчику.

Таким образом, мы можем сказать, что перевод — это всецело интерпретационное занятие. Материальным свидетельством интерпретации в переводе является трансформация. И сама трансформация по своей природе — интерпретационный приём перевода. Интерпретация и трансформация органично связаны в переводе.

IV. Уровневая локализация трансформационных приёмов перевода в структуре текста

Важно выделить не только сам факт трансформации, но и точно установить её уровневую локализацию в переводе. Трансформация в переводе ориентирована на форму языкового выражения. Имеется в виду то, что именно в объёме языковой формы переводчик пользуется максимальной степенью трансформационной свободы. Такой свободой переводчик не может воспользоваться ни в объёме риторической формы, ни в объёме поэтической (жанровой) формы текста. Напротив, в объёме высших текстовых форм переводчик в идеале имеет минимальную степень свободы, стремится воспроизвести эти формы во всей их неприкосновенности и первозданности.

Высшие формы привязаны к смыслу и могут быть названы смысловыми. Языковая, низшая, форма текста реализует ближайшую знаковую функцию — функцию объектного означивания. Языковая форма текста, как таковая, связана функцией референции, т.е. функцией семантической идентификации объекта. Её функциональная вершина — предметное описание, при помощи которого она создаёт семантическую схему события, на которую наслаивается смысл, который в полной мере раскрывается в масштабе риторической и поэтической форм текста. В то же время базовая предметная семантика является носителем смысла. Она является ядерным компонентом содержания знака, от которого далее открывается широкая область коннотаций, устанавливающих смысловое предназначение знака в речи (Полубоярова, 2008: 80–81; Иванов, 2018: 51).

Конечно, отделить язык от речи и семантику от смысла в их чистоте очень тяжело. Чистое предметное состояние языка — научная абстракция, провозглашённая Ф. де Соссюром, в которой мы стремимся оторвать язык от его речевого опыта в целях его (языка) сущностного понимания (Соссюр, 1977: 57–58). В реальном своём практическом состоянии язык переполнен всякими смысловыми контаминациями. Однако с какими бы смысловыми наслоениями мы ни сталкивались в речевом знаке, языковое сознание требует от нас видеть в знаке объект, схему обозначаемого события, которая служит языковым основанием знака и критерием понимания реальности.

V. Коннотативная семиотика перевода

В обычном речевом узусе в сфере одноязычной коммуникации смысл континуален предметной семантике, мыслится как её содержательное продолжение и развитие. В переводе, при переходе от языка к языку, органичная связь между предметной семантикой и смыслом исчезает, между ними возникает борьба, противоречие. Переводчик оказывается в ситуации, когда воспроизвести в целом изначальную гармонию смысла и значения, не меняя ни один из его аспектов, невозможно в принципе: сохранение предметной семантики приводит к смысловым нарушениям, сохранение смысла требует изменений в предметной семантике. В переводе, как нигде, диалектика предметной семантики и смысла превращается в дихотомию. Референция и смысл противостоят друг другу в переводе. Это противостояние и составляет основу трансформационной и интерпретационной работы переводчика.

Отношение между семантикой и смыслом в содержании речевого знака является семиотическим и интерпретационным. Семиотика означает двойственность отношения, характеризуется субститутивностью и переходностью двух моментов: когда, видя одно, мы мыслим другое, когда каждый из моментов имплицитруется в другом. Порождая или воспринимая речевой знак, мы мысленно подменяем одно другим: семантику — смыслом, а смысл — семантикой. Из этого рождается интерпретационное отношение между ними.

Отношение между значением и смыслом как семиотическое постулировал Л. Ельмслев, для которого значение является знаком своего смысла, носителем коннотации. Л. Ельмслев трактовал это как вторичное семиотическое отношение, называя «коннотативной семиотикой» (Ельмслев, 1960: 372–373). К трактовке отношения между двумя моментами содержания (значения и смысла)

как интерпретационного склоняются представители логического позитивизма (аналитической философии). Они выражали это в терминах теории множеств: неизменная единичность одного момента «пробегает» по вариативному множеству другого момента: либо значение по множеству смыслов, либо смысл по множеству своих вербальных семантических репрезентаций, создавая ситуацию, как выражался Г. Фреге, «...распознавания *той же* мысли под разными масками» (цит. по: Павилёнис, 1983: 43). Таким образом, в знаке мы имеем множество смыслов, стоящих за одним значением, или множество значений, репрезентирующих один и тот же смысл. Р.И. Павилёнис трактует эту связь в терминах отношения перевода, используя понятие «перевод» в образной функции. Истина понимания достигается путём перевода «языка» значений на «язык» смысла, либо путём перевода «языка» смысла на «язык» значений. При всей условности такого сравнения, Р.И. Павилёнис считает, что данное отношение является сущностным не только для понимания истины, но и непосредственно для перевода. Особенно важна, он считает, экстраполяция отношения истины на основе оппозиции смысла и значения в сферу перевода. «Речь идёт не о том, чтобы дать определение истинности на основе понятия перевода, а о том, чтобы построить такую теорию истины, которая служит решению вопросов перевода с одного языка на другой» (Павилёнис, 1983: 53).

Основа интерпретации, которая по-разному раскрывает себя в обычной коммуникации и в переводе, лежит в речевом знаке, в его внутренней содержательной двойственности и переходности между значением и смыслом.

VI. Между предметной семантикой и смыслом.

Интерпретационная динамика перевода

Семиотическое отношение между семантикой и смыслом в речевом знаке является открытым (в отличие от закрытого, замкнутого в себе отношения между физической формой и языковым значением в языковом знаке). Это — интерпретационная открытость. В обычном коммуникативном применении речевой знак открыт интерпретации со стороны воспринимающего, который, интерпретируя, может так или иначе перенаправить смысл, придав речевому знаку нужный вектор дальнейшего контекстного развития, что, собственно, и имеет место в условиях диалога. Говорящий рассчитывает на интерпретацию своего высказывания со стороны слушающего. Отсюда, интерпретация несёт упреждающую

функцию в диалоге (Князева, 2014: 612). «Ещё в идеальной форме вторичная коммуникативная деятельность влияет на первичную» (Сидоров 2011а: 43). Диалогичность, ориентированность на адресата мы понимаем как внутреннюю пружину содержательного развития текста.

В переводе речевой знак в своей интерпретационной динамике ориентирован на выражение. Это значит, что при переходе от ИЯ к ПЯ этот знак не имеет смысловой свободы. Но при этом в нём открывается относительная свобода выражения в части подмены одной языковой формы другой. Здесь строго: семантика интерпретирует смысл, но не смысл — семантику. Возникает феномен семантической реидентификации предмета мысли, которая может достигать крайней степени семантического расхождения между исходной и переводной единицами (вплоть до контрастного и антонимического). Крайние случаи семантической нетождественности речевых единиц ПТ и ИТ в переводе В.Н. Комиссаров характеризовал описательно: «“Прямое” содержание высказывания как бы отступает на задний план: можно сказать, что здесь “говорится одно, а имеется в виду другое” и именно это “другое” и составляет то, ради чего создаётся высказывание — его главное намерение, его цель» (Комиссаров, 2007: 61).

В структурно-лингвистическом понимании работы знака в условиях обычной коммуникации мы привыкли считать, что смысл подчинён семантике, поскольку (вслед за Л. Ельмслевом) понимаем смысл как нечто производное и зависящее от семантики, называя его коннотацией — как нечто сопутствующее предметному значению. Предметное значение является носителем смысла и понимается как базовая и доминирующая сторона знака, поскольку несёт референциальную функцию: за ним стоит объект, обозначаемая реальность. В связи с этим постулируется принцип «семантического реализма», т.е. изоморфизма между семантикой языкового выражения и реальностью (Павилёнис, 1983: 28). Смысл в его оппозиции к предметному значению — это нечто неосязаемое; его осязаемость дана нам вместе со значением, лишь через значение и сам смысл становится реальностью. Без референциальной опоры смысл не становится реальностью.

В переводе мы видим обратное: мы видим тотальное подчинение семантики смыслу: смысл для переводчика первичен, а предметная семантика вторична. Референциальная опора знака мутирует, подстраиваясь под смысл. Вместе с тем, эту мутацию нельзя считать произвольной и случайной. Связь смысла и референции

в речевом знаке является мотивированной. Поэтому, несмотря на функциональную первичность смысла в переводе, его коннотативный статус в речевом знаке сохраняется и его нельзя игнорировать.

VII. Истина перевода. Логический подход

От смысла к предметному значению раскрывается *истинностная функция* знака. От значения к смыслу раскрывается его *риторическая (персуазивная) функция* (адресат сообщения должен согласиться с тем, что данное обозначение несёт данный смысл). Два аспекта знака поддерживают друг друга. Это — обоюдно мотивированная связь. Смысл, который воплощает в себе коммуникативное намерение, тянется к истинностному обоснованию и находит его в предметном обозначении, в функции референции. Предметное обозначение ищет для себя смыслового оправдания, в котором откроется его коммуникативное предназначение. Связь эта является необходимой для каждой из сторон. Каждая из сторон не имеет в себе рациональной опоры, но получает её, соединяясь с противоположной стороной, которая объясняет её статус посредством интерпретации. Обе стороны, предметная семантика и смысл, *фактуализируют* друг друга в речи (Федулова, 2019: 208). Н.Д. Арутюнова трактует факт как событие, осмысливаемое человеком (Арутюнова, 1999: 519).

Отталкиваясь от представленной выше оппозиции предметно-семантического и смыслового, попытаемся понять, в чём заключается *истина перевода*. Истина речевого знака и истина перевода — не одно и то же. Основанием истины в речевом знаке является предметно-семантический компонент, за которым стоит обозначаемая реальность. Основанием истины перевода является прагматика знака, т.е. его коммуникативное предназначение. *Основание истины* — её метафизическая сторона. В противоположном аспекте открывается феноменология истины, где устанавливается граница её практического применения, которой очерчивается её смысловой потенциал. Полнота понимания истины требует, помимо знания её метафизического основания, выявления её границы в знаке и в переводе. *Граница истины* определяет степень её свободы — той самой свободы, которая по М. Хайдеггеру составляет «существо истины» (Бимель, 1998: 138). Истина — двусторонняя категория, функционально определяемая отношением её границ к её основанию.

Граница истины — это потенциальная и во многом интуитивная величина. Если основание истины носит абсолютный характер,

то её граница всегда относительна, подвижна, зависит от внешних условий. В переводе понимание границы истины открывается отрицательным путём через осознание того, что недопустимо или нежелательно в переводе. Такой путь можно назвать эмпирическим, он осуществляется через перебор различных, не равных по своей смысловой цене вариантов перевода (обычно изначально отсекаются буквализмы — наиболее очевидные крайние случаи несовпадения ИЯ и ПЯ). В обычных условиях коммуникации интуитивен смысл — смысловая проекция дальнейшего содержательного развития мысли, которая подчинена позиции адресата. В переводе интуитивен (пусть в гораздо меньшей амплитуде) потенциал языковой формы выражения в аспекте ПЯ, которая в конечном счёте и должна определить допустимую границу истины перевода. Граница истины определяет допустимую «меру смысла» в переводе (Новикова, 2014: 155–156).

В теории истину перевода принято описывать в терминах категорий адекватности и эквивалентности. Через эти категории истина перевода раскрывается как соответствие переводного текста исходному. Первая категория служит основанием истины перевода, вторая определяет её границу. Связь эта является диалектической, т.е. взаимной, поэтому адекватность можно назвать основанием эквивалентности, а эквивалентность — показателем границы адекватности перевода.

VIII. Индуктивная логика интерпретации в переводе. Понятия транзитивности и деавторизации

Истина — высший критерий понимания. Мы говорим о двойственности этого критерия в условиях обычного восприятия и в переводе. И там, и там двойственность характеризуется отношением границы понимания к его основанию. В одном случае, это — отношение смысла к предмету мысли. В другом, это — отношение вербального предметно-семантического носителя к смыслу (к заданной смысловой задаче). Конечно, второй случай нас интересует больше, чем первый, поскольку он непосредственно характеризует динамику достижения истины перевода.

Истину в аспекте устанавливаемой границы понимания целесообразно трактовать как *транзитивную* величину. Транзитивность характеризует индуктивную логику понимания. Транзитивность означает потенциальную взаимозаменяемость элементов множества под знаком некоторого общего условия их взаимосвязи: предметного или смыслового. В одном случае мы говорим о предметном

тождестве некоторого множества смыслов — смыслов, выступающих вариантами смысловых интерпретаций одного общего для них значения. В другом случае мы говорим о смысловом тождестве некоторой совокупности предметных значений, которые выступают вариантами вербализации одного общего для них смысла.

Например, человек говорит некоторое слово, желая вызвать определённую реакцию собеседника, аудитории. Но при этом он упускает из виду, что сказанное им слово, помимо своего прямого смыслового предназначения, может иметь и другую смысловую интерпретацию: оно может вызвать недоумение, иронию, протест, если его рассмотреть под иным углом зрения или в более широком контексте. Подобные ситуации сатирически обыгрываются в народных бытовых сказках, в которых высмеиваются человеческие пороки: жадность, глупость, наивная доверчивость или недоверчивость. В этих сказках герой говорит что-то невпопад, вызывая этим вместо позитивной негативную реакцию других людей. Обратим внимание на два момента. Первое: интерпретация сказанного слова не является исключительным правом говорящего, функцию интерпретации говорящий частично уступает адресату, который со своих позиций устанавливает иную границу смыслового понимания, т.е. переосмысливает сказанное. Этот момент можно назвать *деавторизацией смыслового понимания*. Деавторизация основана на переосмыслении предмета мысли адресатом. Второе: вторичное понимание (от адресата) не отменяет первичное (от адресанта), даже если оно достаточно отличается от него, оно может быть лишь его продолжением. Оба понимания объединяются под знаком общего для них произнесённого слова (предмета мысли). Это говорит о взаимной транзитивности двух смыслов, т.е. об их взаимозаменяемости: один можно подставить на место другого. Назовём это моментом *смысловой транзитивности*.

Может ли деавторизация смыслового понимания (т.е. переосмысление предмета мысли адресатом) достигать абсолютных значений и практически полностью отрицать какую-либо смысловую транзитивность между двумя интерпретациями: исходной и вторичной? Такое возможно в условиях неадекватного понимания общающимися друг друга. Именно этот момент обыгрывается в бытовых сказках, когда герой позволяет себе произнести на свадьбе высказывание, уместное для ситуации похорон, или, наоборот, реплику свадебного приветствия на похоронах, создавая ситуацию ложного понимания своего намерения. Конечно, два смысла в диалоге должны как-то сближаться, соответствовать один другому, а

не исключать друг друга. Смысловая континуальность, которой ждёт читатель сказки, здесь нарушается, что и создаёт комический эффект, основанный на несоответствии достигнутого коммуникативного эффекта намерению говорящего. Возникает своеобразный прагматический смысловой «каламбур», в котором одному и тому же значению приписываются два смысла, две смысловые границы понимания, которые прагматически несовместимы.

Смысловая интерпретация предмета мысли в условиях коммуникации — во многом совмещённый двусторонний процесс, где смысловые позиции адресанта и адресата, не смешиваясь, во многом являются отражением друг друга и в этом отношении транзитивны, т.е. взаимозаменяемы. В привычных условиях диалога смысловая транзитивность между иллокутивной и перлокутивной интерпретациями в целом не должна нарушаться, доходить до крайней степени противоречия. Перлокуция в той или иной степени должна быть отражением иллокуции. Если перлокуция отменяет или игнорирует иллокутивное намерение говорящего, то это создаёт абсурдную ситуацию, разрушает диалог. Например, это может быть в ситуациях, когда адресат реагирует не на коммуникативное намерение говорящего, а на какой-то второстепенный элемент в его высказывании или саму форму обращения: *«Мне нравится, как ты ответил ему! — Не смейте мне тыкать, я Вам не мальчишка!»*. В этом примере адресат реагирует на форму обращения и игнорирует намерение говорящего (желание похвалить вызвало грубую ответную реакцию собеседника). Деавторизация смыслового понимания может быть лишь относительной и не может достигать абсолютных значений, не может нарушать требований смысловой транзитивности. Выражением смысловой транзитивности является взаимная адекватность реплик диалога, т.е. адекватное понимание общающимися друг друга.

Теперь, опираясь на те же категории *деавторизации* и *транзитивности*, обратимся к переводу, где мы наблюдаем аналогичные интерпретационные процессы — только в их зеркальном отображении. Вектор интерпретации в переводе меняется. Основой понимания здесь выступает смысл, граница понимания устанавливается в аспекте предметной семантики.

Интерпретационная конкуренция в аспекте смыслового понимания, которая наблюдается между адресантом и адресатом в условиях коммуникативного контакта, в переводе отсутствует. Переводчик не конкурирует с автором ИТ в части осмысления прагматической цели сообщения: он неукоснительно следует пред-

лагаемому автором коммуникативному заданию. Деавторизация смыслового понимания в переводе не может иметь места, поскольку противоречит самой задаче перевода. Тем не менее мы можем использовать эту категорию, характеризуя переход от ИТ к ПТ. Деавторизация в переводе относится к аспекту выражения. Переводчику доступны более ясная выразительная подача мысли, более чёткое выделение ключевых элементов сообщения. Таким путём он достигает определённого выразительного превосходства над автором в масштабе языковой формы текста, которая представлена семантикой и грамматикой предметных обозначений (потенциально переводчик всегда стремится к этому, особенно в художественном переводе). Подобную оптимизацию выражения в переводе мы можем назвать *выразительной деавторизацией*. Мысль достигает большей смысловой и выразительной наглядности в переводе. Ж. Вине и Ж. Дарбельне называют такой переводческий эффект эксплицитацией (Vinay, Darbelnet, 1995: 8). Переводчик своим переводом как бы «расшифровывает» смысл, заложенный автором в исходном тексте.

Деавторизация выражения в переводе соотносится с механизмом логической транзитивности, которая здесь является, понятно, не смысловой, как в условиях обычной коммуникации (когда два смысла от автора текста и от адресата соотносятся как тождественные на базе одного общего для них предметного значения), а предметной. Это значит, что при переходе от ИТ к ПТ два различных предметных обозначения ИЯ и ПЯ соотносятся между собой как тождественные (т.е. как эквивалентные и условно взаимозаменяемые) на базе одного общего для них смысла. Смысл этот отвечает той смысловой задаче, которую, исходя из заданной авторской прагматики ИТ, должен решить переводчик. Весь трансформационный межъязыковой ресурс перевода, направленный на поиск приемлемого выразительного эквивалента, основан на логическом механизме *предметной транзитивности*.

Предметную транзитивность в переводе следует рассматривать и как межъязыковое, и как чисто вариативное перифрастическое явление. Важно подчинение собираемых предметных обозначений общему смыслу, их нацеленность на решение одной и той же смысловой задачи, обуславливающей их окказиональную смысловую синонимию, их относительную эквивалентность друг другу. Все они, каждый по-своему, выражают границу понимания относительно одного и того же смысла в данном речевом контексте. Рассмотрим пример:

I. (англ.) Mr. Holbrooke's /1/ *message* to the UN and, more important, to its member governments will be a simple one: this is the best deal you will get. The chances are that most of the governments will go along. Several senior diplomats /2/ *contrast* their frustration with America at the UN with the good bilateral relation their governments have with Washington. In the end it will be those bilateral relations that matter most. And that, like virtually everything else this week, will show how weak /3/ *multilateralism*, and the United Nations, really are.

= Перевод (рус.): /1/ *Мысль*, которую г-н Холбрук хочет донести до ООН и, самое главное, до правительств стран членов ООН, весьма проста: это — лучшее, чего вы сможете добиться. Большинство стран, скорее всего, вынуждены будут согласиться. Дело в том, что недовольство ряда высокопоставленных дипломатов из некоторых стран действиями США в ООН /2/ *спокойно уживается* с позицией их правительств, поддерживающих прекрасные двусторонние отношения с Вашингтоном. В конечном счёте, именно фактор двусторонних отношений будет иметь решающее значение, что покажет, как, возможно, многое другое на этой неделе, насколько мало реальное влияние /3/ *международного сообщества* и, в частности, ООН.

Не анализируя представленный перевод в целом, обратим внимание на содержащиеся в нём три ключевых элемента: /1/ *message*, /2/ *contrast* и /3/ *multilateralism*, которые требуют для себя определённых трансформационных замен и, соответственно, помогут объяснить нам феномен логической транзитивности в переводе:

/1/ *message* — может быть переведено через другие эквиваленты: а) *послание*; б) *обращение*; в) *речь*; г) *слова*; д) *идея* и т.д. Переводчик выбирает эквивалент *мысль*, подчёркивая этим содержательную сторону слов Холбрука. Все эти элементы потенциально транзитивны, т.е. взаимозаменяемы, в данном переводе. Все они подчинены общему смыслу, выражая идею политического влияния официального представителя США в ООН.

/2/ *contrast* — в переводе этого элемента, переводчик идёт по пути антонимического перевода (*спокойно уживается*), подчёркивая этим совмещённость двух противоречащих друг другу позиций (*недовольство действиями США* и *прекрасные двусторонние отношения с США*). Автор ИТ, напротив, подчёркивает контраст двух позиций. В принципе, можно было пойти и по пути прямого перевода: «...недовольство ряда высокопоставленных дипломатов... действиями США в ООН а) *резко контрастирует* с позицией их правительств, поддерживающих прекрасные двусторонние отношения с Вашингтоном». Возможны другие варианты: б) *идёт вразрез*; в) *никак не согласуется*; г) *далека от...*; д) *противоречит*

и т.д. Потенциальная взаимозаменяемость всех этих элементов в контексте очевидна. Идея автора — в том, чтобы выразить, возможно, в ироничной форме единство несовместимого в позиции дипломатов.

13/ *multilateralism* — сложный элемент для русского перевода, который выражает идею многосторонности, коллегиальности, коллективности в международных отношениях. Этот термин возник в английском языке как выражение идеи противостояния монополярному миру 1990-х гг. Переводчик в русском переводе использует термин достаточно далёкий по своему значению от английского: *международное сообщество*. Русский термин в отличие от английского обозначает участников многосторонних отношений, а не саму идею этих отношений. В этом можно видеть семантическую транзитивность между английским и русским терминами.

Во всех представленных выше случаях выбора переводных эквивалентов мы видим трансформационную смелость переводчика, который идёт по пути поиска иной истинностной предметно-семантической границы смысла, отступая от данной в ИТ языковой формы его вербализации, предлагая свои эквиваленты. Это в определённой степени авторское решение переводчика, который переформатирует предметную базу отображаемой средствами ИЯ «картины мира», осуществляя ревизию входящих в неё элементов, убирая элементы, которые «видит» ИЯ, и предлагая другие, которые более «видны» с позиций ПЯ. Переводчик предлагает свой взгляд на «картину мира» сквозь призму другого языка. Собственно, это и есть то, что мы называем выразительной деавторизацией текста в переводе, которая служит задаче эксплицитации смысла, т.е. более ясной и открытой его подаче в ПТ.

Итак, истина в переводе имеет две стороны. Основанием истины выступает смысл, прагматическая задача текста. Границей истины выступает предметная семантика перевода, где возможна и до каких-то пределов допускается предметная вариативность, т.е. эквивалентные трансформационные предметные замены. Во всех случаях переводчик идёт по пути оптимизации выражения, руководствуясь смысловой задачей текста.

IX. Критерии истинностной верификации и фальсификации перевода

Истина в переводе имеет относительный статус, требуя для себя объективного подтверждения — прямого и/или косвенного. Прямое подтверждение является открытым, эксплицитным и до-

стигается непосредственным сравнением переводного текста с исходным. Однако такое подтверждение возможно лишь после того, как перевод уже сделан, т.е. является по большей части ретроспективным. Косвенное подтверждение ориентировано на перспективу перевода и является по большей части скрытым, имплицитным. Это подтверждение работает тогда, когда перевод ещё не сделан и переводчик всё ещё находится в процессе поиска эквивалентной формы перевода. Косвенное подтверждение истины перевода может быть названо допрецедентным, прямое, соответственно, можно назвать постпрецедентным.

Для косвенного подтверждения истины перевода важна его обратная сторона — та, где за гранью истины стоит *неистина*, которая и становится эффективным критерием определения истины перевода. Под неистиной перевода мы понимаем совокупность всякого рода «подводных камней», с которыми сталкивается и которые обходит переводчик в своей работе, поскольку они подталкивают его к разного рода упрощённым и неправильным решениям, к неточностям, к фактическим или стилистическим искажениям и ошибкам. Неистина — это своеобразная изнанка перевода, где переводчик проводит для себя «красную линию», отбрасывая путём виртуального перебора неприемлемых вариантов то, как не надо переводить.

Допрецидентная проверка перевода составляет важнейшую часть аналитической работы переводчика. Истина в переводе проверяется через ряд верификационных и фальсификационных критериев. Первые относятся к лингвистической структурно-языковой и предметно-семантической стороне перевода. Вторые — к его экстралингвистической смысловой стороне. Первые носят более очевидный, вторые — менее очевидный характер. Первые показывают себя как отрицательная проверка перевода, вторые скорее являются положительными. Как ни странно это звучит, мы говорим об *отрицательной верификации* перевода и о его *положительной фальсификации*.

Под отрицательной верификацией перевода мы понимаем виртуальную проверку перевода через буквальный перевод. В этой части первое, на что обращает внимание переводчик, — это более или менее очевидная опасность отклонения от выразительной нормы ПЯ, которое может возникнуть, если он пойдёт по пути прямого копирования в ПЯ языковой формы ИЯ. Такое копирование иначе называют интерференцией — явление недопустимое или, по крайней мере, нежелательное в переводе. Понятно, что переводчик не-

медленно отклоняет такой вариант перевода и стремится избежать каких-либо отклонений от нормативных требований ПЯ. Копирование иноязычной формы искажает мысль или, по крайней мере, затрудняет её восприятие. Переводчик как бы мысленно останавливает себя, имея в виду, что «так на ПЯ не говорят», «так ПЯ не работает».

II. (порт.) O PSD foi sempre o maior partido parlamentar do período 1945–1964. *Осиропу a Presidência por três vezes.*

= буквальный перевод, не отвечающий норме ПЯ (рус.): В период с 1945 по 1964 гг. СДП (Социал-демократическая партия) была крупнейшей парламентской партией. *Трижды партия занимала президентство**.

Такой перевод неприемлем с точки зрения нормы русского языка. Но даже если мы вместо слова *президентство* поставим *президентский пост*, такой вариант по норме русского языка также будет некорректен: *Трижды партия занимала президентский пост**. Более корректным представляется следующий вариант перевода:

= перевод, отвечающий норме ПЯ (рус.): В период с 1945 по 1964 гг. СДП (Социал-демократическая партия) была крупнейшей парламентской партией. *Трижды партия побеждала на президентских выборах.*

Ещё один пример:

III. (англ.) Still, there is plenty of scope for further economic reform. An enthusiast for competition, Mr. Amato himself would like *to deregulate further and faster.*

= перевод, отвечающий норме ПЯ (рус.): Тем не менее, есть ещё много места для продолжения экономической реформы. И такой энтузиаст рыночного соревнования, как г-н Амато, *с удовольствием продолжит децентрализацию экономики и даже ускорит её.*

В этом примере выразительные несоответствия между ИЯ и ПЯ очевидны. Буквальное копирование языковой формы ИЯ неприемлемо с точки зрения нормы русского языка: *будет децентрализовывать /экономику/ дальше и быстрее**. Отталкиваясь от этой виртуальной формы, переводчик выбирает отвечающие смыслу грамматические и лексико-семантические трансформации (см. правильный вариант перевода выше).

IV. Mr. Leopold's principal and extraordinary /1/ *contribution to our world* was to articulate the idea of a /2/ *land ethic*. The human relation to land,

he wrote, “is still strictly economic, /3/ *entailing* /4/ *privileges* but not /5/ *obligations*”.

= перевод, отвечающий норме ПЯ (рус.): Основной /1/ *научной заслугой* А. Леопольда следует считать впервые сформулированную им мысль об /2/ *этических принципах отношения человека к природе*. Отношение человека к природе, писал американский эколог, «всё ещё определяется узким экономическим интересом, /3/ *в основе которого лежит* /4/ *принцип потребления*, а не /5/ *принцип ответственности*».

В этом примере соотносительные эквиваленты обозначены цифрами. Следовать представленному в ИТ порядку предметных обозначений в русском переводе невозможно: /1/ *contribution to our world* = /1/ *вклад в наш мир**; /2/ *land ethic* = /2/ *этика земли**; /3/ *entailing* = /3/ *влечь за собой**; /4/ *privileges* = /4/ *привилегии**; /5/ *obligations* = /5/ *обязательства**. Переводчик, следуя норме русского языка, путём трансформаций «расшифровывает» заключённый в ИТ смысл, понимая, что прямые лексические эквиваленты неспособны передать мысль автора. Этот пример показывает, насколько по-разному ИЯ и ПЯ могут «видеть» одну и ту же «картину мира».

Буквальный перевод ориентирован на референциальный параллелизм между ИТ и ПТ, т.е. на прямое повторение в ПТ тех же предметных обозначений, что приводит к неприемлемым нормативным и/или смысловым искажениям. Тем не менее, буквальный перевод незримо присутствует в переводе, как некая виртуальная отрицательная точка отсчёта, позволяющая оценить масштаб производимых переводческих трансформаций.

Фальсификационная проверка перевода носит положительный характер. Её требования вступают в силу тогда, когда условия первой верификационной проверки уже вполне удовлетворены. В отличие от верификации это — более тонкая проверка, требующая выход в экстралингвистический контекст, в смысловую подоплёку перевода. Здесь выразительная норма ПЯ, рассмотренная с формальных позиций, не претерпевает каких-либо искажений, но при этом внимательное рассмотрение содержания перевода устанавливает в нём смысловые, логические или ситуационные нестыковки и несовпадения. Обычно на этом уровне анализа обнаруживается смысловая избыточность или недостаточность перевода.

V. (порт.): *Energia e alimentos* levam inflação no Reino Unido a superar 10%.

= неточный перевод (рус.): *Электроэнергия и продукты питания* поднимают инфляцию в Соединённом королевстве до уровня выше 10%*.

= точный перевод (рус.): *Высокие цены на электроэнергию и продукты питания* поднимают инфляцию в Соединённом королевстве до уровня выше 10%.

Очевидно, что здесь в переводе требуется компенсация: электроэнергия и продукты питания сами по себе не могут влиять на инфляцию.

VI. (порт.): Na Alemanha /1/ *A. Merkel* venceu /2/ *as eleições*, mas outra vez /3/ *sem maioria*.

= неточный перевод (рус.): В Германии /1/ *А. Меркель* победила на /2/ *выборах*, вновь не получив /3/ *большинства голосов**.

Данный перевод не вызывает чувства протеста с нормативно-языковой точки зрения. Однако вдумчивое рассмотрение смысловой стороны перевода показывает всю его нелепость: как можно выиграть выборы, не получив большинства голосов? Необходимо знание всех экстралингвистических условий представленного в ИТ понимания. В выборах участвовала не А. Меркель, а её партия; выборы — не прямые, а парламентские; партия должна добиться подавляющего большинства голосов на выборах, чтобы иметь возможность формировать правительство и возглавить страну. Отсюда для правильного перевода требуются соответствующие компенсации:

= точный перевод (рус.): В Германии /1/ *партия А. Меркель* победила на /2/ *парламентских выборах*, вновь не получив /3/ *подавляющего большинства голосов*.

Партия А. Меркель победила на выборах, но, не получив подавляющего большинства, не добилась права формировать правительство.

VII. (англ.): As the global economy becomes more /1/ *competitive*, the rewards for success become greater, and so do the penalties /2/ *for failure*. Optimists embrace this future, while /3/ *pessimists seek protection from it*.

= точный перевод (рус.): /1/ *Экономическое соревнование в мире усиливается*. При этом вырастает не только величина вознаграждения в случае успеха, но и величина потерь в случае /2/ *ошибок или поражения*. Оптимистов не пугает такая перспектива. Однако /3/ *для тех, кто настроен менее оптимистично, нужны гарантии*.

Этот пример содержит ряд «подводных камней» смыслового уровня, которые при поверхностном подходе можно не заметить.

Представленный выше перевод элементов /1/ и /3/ может показаться излишне вольным, слишком далеко уходящим от языковой формы исходного текста. Однако более близкий по форме перевод элемента /1/ создаёт смысловую ошибку: Мировая экономика становится всё более /1/ **конкурентной***. Слово *competitive* в английском языке обладает более широкой семантикой, чем слово *конкурентный* в русском. Слово *конкурентный* в упрощённом русском переводе создаёт то понимание, что мировая экономика с кем-то конкурирует. С кем может конкурировать мировая экономика? Элемент /3/ (*pessimists seek protection from it*) также требует более глубокой трансформации при переводе на русский язык. Упрощённый вариант перевода звучал бы следующим образом: Оптимисты охотно принимают такое будущее. /3/ **Пессимисты же ищут защиты от него***. «Искать защиты от будущего» по-русски звучит парадоксально. Будущее наступает неизбежно. Пессимисты ищут защиты не от будущего, а от возможных негативных тенденций в будущем. Кроме того, *пессимисты* в любом случае ждут только наихудшего развития событий, на лучшее они не рассчитывают. Если они ожидают, что что-то или кто-то их защитит, то они уже не совсем пессимисты.

Х. Форенизация и доместикация как аспекты культурной адаптации в переводе

Выразительная деавторизация в переводе иногда принимает крайние формы, когда рациональная сторона содержания отступает на задний план и на первый план выступают иррациональные мотивы, подчиняющие себе смысловую функцию текста. Такого рода смысловая асимметрия возникает при переводе различных видов образности, стилистических и социокультурных окрасок. Здесь во весь рост встаёт проблема культурной нормы перевода. Переводчик оказывается перед сложным выбором, сталкиваясь с взаимным культурным отторжением или неприятием двух языков: культурную норму какого языка он должен в большей мере принимать или игнорировать? Вопрос об истине перевода приобретает радикальные черты.

Так, стилистическая окраска ИЯ нередко становится причиной применения глубоких переводческих трансформаций.

VIII. (англ.) Russian President V. Putin believes success of his presidency /1/ **lies beyond Russian borders**. Putin visited almost a dozen countries since he was elected president and next month he will probably /2/ **put a North Korea sticker on his briefcase**.

= перевод, сохраняющий исходную стилистическую окраску и отвечающий культурной норме ПЯ (рус.): Российский президент России В. Путин, видимо, считает, что наибольшего успеха ему суждено добиться /1/ *в области внешней политики*. С момента избрания на пост президента Путин уже посетил более десятка стран, и в следующем месяце /2/ *список этих стран, видимо, пополнит Северная Корея*.

Соотносительные эквиваленты в этом примере обозначены цифрами. Автор ИТ вкладывает иронию в свой текст. Однако буквальный перевод совершенно неспособен передать авторскую иронию, и переводчик, чтобы сохранить ироническую окраску, идёт по пути глубоких трансформаций. Прямые эквиваленты со стилистической точки зрения здесь звучали бы нелепо: *success of his presidency /1/ lies beyond Russian borders* = наибольший успех его ожидает /1/ *за пределами границ России**; /2/ *will put a North Korea sticker on his briefcase* = /2/ *приклеит северокорейский стикер на свой дорожный чемоданчик**. Меняя предметную базу, переводчик стремится сохранить оттенки иронии в своём переводе.

В современном переводоведении проблема культурной нормы перевода характеризуется через термины *доместикация* и *форенизация*. В одном случае переводчик максимально адаптирует свой перевод под культурную норму ПЯ. В другом его ориентиром является культурная норма ИЯ, переводчик стремится максимально передать краски исходного языка, дать почувствовать эти краски читателю. Вопросы культуры, образности, стиля относятся к художественному уровню перевода. Они требуют глубокого специального рассмотрения. Особенно они важны для изучения истории перевода, что показывает опыт ряда фундаментальных переводоведческих исследований (Нелюбин, Хухуни, 2006; Убоженко, 2014).

Антиномия категорий форенизации — доместикации возвращает нас к проблеме интерференции, от которой переводчик стремится всячески избавиться на уровне нормативной структурно-языковой соотнесённости языков в переводе. Эти категории относятся к макроуровню перевода, на котором доминирующую роль играет языковая культура. «Если говорить о переводе как о контакте культур... то будет правомерным попытаться понять, до какой степени в переводе контактирующие культуры могут оставаться нетронутыми и в какой мере они взаимно влияют друг на друга. Можно попытаться распространить понятие интерференции на явления культурного взаимодействия...» (Гарбовский, 2007: 319).

Любое культурное сближение языков проходит через борьбу. Форенизация и доместикация демонстрируют степень превосходства одного языка над другим в формальном или содержательном аспектах. Результатом такого превосходства является инкультурация культурно-выразительного опыта ИЯ в ПЯ. Инкультурация означает приобщение к культуре ПЯ, которая может проходить в виде ассимиляции или переосмысления. В первом случае мы говорим о произвольной инкультурации, основанной на интерференции формы ИЯ в ПЯ. Во втором случае — о непроизвольной инкультурации, где ПЯ переступает заданные смысловые границы интерпретации и переосмысливает текст в контексте собственного культурно-выразительного опыта.

Первый вид инкультурации скорее может рассматриваться как негативное явление — как вынужденная выразительная «переделка» одного языка под другой. Второй вид в ряде случаев можно трактовать позитивно, поскольку в нём процессы форенизации и доместикации вступают более или менее продуктивное взаимодействие: доместикация становится непроизвольным результатом форенизации.

Связь процессов форенизации и доместикации должна рассматриваться на всю глубину перевода. Здесь она иногда может принимать парадоксальные черты. Мы выделим те случаи, когда содержательная форенизация приводит к формальной доместикации, а формальная форенизация имеет своим следствием содержательную доместикацию.

Вопрос о форенизации обычно ставится в формальном аспекте, где она трактуется как попытка неукоснительного повторения в ПЯ формы ИЯ. Вопрос о форенизации в содержательном аспекте вряд ли можно ставить как специальную задачу перевода, поскольку перевод изначально ориентирован на максимально полную и адекватную передачу содержания исходного сообщения на всех его уровнях: референция (семантика предметных обозначений), прагматика (смысловое развёртывание текста), стиль (социокультурная окраска). Содержательная форенизация органична переводу. Вместе с тем, в процессе перевода при переходе от ИЯ к ПЯ между различными уровнями содержания (предметная семантика, смысловая прагматика, стиль) может возникать взаимное несоответствие. В подавляющем большинстве случаев переводчик разрешает это несоответствие в пользу смысловой стороны содержания и, прежде всего, в пользу стиля, что мы как раз видим в приведённом выше примере (см. пример VIII), где переводчик производит

радикальные изменения на уровне предметных обозначений и, по сути, заменяет всю предметную базу сообщения, стремясь сохранить стиль, социокультурную окраску. Получается, что форенизация на уровне стиля (попытка повторить ироническую окраску) приводит к доместикации на уровне предметных обозначений. Насколько отвечает такая трансформация истине перевода?

В стихотворном переводе также могут иметь место парадоксальные случаи, когда более или менее последовательная форенизация в аспекте формы (точное следование поэтической форме ИЯ) приводит к глубокой доместикации в аспекте содержания, т.е. по сути, к переосмыслению исходного содержания. Впрочем, такого рода метаморфозы могут иметь положительный эффект и адаптироваться в культуре ПЯ.

Формальная соотнесённость двух языков значима в стихотворном переводе, где форма ПЯ может конкурировать с формой ИЯ, порождая более глубокие смысловые ассоциации. Эти ассоциации возникают как бы совершенно непроизвольно, случайно, не по умыслу переводчика, а как естественный результат стихотворной работы языка (ПЯ), который вдруг выходит за рамки смысловой программы ИЯ и, внешне копируя форму ИЯ, неожиданно для себя создаёт нечто новое. Новый смысл становится функцией поэтической формы ПЯ. Прекрасным примером этого является стихотворный перевод М.Ю. Лермонтовым стихотворения Г. Гейне “Der Fichtenbaum” (в русском переводе известный как «Сосна»), где, при всём внешнем подобии семантик и форм, рождается новая художественная идея: непреодолимая дистанция между мужчиной и женщиной (*der Fichtenbaum* и *die Palme*) превращается в трагедию несбыточной женской мечты (северной Сосне никогда не статьстройной и прекрасной южной Пальмой)¹.

¹ Академик Л.В. Щерба, давший подробный лингвистический и поэтический анализ лермонтовского перевода, отмечал, что на базе достаточно точных языковых соответствий меняется художественная идея произведения. Л.В. Щерба называет душевные переживания главного образа (Сосна) «прекраснодушными мечтами» (Щерба, 1957: 99, 105), не отмечая в них трагизма. Мы считаем, что именно скрытый трагизм главного образа сделал стихотворение М.Ю. Лермонтова столь популярным в русской литературе. Стихотворение Г. Гейне получило новую жизнь в другой культуре. Интересно, что другие переводы стихотворения Г. Гейне, где переводчики стремились повторить авторскую художественную метафору социальной дистанции между мужчиной и женщиной (Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.Н. Майков, П.И. Вайнберг), выбирая в качестве эквивалента для немецкого *Fichtenbaum* русское существительное мужского рода (Кедр, Дуб) (*Ibid*, 98), не получили той же литературной популярности, как перевод М.Ю. Лермонтова.

Интересное художественное перевоплощение при достаточно точном поэтическом переводе стихотворения португальского поэта А. Гонзаги создает А.С. Пушкин в своём романтическом стихотворении «Там звезда зари взошла...». Классическое стихотворение о трагическом расставании с возлюбленной превращается в лёгкое романтическое произведение. Подробный лингвопоэтический анализ этого пушкинского перевода был дан нами ранее (Иванов, 2008).

«Переводчик в прозе — раб, переводчик в стихах — соперник», — говорил В.А. Жуковский. Форенизация в аспекте поэтической формы может приводить к глубокой смысловой доместикации. Попытка повторить поэтическую форму в переводе может породить совершенно иной смысл. Адаптированное в аспекте смысловой доместикации произведение начинает жить собственной жизнью в иной литературной культурной среде.

Мы видим, что в этих примерах перевод переступает свои интерпретационные границы и превращается в переосмысление исходного текста. Переводчик конкурирует с автором на смысловом уровне. Выразительная деавторизация превращается в смысловую деавторизацию текста. Можно ли в этом видеть истину перевода?

XI. Заключение. Истина перевода в комплексном понимании

Истина перевода — это комплексная и неоднозначная величина, являющаяся центральным критерием соответствия переводного текста исходному. Истина перевода охватывает три содержательных уровня текста: предметно-семантический, прагматический и стилистический, между которыми при переходе от ИЯ к ПЯ могут возникать различного рода противоречия и асимметрии. Переводчик должен искать приемлемый смысловой компромисс между различными содержательными уровнями, чтобы сохранить в достаточном объёме масштаб содержательного соответствия переводного текста исходному.

Помимо указания на предмет и смысловой прагматики текста, перед переводчиком встаёт проблема стиля, за которым открывается масса социокультурных и образных ассоциаций, специфических для каждого языка. В специальном переводе проблема стиля имеет формальный статус: научный текст переводится научным стилем, официальный текст — официально-деловым стилем, публицистика — публицистическим и т.д. Сложившаяся в речевой культуре ПЯ стилистическая норма доминирует как высший выразительный

канон, подчиняя себе форму выражения, становится непреложным условием выбора переводного эквивалента. Стиль становится решающим критерием доместикации в специальном переводе.

В художественном переводе на первый план выходит проблема индивидуально-авторского стиля и национально-культурной об-разной специфики языка. Но и здесь стиль имеет доминантную функцию, определяя принимаемые переводчиком смысловые ре-шения.

Вопросы социокультурных окрасок и стиля чрезвычайно важны в переводе, поскольку стиль — это начало и непрекаемая основа смысла. Стиль — вершина адекватности и критерий смысловой верификации перевода. Истина перевода не может игнорировать стиль как высшую инстанцию понимания. Невыполнение условий стиля уничтожает перевод.

Другой стороной истины перевода является предметно-семан-тический компонент, который становится решающим критерием эквивалентности. Адекватность — безусловная и инвариантная сторона перевода, эквивалентность — его условная и вариативная сторона.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

Бимель В. Мартин Хайдеггер, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (перевод с нем. А. Верников). Челябинск: Урал LTD, 1998. 284 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд. ин. лит-ры, 1960. С. 264–389.

Иванов Н.В. Мотивы создания, форма и образы одного поэтического перевода А.С. Пушкина с португальского // *Мосты*. № 1, 2008. М.: 2008. С. 18–25.

Иванов Н.В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе: монография / Н.В. Иванов; М.: ИД «Международные отношения», 2018. 151 с.

Иванов Н.В. Трансформационная диалектика перевода (на базе португальско-русских и русско-португальских примеров) // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. № 6. «Язык. Коммуникация. Перевод». Материалы XV Межд. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. Москва. ВУ (25 июня 2021 г.). М.: Военный университет Минобороны России, 2021. С. 556–568.

Князева Е.Г. Речевая единица и коммуникативная антиципация // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном изме-

рениях: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 г.). М.: ИД «Международные отношения», 2014. С. 609–613.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. Предисловие М.Я. Цвиллинга. Изд. 2-е доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.

Мунэн Ж. Перевод как языковой контакт // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 36–41.

Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времён до наших дней): Учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 416 с.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 6-е изд. М.: Флинта; Наука, 2009. 320 с.

Новикова М.Г. Языковой символизм и мера смысла как способ передачи идиостиля при переводе художественной прозы // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 г.). М.: ИД «Международные отношения», 2014. С. 150–161.

Павилёнис Р.В. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983. 286 с.

Полубоярова М.В. Структурные уровни эквивалентности в специальном переводе (на материале англо-русского публицистического перевода): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 179 с.

Сидоров Е.В. Социальная коммуникация. М.: Изд-во РГСУ, 2011. 200 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31–274.

Федулова М.Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2019. 315 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 216 с.

Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом // Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 97–109.

Vinay, J.-P., Darbelnet, J. Comparative Stylistics of French and English, trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 1995. 342 p.

References

Arutjunova N.D. (1998) Jazyk i mir cheloveka = The Language and the Humans' World. Moscow: *Jazyki russkoj kul'tury*. 896 p. (In Russian).

Bimel' V. (1998) Martin Hajdegger, sam svidetel'stvujushhij o sebe i o svoej zhizni = Martin Heidegger Testifying about Himself and his Life. (perevod s nem. A. Vernikov). Cheljabinsk: Ural LTD. 284 p. (In Russian).

Garbovskij N.K. (2007) Teorija perevoda: Uchebnik = Theory of Translation: Manual. 2-e izd. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 544 p. (In Russian).

El'mselev L. (1960) Prolegomeny k teorii jazyka = Prolegomena to the Theory of Language. *Novoe v lingvistike*. Issue 1. Moscow: Izd. in. lit-ry, pp. 264–389 (In Russian).

Ivanov N. V. (2008) Motivy sozdaniya, forma i obrazy odnogo pojeticheskogo perevoda A.S. Pushkina s portugal'skogo = Reasons for Creation, Form and Images of one Alexander S. Pushkin's Poetic Translation from Portuguese. *Mosty*. No. 1. Moscow, pp. 18–25 (In Russian).

Ivanov N. V. (2018) Interpretacija v znakovoj ontologii jazyka i v perevode: monografija = The Interpretation in the Ontology of Language and in Translation: Monograph. Moscow: ID "Mezhdunarodnye otnoshenija". 151 p. (In Russian).

Ivanov N. V. (2021) Transformacionnaja dialektika perevoda (na baze portugal'sko-russkih i russko-portugal'skih primerov) = Transformational Dialectics of Translation (by Portuguese-Russian and Russian-Portuguese examples). *Voенно-gumanitarnyj al'manah. Serija "Lingvistika". Issue No. 6. "Jazyk. Kommunikacija. Perevod"*. Materialy XV Mezhd. nauch. konf. po aktual'nyh problemam teorii jazyka i kommunikacii. Moscow. VU (25 ijunja 2021 g.). Moscow: Voennyj universitet Minoborony Rossii, pp. 556–568 (In Russian).

Knjazeva E. G. (2014) Rechevaja edinica i kommunikativnaja anticipacija = Speech Unit and Communicative Anticipation. Jazyk kak sistem-naja real'nost' v sociokul'turnom i kommunikativnom izmerenijah: Mat-ly VIII Mezhdunar. nauch. konf. po aktual'nyh problemam teorii jazyka i kommunikacii (Moscow, 27 ijunja 2014 g.). Moscow: ID "Mezhdunarodnye otnoshenija", pp. 609–613 (In Russian).

Komissarov V. N. (2007) Lingvistika perevoda. Predislovie = Linguistics of Translation. M. Ja. Cvillinga. Izd. 2-e dop, Moscow: Izdatel'stvo LKI. 176 p. (In Russian).

Mounin G. (1978) Perevod kak jazykovej kontakt. = Translation as a Contact of Languages. *Voprosy perevoda v zarubezhnoj lingvistike* Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, pp. 36–41 (In Russian).

Neljubin L. L., Huhuni G. T. (2006) Nauka o perevode (istorija i teorija s drevnejshih vremjon do nashih dnei) = The Science of Translation (History and Theory from the Ancient Times up to Contemporary Days). Ucheb. posobie. Moscow: Flinta. 416 p. (In Russian).

Neljubin L. L. (2009) Tolkovyj perevodovedcheskij slovar' = Explanatory Dictionary of Translation Studies. 6-e izd. Moscow: Flinta: Nauka. 320 p. (In Russian).

Novikova M. G. (2014) Jazykovej simvolizm i mera smysla kak sposob pere-dachi idiosilija pri perevode hudozhestvennoj prozy = Linguistic Symbolism and Measure of Sense as a Means of Rendering Idiostyle in Literary Prosaic Translation. Jazyk kak sistemnaja real'nost' v sociokul'turnom i kommunikativnom izmerenijah Mat-ly VIII Mezhdunar. nauch. konf. po aktual'nyh problemam teorii jazyka i kommunikacii (Moskva, 27 ijunja 2014 g.). Moscow: ID "Mezhdunarodnye otnoshenija", pp. 150–161 (In Russian).

Paviljonis R.V. (1983) Problema smysla = The Problem of The Sense. Moscow: Mysl'. 286 p. (In Russian).

Polubojarova M.V. (2009) Strukturnye urovni jekvivalentnosti v special'nom perevode (na materiale anglo-russkogo publicisticheskogo perevoda) = Structural Levels of Equivalence in Special Translation (by the English-Russian Publicistic Translation. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 179 p. (In Russian).

Sidorov E.V. (2011) Social'naja kommunikacija = Social Communication. Moscow: Izd-vo RGSU. 200 p. (In Russian).

Saussure, F. de. (1977) Kurs obshhej lingvistiki = Course in General Linguistics. Sossjur F. de. Trudy po jazykoznaniju. Moscow: Progress, pp. 31–274 (In Russian).

Fedulova M.N. (2019) Interpretacionnaja priroda diskursa v sociokul'turnom i kommunikativnom izmerenijah (na materiale anglijskih i russkih tekstov sudebnoj ritoriki) = Interpretative Nature of Discourse in Sociocultural and Communicative Dimensions (by the English and Russian texts of Forensic Rhetoric). Disc. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 315 p. (In Russian).

Shvejcer A.D. (2009) Teorija perevoda: status, problemy, aspekty = Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow: LIBROKOM. 216 p. (In Russian).

Shherba L.V. (1957) Opyty lingvisticheskogo tolkovanija stihotvorenij. II. "Sosna" Lermontova v sravnenii s ee nemeckim prototipom = Essay on a Linguistic Interpretation of Poems. II. "Pine-tree" by Lermontov Compared with the German Original. Shherba L.V. Izbrannye trudy po russkomu jazyku. Moscow: Uchpedgiz, pp. 97–109 (In Russian).

Vinay, J.-P., Darbelnet, J. (1995) Comparative Stylistics of French and English, trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins. 342 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Иванов Николай Викторович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков (итальянского, португальского и латинского) имени профессора Т.З. Черданцевой Московского государственного института международных отношений (университета) — Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 76; e-nickma@mail.ru

Федулова Мария Николаевна — доктор филологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника 33 кафедры английского языка (второго) Военного университета имени Князя Александра Невского Министерства обороны РФ. 125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; mfedulova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Nikolai V. Ivanov — Dr. Sc. (Philology), Full Professor of Linguistics, Head of the Department of Romance Languages at Moscow State University of International Relations (MGIMO); 76 prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; e-nickma@mail.ru

Maria N. Fedulova — Dr. Sc. (Philology), Associate Professor of Linguistics, Deputy Chief of the English language Department (as the second foreign language) at the Alexander Nevsky Military University, Russia, Moscow, Bolshaya Sadovaya st., 14; mfedulova@mail.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interest.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81`25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-38-52

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА С ПОЗИЦИЙ КОММУНИКАТИВНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В КИТАЕ

Ли Цзюань

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: 475851797@qq.com

Аннотация. Коммуникативно-функциональный подход получил широкое распространение в теории перевода. В статье предпринимается попытка описания и оценки современного состояния китайских исследований по коммуникативно-функциональной теории перевода.

Цель исследования — оценить состояние исследований теории перевода с позиций коммуникативно-функционального подхода в Китае на современном этапе. Для достижения цели исследования были изучены и систематизированы работы китайских авторов по теме коммуникативно-функциональной теории перевода, рассмотрена эволюция данного подхода, а также выявлены основные тенденции в его развитии в Китае и сделаны выводы относительно перспективных направлений дальнейшего исследования.

Методы исследования включают наукометрический и контент-анализ, кластеризацию. Материалы исследования представлены монографиями, научными работами и публикациями в периодических изданиях китайских авторов по теме коммуникативно-функциональной теории перевода. Выборку исследования составили 6209 научных работ, извлечённых из базы CNKI. Они были разделены на три кластера, включающие обзорные, теоретические и прикладные исследования, в каждом из которых были выявлены ключевые слова направления и проведена количественная оценка структуры публикационной активности с оценкой доли каждого кластера в общем объёме выборки.

По результатам исследования обнаружено преобладание прикладных исследований по коммуникативно-функциональной теории в работах китайских исследователей над теоретическими. Сделан вывод, что исследования коммуникативно-функционального подхода в китайском переводе в целом характеризуются широтой и охватом различных сфер перевода, но с точки зрения теоретической глубины ещё есть пространство для последующего их развития. Также перспективной представляется последующая разработка дидактических вопросов обучения переводчиков с опорой на коммуникативно-функциональный подход.

Ключевые слова: теория перевода, коммуникативно-функциональный подход, функциональная теория, коммуникативная теория, Китай

Для цитирования: Ли Цзюань. Современное состояние исследований теории перевода с позиций коммуникативно-функционального подхода в Китае // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 1. С. 38–52. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-38-52

Статья поступила в редакцию 21.12.2022;
одобрена после рецензирования 05.04.2023;
принята к публикации 11.05.2023.

THE CURRENT STATE OF COMMUNICATIVE-FUNCTIONAL RESEARCH INTO THE TRANSLATION THEORY IN CHINA

Li Juan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: 475851797@qq.com

Abstract. The article attempts to describe and evaluate the current state of Chinese communicative-functional theory of translation research. The research aims to assess the present state of research communicative-functional approach in the theory of translation in China.

Research methods include scientometric and content analysis, clustering. The research materials are represented by monographs, scientific papers and publications in periodicals on the topic of the communicative-functional translation theory by Chinese authors. The study sample consisted of 6209 scientific papers extracted from the CNKI database. They were divided into three clusters, viz. review, theoretical and applied research. In each cluster, the author identified the key words of the direction and carried out a quantitative assessment of

the structure of publication activity with an assessment (a % share of the total sample size).

As a result, the predominance of applied research into the communicative-functional theory in the works of Chinese researchers over theoretical ones was found, which proves the author's hypothesis about the emphasis Chinese scientists put on the pragmatic tasks of the development of translation studies. It is concluded that studies of the communicative-functional approach in Chinese translatology are generally characterized by the breadth and coverage of various areas of translation, but from the perspective of theoretical depth there is still room for their further development.

In this study, the author made an attempt to review the current state of the study of translation from the standpoint of the communicative-functional approach, but found that this approach still needs further theoretical understanding, further adaptation and integration with traditional ideas of Chinese translation studies. It was also revealed that it is promising to deepen the theoretical basis of the communicative-functional approach for applied research of the Russian-Chinese and Chinese-Russian approach and to develop didactic issues of teaching translators based on this approach in order to achieve better results in the translation of texts and improve Sino-Russian communication.

Keywords: translation theory, communicative-functional approach, functional theory, communicative theory, China

For citation: *Li Juan* (2023). The current state of communicative-functional research into the translation theory in China. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 1. P. 38–52. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-38-52

The article was received on December 21, 2022;
approved after reviewing on April 05, 2023;
accepted for publication on May 11, 2023.

Введение

К настоящему времени коммуникативно-функциональный подход получил широкое распространение в изучении теории перевода западных языков. Что касается перевода с русского на китайский и с китайского на русский язык, здесь проблема применения данного подхода в переводческом процессе стоит более остро, что обусловлено значительными различиями в лингвистических системах и культурных ценностях двух языков.

В 2001 г. Россия и Китай подписали Договор о добрососедстве, установивший новый этап в отношениях двух стран и к настояще-

му времени страны совместными усилиями сформировали модель стратегического партнёрства, демонстрирующую беспрецедентно тесные и доверительные отношения двух крупнейших держав. На фоне политического сближения и увеличения контактов между двумя странами, потребность в выполнении качественного перевода в паре русский-китайский язык стала ещё выше. В этом аспекте особенно необходимо развитие коммуникативно-функционального подхода применительно теории перевода в парах русский-китайский и китайский-русский язык.

В России ещё в советский период начали формироваться предпосылки для становления коммуникативно-функционального подхода в теории перевода. Многие известные советские и российские учёные, анализируя работы западных коллег, в том числе идеи Г. Егера и К. Райс, такие как А.Д. Швейцер, В.Н. Комиссаров, З.Д. Львовская, В.В. Сдобников, внесли собственный вклад в формирование коммуникативно-функционального подхода в российской переводоведении.

Развитие науки о переводе в Китае в определённой степени отличается от эволюции теоретических представлений о переводе в России, где научный подход в той или иной степени схож с западной академической традицией. По мнению Ван Мэняо, в Китае функциональность и нормативность перевода всегда в большей степени интересовали учёных, а в основе научного метода лежит консерватизм и отсутствие формализма (Ван, 2014). В силу прагматических особенностей мышления, для китайских исследователей первоочередной задачей является решение практических вопросов в процессе изучения перевода, а не попытки объяснить и дать дефиниции явлениям. Также интересен обнаруженный Т.А. Волковой факт о различиях в понимании российскими и китайскими исследователями терминов стратегия перевода, способы/методы перевода, определённые различия в классификации переводческих принципов (Волкова, 2017: 161–162). Отдельно необходимо отметить, что сегодня перевод в Китае относится к числу высокоразвитых индустрий, где ежегодно появляются новые переводческие образовательные учреждения, национальные сообщества, подобные Ассоциации переводчиков Китая. Более того, китайские исследователи принимают участие в международных профессиональных сообществах в сфере перевода, активно публикуются в научных журналах на китайском, английском и русском языках, издают новые учебные пособия и монографии в области теоретического осмысления переводческой деятельности.

Вышеописанные обстоятельства позволяют сделать вывод, что к настоящему времени Китай накопил достаточно богатый опыт в области теории и практики перевода. Более того, интерес к науке о переводе в Китае в России постепенно развивается, что подтверждается публикациями в периодических изданиях, имеющих высокий научный авторитет (например, в 2017 г. «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода № 3» был полностью посвящён вопросам русско-китайского и китайского-русского перевода). В связи с тем, что функциональный подход к переводу является в китайских научных кругах особенно востребованным, изучение эволюции и современного состояния исследований теории перевода в рамках коммуникативно-функциональной парадигмы в Китае представляется определённо актуальным.

Материалы и методы

В основе методологии данного исследования лежит комплексное применение наукометрического и контент-анализа, а также кластеризации, основанной на разделении научных исследований на кластеры в соответствии с научными направлениями по методу, предложенному учёными Российской академии наук А.В. Швецом и др. (Девяткин и др., 2014: 62). В соответствии с этим методом, алгоритм проведения наукометрического анализа включает этапы сбора документов научного направления, анализа полных текстов и выявления научных направлений посредством построения кластеров близких по содержанию публикаций.

Рассматривая эволюцию исследований перевода с позиций коммуникативно-функционального подхода в трудах китайских авторов, автор провёл анализ работ за период с 1978 по 2021 г. Выбор нижней хронологической рамки обусловлен проведением в Китае реформ и открытости, обусловивших рост практического интереса к переводу в новых социально-экономических условиях и увеличение внимания научных кругов к теоретическим аспектам переводоведения. Поиск проводился в крупнейшей китайской базе CNKI, содержащей все виды научных работ по изучаемой теме — как монографии, диссертации, так и научные статьи, результаты конференций.

Выборка исследования включает 6209 научных работ, поиск которых осуществлялся на китайском языке по запросам «функциональная теория перевода» (功能翻译理论), «коммуникативная теория перевода» (交际翻译理论).

Литературный обзор

Перевод, являясь сложным и многосторонним феноменом, на протяжении многих лет рассматривался мыслителями как деятельность по выражению какого-либо текста на одном языке средствами другого языка. Со второй половины XX в. в западной науке о переводе сформировался высокий интерес к изучению перевода как процесса коммуникации, что привело к появлению коммуникативно-функционального подхода в теории перевода. В настоящее время, с углублением глобализации, значение перевода становится всё более заметным, а межкультурная коммуникация становится относительно распространённым и неизбежным явлением, поэтому сфера применения теории коммуникативно-функционального перевода становится всё шире (Чжан Сяохан, 2013).

Перевод как коммуникативный акт намного сложнее акта обычного одностороннего перевода, поскольку многие составляющие в нём удваиваются. Сложна роль и переводчика, выступающего центральной фигурой данного акта, который периодически меняет свою функцию, выступая одновременно и получателем, и отправителем речи (Гарбовский, 2007: 11). Переводчик постоянно сталкивается со сложностями межъязыковой и межкультурной асимметрии, что затрудняет достижение функциональной эквивалентности перевода, когда получатель перевода воспринял бы текст так же, как и носитель языка оригинального текста, без каких-либо искажений смыслов.

Перевод — это социальная практическая деятельность, которая ограничена многими факторами: разные методы и принципы перевода дают разные варианты перевода, которые неодинаково воздействуют на читателей (Янь Бин, 2021). Цель коммуникативного перевода состоит в том, чтобы произвести такой же или даже такой же эффект чтения для читателей целевого языка, как и для читателей исходного текста (Мао Ин, 2022: 97). Осознавая данную проблему, китайские исследователи в области теории перевода сосредоточили внимание на вопросах поиска путей достижения функциональной эквивалентности перевода и тем самым внесли собственный вклад в развитие коммуникативно-функциональной теории.

Результаты

Китайские исследования коммуникативно-функциональной теории перевода начались сравнительно поздно, но за более чем четыре десятилетия дискуссий и научных исканий были достигнуты замечательные успехи.

В результате наукометрического анализа работ китайских авторов по теме коммуникативно-функционального перевода было обнаружено, что в Китае исследования по функциональной теории перевода были начаты раньше, чем по коммуникативной теории, при этом пик публикационной активности по первой был отмечен в 2012–2014 гг., в эти годы было опубликовано в совокупности 914 научных работ, что составляет 14,7% от всей выборки исследования. По теме коммуникативной теории перевода научный интерес сформировался позже и динамика на графике демонстрирует, что пик публикационной активности за исследуемый период времени отмечен в 2020 г., когда за один год было опубликовано свыше 400 научных работ (6,7% выборки). Динамика публикационной активности представлена на рис. 1.

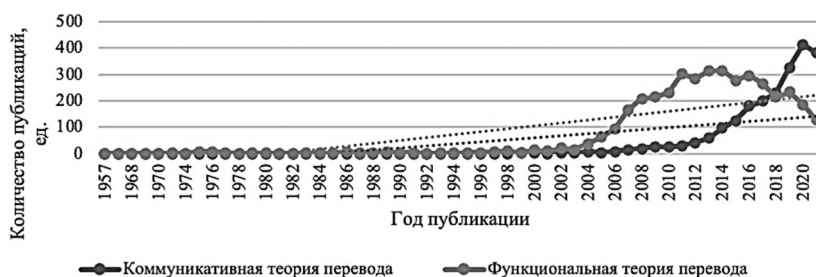

Рис. 1. Динамика публикационной активности китайских авторов по теме коммуникативной и функциональной теории перевода

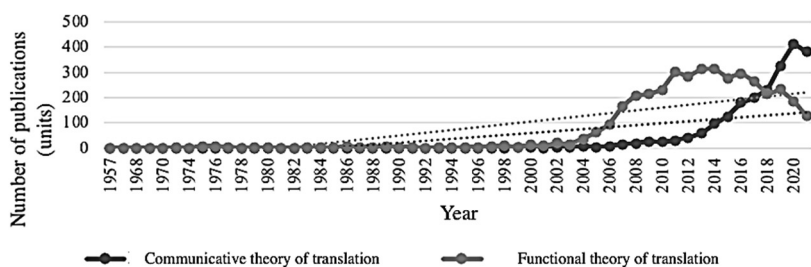

Figure 1. Trends of Chinese researchers' publishing activities about communication and functional translation theory

Контент-анализ выборки научных работ позволил выявить, что их можно условно разделить на три объёмных группы — обзорные исследования, теоретические и прикладные. В каждой из групп исследования находятся на разном уровне зрелости, а поэтому пред-

ставляется необходимым проведение анализа содержания статей из каждой категории (табл. 1).

Таблица 1

Основные направления, выявленные по результатам кластеризации

Кластер	Ключевые слова направления	Кол-во статей	Доля в выборке, %
Обзорные исследования	Коммуникативный перевод, функциональный перевод, теория перевода, Ньюмарк	417	6,7
Теоретические исследования	Теоретический взгляд, теория перевода, теоретическое построение, коммуникативный перевод, функциональный перевод	304	4,9
Прикладные исследования	Коммуникативный перевод, функциональный перевод, прикладной перевод, информационный текст, метод перевода, нелитературный перевод, способ перевода, стратегия перевода, перевод новостей, культурные различия	5488	88,4

Table 1

The main directions identified by the results of clustering

Cluster	Main keywords	Number of articles	Share in the sample, %
Survey Research	Communicative Translation, Functional Translation, Translation Theory, Newmark	417	6,7
Theoretical research	Theoretical view, translation theory, theoretical construction, communicative translation, functional translation	304	4,9
Applied research	Communicative translation, functional translation, applied translation, informational text, translation method, non-literary translation, translation method, translation strategy, news translation, cultural differences	5488	88,4

1. Обзорные исследования

В обзорных исследованиях коммуникативно-функциональной теории перевода представлены обобщения развития данного подхода к переводу в работах западных и китайских исследователей. Изучая труды западных авторов, китайские исследователи концентрируют внимание на работах К. Норда, П. Ньюмарка. Они проводят описание теоретических идей коммуникативно-функционального подхода, которые сформировались в западной науке о переводе. Среди них также есть авторы, рассматривающие работы советских и российских учёных. Например, Чжао Яньцю (Чжао Яньцю, 2014) в своей работе сосредоточил внимание на изучении исторического процесса развития науки о переводе в России, тем самым представляя для своих соотечественников ключевые идеи российского переводоведения, включая коммуникативно-функциональную концепцию.

В целом, обзорные исследования направлены на знакомство китайских учёных с основными точками зрения на функционализм в переводе, тем самым формируя более полное представление о нём у китайского читателя. Обзорные исследования имеют явный недостаток: в них в основном отражается общая справочная информация о коммуникативной и функциональной теориях, а критические замечания авторов не всегда являются уместными, а иногда и вовсе демонстрируют некорректное понимание взглядов западных исследователей. Дискуссионным представляется и перевод отдельных научных терминов, например, гомологичный перевод представлен как жанроподобный (квазижанровый) (Пин Хун, 2002; Цзя Вэньбо, 2017). В китайской науке о переводе сформировалось тем самым собственное определение жанрового перевода как «воспроизведения исходного текстового формата с существующим текстовым форматом (в основном литературным жанром) в переводе» (Пин Хун, 2002).

2. Теоретические исследования

Анализ выборки позволил обнаружить, что за период с 1978 по 2021 гг. было опубликовано всего 304 статьи, в которых коммуникативно-функциональный подход изучался с теоретической точки зрения. Среди этих статей много работ, оценивающих историческое развитие данного подхода в Китае и на Западе.

Ли Гуанжун (2010) в своей работе представил историческую эволюцию функциональной теории, выделив в её развитии период

зарождения, становления и совершенный период, дав подробное введение в идеи теории перевода основных представителей этих трех периодов в сочетании с теорией перевода Лю Мицина. Он выявляет связь работ китайских авторов в данной сфере с западными трудами, тем самым проводя анализ преемственности в процессе развития теории и делая вывод о способах дальнейшего её улучшения.

В дополнение к большому количеству статей в некоторых журналах, отдельные китайские учёные также имеют специальные главы в своих трудах, посвящённые коммуникативно-функциональной теории. Подобные труды в основном включают академические монографии и переводы, в их числе «Курс перевода: прагматика и теория» (Лю Мицин, 2003), «Прикладная функциональная теория перевода» (Цзя Вэньбо, 2004), «Исследование школы западной теории перевода» (Ли Вэньгэ, 2004), «Функциональные подходы к переводоведению» (Чжан Мэйфан, 2005), «Наследование и трансцендентность: исследование функциональной скопос-теории перевода» (Бянь Цзяньхуа, 2008) и более современные «Обзор исследовательского статуса функциональной переводческой скопос-теории в Китае» (Чэнь Юйлун, 2010), «Размышления о научном статусе скопос-теории перевода» (Луо Сяохун, 2016), «Исследование принципов и стратегий теории функционального перевода (Лю Инцзе, 2016) и др.

В целом можно сделать вывод, что теоретические исследования коммуникативно-функционального подхода в Китае не так многочисленны, они в основном сконцентрированы на анализе применимости западных концепций в практике перевода на китайский и с китайского на иностранные языки.

3. Прикладные исследования

Коммуникативно-функциональная теория тесно связана с исследованием прикладного перевода, многие идеи и методы данного теоретического подхода вполне могут служить руководством для углублённого изучения прикладного перевода, в связи с этим данная теория имеет большое практическое значение для прикладных исследований.

Чэнь Сяовэй (1996) первым применил теорию функционального перевода к прикладным исследованиям перевода в Китае, и в настоящее время применение коммуникативно-функционального подхода к прикладным переводческим исследованиям составляет относительно большую часть работ китайских авторов. Эти ис-

следования включают широкий спектр жанров, включая юридический, туристический, перевод новостей, рекламы и других видов текстов. Исследователи концентрируют внимание на разных аспектах применения коммуникативно-функциональной теории в переводческой практике, включая такие как согласованность между текстами, некоторые сосредотачиваются на функции, а некоторые — на ошибках перевода.

Отдельно среди прикладных исследований необходимо отметить работы по литературному переводу, в которых предпринята попытка обоснования возможности использования коммуникативно-функционального подхода при передаче текстов художественных произведений. Работы авторов (Ци Минцай, 2010; Ли Цзыжун, 2013; Янь Бин, 2021 и др.) объединяет общее стремление доказать, что данный подход мог быть применим к художественному переводу. В статье Хэ Цинцзи (Хэ Цинцзи, 2007) представлена иная точка зрения, согласно которой объяснительная сила функциональной теории существенно ограничена в отношении перевода художественных текстов. В целом, можно отметить, что в последние годы интерес к изучению возможностей использования коммуникативно-функциональной теории при передаче литературных текстов продолжает развиваться.

Среди прикладных исследований наиболее широко представлены работы, в которых коммуникативно-функциональный подход изучается по отношению к переводу новостных текстов. Что касается использования данного подхода при переводе текстов с китайского на русский язык и наоборот — работы в данном направлении значительно ограничены и по объёму не сопоставимы с распространёнными исследованиями в паре английский-китайский.

Обсуждение

На основании проведённого анализа работ по коммуникативно-функциональной теории перевода в Китае можно сделать вывод, что этот подход в настоящее время является одним из основных в китайском переводоведении. Данная теория получила широкое признание и применение среди китайских учёных. Несмотря на то, что исследования в данной сфере обширны как в прикладном, так и в теоретическом плане, в целом они не сбалансированы, и содержание в основном сосредоточено на применении переводческих стратегий, рецензировании и оценке идей предшественников, мало исследований по оценке перевода и преподаванию перевода, и ещё меньше исследований по самой теории коммуникативно-функционального перевода.

С точки зрения глубины исследования, работы в данной области затрагивают перевод в разных сферах, но в связи с ограниченностью исследований теории, глубина прикладных исследований также недостаточна. Многие исследования носят субъективный и односторонний характер, отсутствуют системные и всесторонние дискуссии с теоретической глубиной. В связи с этим можно обнаружить следующую тенденцию: учёные, отдавая предпочтение прикладному формату исследований, стараются охватить как можно более разнообразные сферы перевода, в то же время теоретическое осмысление коммуникативно-функциональной теории ещё в целом недостаточно зрелое.

Хотя коммуникативно-функциональная теория перевода возникла в результате обучения переводчиков, существует относительно мало китайских работ, в которых данная теория применяется к исследованиям в области обучения переводу. В основном статьи либо дают обзор исторического происхождения, реалистической основы, процесса развития и основных теоретических основ, теории функционального перевода, либо представляют собой теоретико-прикладной обзор стандартов перевода. Поэтому перспективной является теоретическая и практическая разработка дидактических вопросов подготовки профессиональных переводчиков в Китае с основой на коммуникативно-функциональном подходе.

Заключение

Коммуникативно-функциональный подход в теории перевода обладает рядом достоинств, он позволил переосмыслить сущность процесса перевода и достичь получения более качественных результатов перевода. В настоящее время многие китайские учёные активно используют основные идеи данного подхода в прикладных исследованиях перевода и результаты их работы, а также общее состояние индустрии перевода в Китае на современном этапе демонстрируют определённые успехи. В то же время, наукометрический анализ позволил установить, что основной акцент в трудах китайских авторов сделан на прикладных исследованиях. Они стремятся охватить как можно более разнообразные сферы перевода, используя в качестве материалов исследования тексты разных жанров и видов. Тем не менее в их работах дублируются в качестве теоретической базы идеи западных учёных относительно коммуникативно-функционального подхода, а фундаментальные теоретические труды китайских авторов в данной области не получают должного применения в исследовательской практике.

В настоящем исследовании мы предприняли попытку провести обзор текущего состояния изучения перевода с позиций коммуникативно-функционального подхода, однако обнаружили, что данный подход ещё нуждается в последующем теоретическом осмыслении, дальнейшей адаптации и интеграции с традиционными идеями китайского перевода. Также было выявлено, что перспективным представляется углубление теоретической базы коммуникативно-функционального подхода для прикладных исследований русско-китайского и китайско-русского подхода и разработка дидактических вопросов обучения переводчиков, основанного на данном подходе, с целью достижения более качественных результатов перевода текстов и улучшения коммуникации между Китаем и Россией.

Список литературы

Ван М. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 19 с.

Волкова Т.А. Модели и стратегии перевода в российском и китайском переводоведении: опыт сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2017. № 6. С. 158–165.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Девяткин Д.А., Попов К.В., Смирнов И.В., Швец А.В., Ярыгин К.Н. Исследование систем и методов наукометрического анализа научных публикаций // Искусственный интеллект и принятие решений, 2014. № 3. С. 62–71.

Ли Гуанжун. Размышления о неправильном прочтении и применении немецкой теории функционального перевода // Журнал Тяньцзиньского института иностранных языков, 2010. № 1. С. 42–44.

Ли Цзыжун. Совместима ли теория функционального перевода с теорией художественного перевода или нет? Обзор соответствующих отечественных исследований // Молодые писатели, 2013. № 29. С. 99–100.

Мао Ин. Исследование перевода информационного текста в рамках теории коммуникативного перевода // Внешняя торговля и экономическое сотрудничество, 2022. № 9. С. 94–97.

Пин Хун. Текстовая функция и стратегия перевода // Китайский перевод, 2020. № 5. С. 19–23.

Хэ Цинци. Обзор исследований по теории перевода отечественной функциональной школы // Шанхайский перевод, 2007. № 4. С. 16–20.

Цзя Вэньбо. Прикладная функциональная теория перевода. Пекин: Китайская компания иностранных переводов и издательств, 2017.

Ци Минцай. Обзор функциональной теории перевода // Журнал Хэйлунцзянского педагогического института, 2010. № 29. С. 130–131.

Чжан Сяохан. О применении теории функционального перевода в английском переводе для целей внутреннего туризма // *Журнал института Уи*, 2013. № 32. С. 44–48.

Чжао Яньцю. Исследование советско-русской теории перевода в Китае: обзор и перспективы // *Шанхайский перевод*, 2014. № 4. С. 16–23.

Янь Бин. Исследование неточного перевода, основанное на теории коммуникативного перевода — на примере английского перевода древнекитайских стихотворений // *Выставка китайской национальности*, 2021. № 6. С. 126–128.

References

Devyatkin D.A., Popov K.V., Smirnov I.V., Shvets A.V., Yarygin K.N. (2014) Issledovanie sistem i metodov naukometricheskogo analiza nauchnykh publikacij = Research of systems and methods of scientometric analysis of scientific publications. *Iskusstvennyj intellekt i prinjatie reshenij*. No. 3, pp. 62–71 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2007) *Teoriya perevoda = Theory of translation*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 544 p. (In Russian).

贾文波 (2017). 应用翻译功能论 [M]. 北京:中国对外翻译出版公司.

Jia Wenbo. (2017) *Applied functional theory of translation*. Beijing: China Company of Foreign Translations and Publishers (In Chinese).

李光荣 (2010) (01). 德国功能翻译理论误读误用的反思[J]. 天津外国语学院学报, pp. 42–48.

Li Guanzhong. (2010) Reflections on the incorrect reading and application of the German theory of functional translation. *Journal of the Tianjin Institute of Foreign Languages*. No. 1, pp. 42–44 (In Chinese).

毛颖 (2022) (09). 交际翻译理论下的信息型文本翻译研究[J]. 对外经贸, pp. 94–97.

Mao Ying. (2022) Research of information text translation within the framework of the theory of communicative translation. *Foreign trade and economic cooperation*. No. 9, pp. 94–97 (In Chinese).

平洪 (2002) (05). 文本功能与翻译策略[J]. 中国翻译, pp. 19–23.

Ping Hong (2002). Text function and translation strategy. *Chinese Translation*. No. 5. pp. 19–23 (In Chinese).

Van M. (2014) *Sovremennaya nauka o perevode v Kitae: istoriya stanovleniya i tendentsii razvitiya = Modern science of translation in China: the history of formation and development trends*. Moscow. 19 p. (In Russian).

Volkova T.A. (2017) *Modeli i strategii perevoda v rossiyskom i kitayskom perevodovedenii: opyt sopostavitel'nogo analiza = Models and strategies of translation in Russian and Chinese translation studies: experience of comparative analysis*. *Politicheskaya lingvistika*. No. 6, pp. 158–165 (In Russian).

闫冰 (2021) (06). 基于交际翻译理论下的非忠实翻译研究——以中国古诗的英译为例 [J]. 中国民族博览, pp. 126–128.

Yan Bing (2021). The study of inaccurate translation based on the theory of communicative translation — on the example of the English translation of ancient Chinese poems. *Exhibition of Chinese Nationality*. No. 6, pp. 126–128 (In Chinese).

赵艳秋 (2014) (04) 我国苏俄翻译理论研究:回顾与展望[J]. 上海翻译, pp. 16–23.

Zhao Yanqiu. (2014) A study of the Soviet-Russian theory of translation in China: an overview and prospects. *Shanghai Translation*. No. 4, pp. 44–48 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ли Цзюань — аспирант Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51;

475851797@qq.com, IRID 337449922, ORCID 0000-0002-9969-4318

ABOUT THE AUTHOR:

Li Juan — PhD student at the Higher School of Translation and Interpreting (Faculty), Lomonosov Moscow State University; 1-51, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia;

475851797@qq.com, IRID 337449922, ORCID0000-0002-9969-4318

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-53-79

РОССИЙСКО-СОВЕТСКИЙ ОПЫТ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ «АННАБЕЛЬ ЛИ» ЭДГАРА АЛЛАНА ПО

**Макарова Олеся Сергеевна,
Гончаров Артем Сергеевич**

Ставропольский государственный педагогический институт,
Ставрополь, Россия

Для контактов: o-ss@mail.ru, raven-moon-34999@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению традиции перевода романтической поэзии Эдгара Аллана По на русский язык. Творчество Эдгара Аллана По отличается изяществом готического пейзажа, умелым сочетанием мистических и романтических аспектов внутренних переживаний личности, острой борьбы возвышенного идеала с социальной реальностью. «Безумие как искусство» — отличительная черта поиска любви лирических героев По, особенность их мировосприятия. Поэзия автора передаёт его внутренние переживания, которые, как правило, являются личностными мотивами лирических героев. Такая специфика значительно затрудняет перевод поэтического творчества. Последнее стихотворение автора «Аннабель Ли» обобщает образ «вечной любви», а стилистические и лексико-семантические особенности стихотворения свидетельствуют о наполненности художественного мира культурными, мистико-религиозными, эмоциональными, религиозными и культоритуальными концептами. Несмотря на то, что По критиковали за склонность к формализму, его поэтическое мастерство считают идеальным типом сохранения единства и целостности художественного впечатления. Механическое сохранение формы, свойственное раннему творчеству По, было воплощено и в его последнем стихотворении. Для языкового воплощения «вечной любви» автор противопоставляет архетипы и формы

взаимодействия мира земного и небесного. Придерживаясь позиции о необходимости глубокой, поэтапной и методичной работы над стихотворением, По создал уникальный синтетический мир, пропитанный духом Античности, Средних веков и Нового времени. Образ Аннабель Ли сохранил черты Ленор, Елены, Лигеи и других женских персонажей, которые создавались автором в поэтических и прозаических произведениях. Классическими переводами считаются переводы К. Бальмонта, В. Брюсова и В. Федорова. Мы преследуем цель проанализировать другие известные переводы — С. Андреевского, Д. Садовникова, Л. Уманца, В. Жаботинского, А. Оленича-Гнененко. Результатом исследования стало выявление переводческих особенностей стихотворения на композиционном, стилистическом, лексическом и семантическом уровнях.

Ключевые слова: стиль, композиция, искажение, форма, характеристика, концепт, мотив

Для цитирования: Макарова О.С., Гончаров А.С. Российско-советский опыт перевода стихотворения «Аннабель Ли» Эдгара Аллана По // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 1. С. 53–79. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-53-79

Статья поступила в редакцию 12.01.2023;
одобрена после рецензирования 15.03.2023;
принята к публикации 11.05.2023.

RUSSIAN-SOVIET EXPERIENCE OF TRANSLATING THE POEM “ANNABELLE LEE” BY EDGAR ALLAN POE

Olesya S. Makarova,
Artyom S. Goncharov

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

For contacts: o-ss@mail.ru, raven-moon-34999@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the tradition of translating the romantic poetry of Edgar Allan Poe into Russian. The work of Edgar Allan Poe is distinguished by the grace of the Gothic landscape, a skillful combination of the mystical and romantic aspects of the inner experiences of the individual, the acute struggle of the lofty ideal with social reality. “Madness as art” is a distinctive feature of the search for love of Poe’s lyrical heroes, a feature of their perception of the world. The poetry of the author conveys his inner experiences, which, as a rule, are the personal motives of the lyrical heroes. This specificity significantly complicates the translation of poetry. The author’s last

poem “Annabel Lee” generalizes the image of “eternal love”, and the stylistic and lexical-semantic features of the poem testify to the fullness of the artistic world with cultural, mystical-religious, emotional, religious and cult-ritual concepts. Despite the fact that Poe has been criticized for his penchant for formalism, his poetic skill is considered the ideal type of maintaining the unity and integrity of artistic impression. The mechanical preservation of form, characteristic of Poe’s early work, was embodied in his last poem. For the linguistic embodiment of “eternal love” the author contrasts archetypes and forms of interaction between the earthly and heavenly worlds. Adhering to the position of the need for deep, gradual and methodical work on the poem, Poe created a unique synthetic world saturated with the spirit of Antiquity, the Middle Ages and the New Time. The image of Annabel Lee has retained the features of Lenore, Helena, Ligeia and other female characters that were created by the author in poetry and prose. The translations made by K. Balmont, V. Bryusov and V. Fedorov are considered to be classical ones. We aim to analyze other well-known translations by S. Andreevsky, D. Sadovnikov, L. Umants, V. Zhabotinsky, A. Olenich-Gnenenko. The result of the research was the identification of the translation features of the poem at the compositional, stylistic, lexical and semantic levels.

Keywords: style, composition, distortion, form, characteristic, concept, motif

For citation: Makarova O.S., Goncharov A.S. (2023). Russian-Soviet experience of translating the poem “Annabelle Lee” by Edgar Allan Poe. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 1. P. 53–79. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-53-79

The article was received on January 12, 2022;
approved after reviewing on March 15, 2023;
accepted for publication on May 11, 2023.

Введение

Проблема критического анализа переводов любовной лирики Эдгара Аллана По на сегодняшний день имеет недостаточную степень изученности. В частности, спорным остаётся вопрос об адаптивности и гибкости переводов последних стихотворений Э.А. По. Состояние научного знания в отношении наиболее оптимальных форм и средств перевода стихотворения «Аннабель Ли» привлекает внимание многих исследователей. Российские и советские переводы всегда отличались выделяющейся позицией переводчика как автора, искажением исконных аксиоформ, интенции автора-рассказчика и лирического героя.

Так, частично затрагивал проблему любовной лирики Э.А. По немецкий философ и культуролог Теодор Адорно. В его работе «Эстетическая теория» были даны некоторые «ключи» к пониманию основ творчества поздних романтиков. Например, феномен «искусства как безумия» неоднократно изучался как самим Т. Адорно, так и другими представителями «Франкфуртской школы». Тем не менее, работы Т. Адорно носили философский, культурологический и общекультурный контекст, не имея строгой лингвистической позиции.

Известные лингвисты, учитывавшие стиль и лексико-семантические особенности позднего периода творчества Э.А. По, тем не менее, оставили без внимания многие скрытые смыслы, аллюзии, особенности интенции лирического героя в последнем и наиболее концептуальном произведении автора.

В рамках изучения критики переводов стихотворения «Аннабель Ли» на русский язык можно выделить лишь две устоявшиеся позиции, воплотившиеся в частных исследованиях, где стихотворение было рассмотрено в отрыве от сложившихся представлений и обобщённых оценок как позднего периода творчества Э.А. По в целом, так и любовной лирики в данный период.

Актуальность настоящего исследования определяется недостаточно проработанной моделью перевода позднего поэтического творчества американского писателя, поэта-романтика Эдгара Аллана По. Особый интерес вызывают переводы последнего произведения автора — «Аннабель Ли». Существует восемь классических переводов у авторов, сумевших не только соблюсти лексико-семантические особенности оригинала, передать эмоциональный окрас, но воспроизвести аллитерацию л/н — важнейшей стилистический компонент произведения. При этом, в каждом из переводов авторы представили своё видение религиозного, мистического подтекста и показали уникальное восприятие финала, заметно отличающееся от оригинала.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования материалов работы в дальнейшем изучении поэтического наследия американских писателей и поэтов эпохи романтизма и, в частности, особенностей последних лет творчества Э.А. По. В методическом плане результаты исследования можно использовать на занятиях по «Зарубежной литературе» в рамках высшего учебного заведения, специализирующегося на филологических, литературоведческих дисциплинах и теории перевода.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе наиболее удачных переводов стихотворения «Аннабель Ли» на композиционном, стилистическом, лексическом и семантическом уровнях. В ходе исследования представлены новые данные об особенностях восприятия религиозных, мистических концептов и финала стихотворения, а также связанное с этим искажение семантики оригинального произведения.

Цели статьи

Цель исследования — провести комплексный анализ известных переводов стихотворения «Аннабель Ли» Э.А. По на русский язык с точки зрения композиции, стилистики, лексики и семантики.

Исходя из обозначенной цели исследования, выделим следующие задачи:

- 1) проанализировать ранние и поздние переводы стихотворения «Аннабель Ли» с лексической, семантической, стилистической и композиционной сторон;
- 2) определить гибкость, адаптивность и универсальные качества каждого перевода в соотношении со стихотворением-оригиналом;
- 3) обозначить предромантический, романтический и готический дискурс оригинала и переводов стихотворения, раскрыв черты народной поэзии;
- 4) определить размер, соотношение строф и строк в оригинале и переводах;
- 5) установить аллитерации л/н в эмоциональных концептах в оригинале и переводах;
- 6) раскрыть сущность финала в оригинале и его восприятие переводчиками;
- 7) провести сопоставительный анализ избранных переводов для определения наиболее оптимального;
- 8) провести дискуссию об особенностях перевода стихотворения «Аннабель Ли» на русский язык, определив наиболее оптимальный вариант перевода и верность позиций Т.Ю. Меркурьевой и Э.Ф. Осиповой.

Источниковой базой исследования служат переводы стихотворения «Аннабель Ли» российских и советских переводчиков, поэтов и художественных критиков.

Анализируемый языковой материал включает в себя:

1. Оригинал Э.А. По (1849).
2. Перевод С. Андреевского (1878).

3. Перевод Д. Садовникова (1879).
4. Перевод К. Бальмонта (1895).
5. Перевод Л. Уманца (1908).
6. Перевод В. Федорова (1923).
7. Перевод В. Брюсова (1924).
8. Перевод В. Жаботинского (1931).
9. Перевод А. Оленича-Гнененко (1946).

При изучении источниковой базы и формирования эмпирической части исследования мы использовали следующие лингвистические методы: метод лингвистического наблюдения и описания, сравнительно-лингвистический метод, лексико-семантический метод, структурно-семантический метод, контекстный метод, метод *compositional semantics*. Ключевая методология основана на синкретизме художественного перевода Е.А. Огневой, стилистического перевода А.Д. Швейцера и текстологического анализа (подхода) Ч.С. Пирса.

Метод *compositional semantics* служит для изучения фактов существования и изменения лингвокультуры на уровне изучаемого языкового материала (художественного пространства и мировосприятия лирических героев и языковой личности Э.А. По). С помощью анализа семантики мистических, эмоциональных и культово-ритуальных концептов и синтеза полученных языковых данных мы разбираем неточности перевода оригинала и особенности авторских вставок, искажений исходного текста.

1. Обзор литературы

В ходе исследования мы пользуемся преимущественно источниковой базой. Научная литература используется для раскрытия особенностей эпохи романтизма в США и в контексте обобщения характера поэтического творчества Э.А. По. Работа Т. Адорно «Эстетическая теория» используется для расширения представления о свойствах и функциях эмоциональных, религиозных и мистических концептов в создании уникального художественного мира автора, а также для установления эстетической стороны стилистических средств произведения-оригинала (Адорно, 2017). Статья Т.Ю. Меркурьевой «Женские образы в творчестве Э. По» используется для установления связи между категорией «вечной любви» в стихотворении «Аннабель Ли» с женскими образами из других прозаических и поэтических произведений Э.А. По. (Меркурьева, 2019). Статья Э.Ф. Осиповой «О переводах Эдгара По в России» используется при уточнении сведений о специфике пере-

водов стихотворения «Аннабель Ли», а также для установления некоторых особенностей стиля и типичной лексики избранных переводчиков (Осипова, 2017).

Главным образом, примечательна статья Т.Ю. Меркурьевой «Женские образы в творчестве Э. По», в которой автор доказывает необходимость отвлечения при переводе стихотворения «Аннабель Ли» от интенции главного героя. С исследовательской точки зрения, Э.А. По в данном стихотворении придерживается традиций романтизма (с прослеживающимися элементами неоромантизма), причём готические концепты служат для укрепления фабулы, выразительных средств. Т.Ю. Меркурьева выделяет свою принципиальную позицию: народная поэзия как отличительная особенность данного стихотворения, не свойственная для большей части работ Э.А. По. Наиболее «удачными» Т.Ю. Меркурьева называет переводы стихотворения на русский язык у В. Брюсова, В. Федорова и К. Бальмонта. Причём перевод В. Федорова критикуется с позиции чрезмерной интерпретации, искажения лексико-семантических особенностей оригинала. Тогда как перевод К. Бальмонта кажется автору чрезмерно «своевольным». В отношении перевода В. Брюсова Т.Ю. Меркурьева считает, что автор создал наиболее верный вариант перевода, хотя и не сумел адаптировать все лексические схемы в полной мере.

Противоположной точки зрения придерживается Э.Ф. Осипова, автор другого самостоятельного исследования. С её точки зрения, интенция главного героя должна служить отправной точкой перевода. Автор аргументирует это тем, что, несмотря на реально существующий прототип героини, переводчику важно понять, прежде всего, эмоциональные концепты героя, раскрыть их через готический дискурс. Только там можно добиться наиболее оптимального варианта перевода. В «Аннабель Ли» готическая составляющая является первичной, романтизм (неоромантизм) отходит на второй план, а народная поэзия подкрепляет структуру текста, делая его более мелодичным. В этом Э.Ф. Осипова прослеживает ключевую задумку автора: создать «симфоническое произведение», где образы и звуки смогли бы переплетаться, подобно личностям героя и героини. Наиболее удачными Э.Ф. Осипова считает переводы Д. Садовникова и В. Брюсова. Если по поводу перевода В. Брюсова мнения Э.Ф. Осиповой и Т.Ю. Меркурьевой совпадают, то замечания Э.Ф. Осиповой в отношении перевода Д. Садовникова разнятся с общепринятой позицией в целом. Э.Ф. Осипова отмечает профессионализм переводчика, который опирался на опыт предыдущих

работ. В то же время критикуется наличие большого количества эпитетов, отсутствующих в оригинале и фактически разрушающих связь готики и народной поэзии. Автором критически оцениваются переводы С. Андреевского и Л. Уманца, которые автор считает «вольной интерпретацией».

Анализ произведения-оригинала и самих переводов осуществляется исключительно через обращение к самим источникам.

Критерии перевода: 1) композиция, идейно-образный уровень; 2) структура предложений, их связность; 3) адаптация перевода (простота восприятия, особенности воспроизведения культурных концептов); 4) гибкость перевода (творческий подход без потери смысла, особенности воспроизведения эмоциональных концептов); 5) использование синонимов, родственных по значению слов (отсутствие тавтологии); 6) передача эмоциональной нагрузки/оттенка, следствие авторского воспроизведения эмоциональных концептов; 7) сопоставительный анализ.

2. Жанр, композиция и стилистика оригинала

В переводе поэтического произведения дать художественную равноценность — задача практически невыполнимая. В зависимости от видения композиции, стилистики и восприятия семантики произведения, каждый переводчик стремится либо сохранить наиболее значимые категории, концепты, воспроизвести стилистические средства, рискуя потерять целостность и лаконичность, либо передать эмоциональную сторону произведения, попытаться угадать миропонимание автора, его позицию, искажив часть семантики оригинала. Второй путь — тот, который обычно выбирают поэты, для которых переводческая деятельность не является профессиональной. В то же время, профессиональные переводчики предпочитают избегать «эффекта погружения», детально воспроизводя лексические особенности оригинала (Адорно, 2017).

Стихотворение, как и любое произведение искусства, уникально в своём роде, поэтому перевести его точно достаточно сложно. И, как правило, поэтический перевод — лишь отражение исходной формы. «Аннабель Ли» — последнее из написанных Э.А. По стихотворений. В нём Э.А. По развивает две темы — «вечной любви» и «любви потерянной». Лирический герой — романтик, который с юных лет влюбляется в красивую девушку. Повзрослев, он женится на своей любимой, но затем случается несчастье — сильным порывом ветра она срывается с края обрыва, о чём можно догадаться из содержания первой и третьей строф: “In a kingdom by the sea,

<...> A wind blew out of a cloud, chilling / My beautiful Annabel Lee” (Poe, 1849). Герой-рассказчик считает, что это ангелы погубили его любимую. Не выдержав потери, герой решает последовать за ней: “And so, all the night-tide, I lie down by the side <...> In her sepulchre there by the sea” (Poe, 1849).

Таким образом, по своему жанру стихотворение можно определить как лирическое, с романтическими и мистическими мотивами, элементами философской лирики. Кроме того, отдельные черты позволяют отнести стихотворение к готическому, аллегорическому. Черты готики прослеживаются в пейзаже, атрибутах и описательных характеристиках.

Например, первые строки (и способ повествования в целом) в начале стихотворения свидетельствует только о «чистом» романтизме XIX в. При этом последние строки третьей строфы явно содержат предромантические мотивы: “To shut her up in a sepulchre / In this kingdom by the sea” (Poe, 1849).

Аллегии встречаются на протяжении всего стихотворения, способ философствования также говорит о его аллегорическом характере. Отдельные элементы и, в частности, последняя строфа определённо содержат готические мотивы: “For the moon never beams, without bringing me dreams / Of the beautiful Annabel Lee”. Также стихотворение близко к элегии и эпитафии (Poe, 1849).

В образе Аннабель Ли воплотилась Сара Эльмира Ройстер, невеста Э.А. По, на которой он должен был жениться в октябре 1849 г., но не дожил до свадьбы. Считается, что с Сарой Э.А. По связывала детская влюблённость. Как человек достаточно нерешительный, Э.А. По решил сделать предложение Саре только в 1849 г., когда она стала вдовой, а здоровье поэта значительно ухудшилось (Меркурьева, 2019).

Стихотворение состоит из 6 строф. Первая, вторая и четвертая строки — шестистишия. Третья и шестая строки — восьмистишия. Пятая строка — семистишие. Размер — анапест. Метрические особенности позволяют автору использовать эмоциональный концепты в анафорах и аллитерациях, что значительно усиливает эмоциональную нагрузку. Первые две строфы рассказывают о «королевстве за морем», о юности лирического героя и Аннабель Ли. Третья строфа — кульминация, столкновение земного мира с небесным. Последние три строфы — рефлексия на образ Аннабель Ли, размышление о любви к ней и о её смерти. Лирический герой рассуждает о своих отношениях с возлюбленной, пытается найти обоснование несправедливости, которая произошла с ним.

Стихотворение написано дольником. Близкий к тоническому размер идеально подходит для философствования в форме живой разговорной речи, при этом автору удаётся придать стихотворению эпические мотивы с помощью анафор, метафор, сравнительных оборотов и уточнений. Интенция лирического героя сливается с интенцией автора, в оригинале образ героя растворяется, но абсолютизируется образ героини. В стихотворении строки с тремя и четырьмя ударениями в строке чередуются неупорядоченно. Анафора позволяет создать внутренние рифмы, аллитерации. Такой подход придаёт стихотворению плавность, напевность и мелодичное звучание. Аллитерация л/н (эмоциональные концепты) — *chilling; cloud; never; kinsmen; love*. Особенность рифмовки данного стихотворения состоит в том, что рифмуются только строки со звуком: “...by the sea”, “...Annabel Lee”, “...be loved by me”. Все остальные строки не рифмуются, что позволяет констатировать теснейшую связь стихотворения с народной поэзией (Рое, 1849).

3. Лексико-семантические особенности оригинала

Лирический герой на протяжении стихотворения ни разу не упомянул внешние характеристики возлюбленной, душевный склад был опущен за счёт развернутого философствования. Эпитетов в стихотворении сравнительно немного: “wingèd seraphs”, “bright eyes”, “sounding sea”, “beautiful Annabel Lee” — повторяется трижды. Особое созвучие достигается с помощью сочетания анафор и аллитераций. Этот эффект усиливается и за счёт того, что в имени Аннабель Ли есть только звонкие согласные, две из них — сонорные. «Звонкий» образ завершает ассонанс открытых гласных. С лингвистической точки зрения интересно и то, что само имя героини на английском языке созвучно с «колокольчиком» (Рое, 1849).

О самой героине читатель узнаёт сравнительно немного из философствования героя. Во-первых, они росли вместе, любили друг друга. Во-вторых, героиня была, как и её прототип, родом из богатой семьи. В-третьих, она умерла из-за порыва ветра, либо простудившись, либо сорвавшись со скалы, — второй вариант кажется более верным, исходя из содержания последней строфы. Так, автор обозначает всего три значимые для себя вещи: любовь героя к героини, смерть героини и страдания героя. Ещё один факт становится важным с идейной точки зрения, если сравнивать содержание стихотворения с событиями из жизни автора: обеспеченность семьи героини стала причиной отдаления героини от героя. Хотя

в стихотворении это и практически не показано, бессознательно автор отразил невозможность быть вместе с Сарой Ройстер, свои внутренние переживания через «скрытое расставание», предшествующее смерти в третьей строфе. Это может говорить о том, что для автора потеря героини в социальном аспекте приравнивается к её смерти (Осипова, 2017).

Как мы отмечали ранее, стихотворение имеет сходства с народной поэзией. Воспевая несчастную любовь, автор создаёт балладу, наполненную чувством тоски, разочарования. Рефрены создают основу для мелодичного звучания. Поэты эпохи Античности и Раннего Средневековья использовали данный приём специально для созвучия с конкретным музыкальным инструментом (лира, дудка, блокфлейта и др.). В то же время, автору свойственен модернистский числовой символизм. Каждый символ-образ-концепт в стихотворении обусловлен последовательным изложением страдания лирическим героем. Также числовой символизм выражен непосредственно в структуре стихотворения. Например, фраза “by the sea” повторяется 6 раз — во всех строфах, кроме пятой, дважды — в третьей. Имя возлюбленной повторяется в каждой строке, дважды — в последней (всего 7 раз). Аллитерация л/н также структурирована, имеет числовую семантику и обусловленность, в отличие от всех избранных для анализа переводов. Семантические повторы актуализируют числовой символизм. Дважды автор упоминает о том, как ангелы позавидовали любви героя и героини, дважды говорится о несчастном случае, дважды о том, где похоронена героиня. Все аспекты семантических повторов в той или иной степени формируют художественный мир, подкрепляя, таким образом, числовую семантику.

Последняя строфа двусмысленна в каждом из переводов. В зависимости от особенностей восприятия финала автором, образ героя может сохраняться или растворяться, а образ героини — абсолютизироваться. Помимо того, часто образы героя и героини сливаются воедино. Гораздо реже растворяется образ героини. Начиная с метафоры “For the moon never beams...”, сказочное начало стихотворение трансформируется в мистическое, зловещее. Его форма в окончании воспринимается как завершение эпического повествования. Впрочем, такая трактовка не объясняет семантику слов героя, когда речь идёт о снах. Лирический герой, наблюдая за звёздами, либо отправляется в могилу, зная о предстоящем воссоединении с героиней, либо отказывается от жизни, надеясь на воссоединение (Рое, 1849).

4. Особенности ранних переводов 1878–1908 гг.

В ранних переводах стихотворения «Аннабель Ли» содержится много неточностей. Переводчики не придерживались манеры автора, «подстраивая» стиль под себя. С одной стороны, это способствовало лучшему восприятию текста российским дворянством, интеллигенцией, а с другой, — искажало представление о природе поэзии Э.А. По и сущности американского романтизма в целом.

Перевод С. Андреевского (1878) — самый удачный из ранних переводов и в то же время вполне самобытный. От оригинала Э.А. По отличается, прежде всего, своими метрическими характеристиками. С. Андреевский, единственный из переводивших стихотворение «Аннабель Ли» на русский язык, использовал амфибрахий. Структура текста выглядит следующим образом: 2/8, 1/7, 3/6. На идейно-образном уровне сохраняется эпичность: «И спрятали тело в гробнице печальной / На берегу дальней земли». В то же время, высокий слог не мешает переводчику воплощать черты народной поэзии: «Мы с ней провели безмятежное детство / На берегу дальней земли, / Но чувством любви, беспримерной на свете, / Я связан был с Аннабель-Ли» (Андреевский, 1878). Существенный недостаток перевода С. Андреевского — практически полная потеря элементов готики/мистики, отдельные концепты сохраняют свои свойства, но, при этом, растворяются в романтических мотивах. С. Андреевскому абсолютно не присуще чувство таинственного, создание пугающей атмосферы и готического пейзажа не даётся автору из-за отсутствия опыта работы с зарубежными текстами первой конца XVIII — первой половины XIX в., написанными в рамках развития идей «первой волны» английской готики и литературы.

Структура предложений имеет цельную связь. Как и у Э.А. По, повествование развивается за счёт сказочного начала и преобразования сказочного дискурса в готический. Однако готический дискурс С. Андреевского вряд ли можно назвать полноценным, как в оригинале. Он не актуализирован ни предромантическими, ни готическими мотивами. Романтизм С. Андреевского сталкивается с атмосферой «таинственного» и «пугающего», которую он пытается воссоздать, но даже сама структура предложений не позволяет этого сделать. Перевод хорошо адаптирован в целом, но воспринимается слишком просто по сравнению с оригиналом из-за того, что автор использует много эпитетов, которые присутствуют в оригинале лишь в виде анафор. Например: «миловидная дева»; «любви обоюдной»; «любви, беспримерной на свете»; «важного тестя»; «в гробнице печальной»; «в небе высоком»; «святого союза».

Автор смог передать аллитерацию л/н: «жила и цвела»; «холодной повеяла»; «спрятали тело»; «не ведали люди»; «демоны в недрах» (Андреевский, 1878).

Большое количество эпитетов, которые отсутствуют в оригинале, заметно ухудшает гибкость перевода. Так, творческий подход переводчика позволяет ему создать собственную художественную атмосферу, но главная задача перевода — передать как можно больше особенностей оригинала, попытаться сохранить исходную форму стихотворения и придать ему хорошее звучание на другом языке. В переводе С. Андреевского мы видим, что теряется смысл произведения, воспроизведение эмоциональных концептов не передаёт их полноты в оригинале. Помимо того, в стихотворении присутствует тавтология, вызванная непониманием числового символизма оригинала, непродуманностью метрики и резким переходом от сказочного начала к романтизму. Эмоциональная нагрузка минимальная по сравнению с оригиналом. Совокупность решений переводчика в отношении реализации художественного мира автора привела к тому, что в финале образ героя сохраняется, а не растворяется, как в оригинале. Однако переводчик смог абсолютизировать образ героини. Таким образом, перевод С. Андреевского нельзя считать полноценным переводом, так как была утеряна большая часть смысла оригинала, и, фактически, данная работа ближе к авторскому произведению, а не к профессиональному переводу.

Перевод Д. Садовникова (1879) — качественный профессиональный перевод, в котором авторская позиция гармонично сочетается с реализацией лексико-семантических особенностей оригинала. Композиция стихотворения в целом удачная, но переводчик, опираясь на опыт предыдущих работ, решил использовать дактиль, а не анапест, как в оригинале. Это значительно повлияло на восприятие художественного мира. Интенция среднестатистического читателя будет сосредоточена на переживаниях главного героя, а не на его философствованиях о темах «вечной любви», «потерянной любви». Дело в том, что дактиль категорически не подходит для воплощения многоуровневого стихотворения, со скрытым подтекстом и числовым символизмом. Переводчик поэтапно раскрывает страдания лирического героя и аргументирует их, так, мистическая составляющая оригинала практически исчезает, теряется система «символ-образ-концепт». Например: «Многие, многие годы назад, / У моря родной мне земли, / Жила одна девушка, звали её / Красавицей Аннабель-Ли» (Садовников, 1879). Стоит отметить ту же ошибку, что и у С. Андреева — большое количество эпитетов, отсутствующих в оригинале.

Структура предложений более целостна по сравнению с переводом С. Андреевского, но, с другой стороны, она лишь частично передаёт семантику оригинала: 1/8, 1/7, 4/6. Вместо трёх шестиштиший и двух восьмистиший автор составил четыре шестиштишия и одно восьмистишие. Это разрушило числовой символизм, который впоследствии не был передан в переводе. В третьей строфе, где Э.А. По раскрывает сакральную сущность любви, начинает абсолютизировать образ героини (заранее, до финала, в отличие от всех последующих переводов), вместо этого переводчик сосредотачивается на сохранении мелодичности, которая начинает ослабевать во второй строфе. Перевод хорошо адаптирован, но он отнюдь не гибкий. Аллитерация на л/н не актуализирует числовой символизм, как в оригинале: «родной мне»; «земной»; «и ангелы в небе»; «холодным убили»; «родные зарыли»; «осенний унёс». В ходе перевода была потеряна динамичность аллитерации, её отражение в готическом дискурсе.

В итоге мы видим языковые воплощения автора в романтическом дискурсе, неверное воспроизведение эмоциональных концептов и слабую эмоциональную нагрузку. В переводе нет тавтологий, но, несмотря на это, присутствуют нежелательные синонимы. В целом, Д. Садовников передал значительную часть оригинальной лексики и семантики за счёт изменения композиции и стилистики. Этот подход акцентировал внимание на грустной истории любви, а не на темы, важные для автора оригинала. В финале стихотворения образ героя сохраняется, а образ героини — растворяется, что полностью противоречит задумке Э.А. По.

Перевод К. Бальмонта (1895) — считается самым мелодичным и в то же время профессиональным. Композиция как в оригинале. К. Бальмонт использует анапест. Идеино-образный уровень соответствует оригинальной авторской концепции. Структура текста как в оригинале: 2/8, 1/7, 3/6. Строфы связаны тем же способом, что и у автора. Сказочное начало трансформируется в готическом дискурсе, стимулируя «погружение» в художественный мир. К. Бальмонт лаконично передаёт содержание оригинала, сохраняя высокий уровень оригинальности и мелодичности. Например, во второй строфе: «И, любовью дыша, были оба детьми / В королевстве приморской земли. / Но любили мы больше, чем любят в любви» (Бальмонт, 1895). Или: «И её от меня унесли, / Чтоб навеки её положить в саркофаг, / В королевстве приморской земли». (Бальмонт, 1895). Интересен вариант перевода слова “sepulchre” (англ. «гробница», «склеп», «могила») — «саркофаг», развивающий готический дис-

курс. Такой приём свидетельствует о высоком уровне переводческой деятельности: вместо того, чтобы акцентировать внимание читателя на мрачном пейзаже или эмоциональном бессилии героя, создавая таким образом значимые предпосылки для развития дискурса, переводчик ограничивается отдельными концептами, которые формируют готико-романтические мотивы.

Адаптация и гибкость перевода в творческом подходе переводчика создают впечатление целостной мифопоэтической, мистической картины мира. Эмоциональная нагрузка стабильно отражается на культурных, эмоциональных и религиозных концептах. Несмотря на то, что переводчик использует больше эпитетов, чем автор, это не вредит воспроизведению концептов. Переводчик верно используют аллитерацию л/н: «цвела»; «звалась»; «был любим»; «луч луны»; «обольстительной». В словосочетании «многозатной толпой» (ср. “highborn kinsmen” — «высородные родственники») идиолект «многозатной» одновременно позволяет сформировать эпический мотив и аллитерацию л/н. Идиолект «саркофаг» (ср. “sepulchre”) укрепляет семантические отношения внутри лексико-семантических группировок.

Однако, с учётом всех преимуществ перевода, К. Бальмонт по-своему трактует финал стихотворения. Типичное для финала любовного стихотворения у Э.А. По “never” трактуется в противоположной семантике — «всегда». Это приводит к тому, что переводчику необходимо рассказать о воссоединении героя и героини от обратного: «И зажжётся ль звезда, вижу очи всегда...» (“And the stars never rise, but I feel the bright eyes...”). Образ героя сохраняется: «И в мерцаньи ночей я всё с ней, я всё с ней...» (“And so, all the night-tide, I lie down by the side...”), что приводит к слиянию образов героя и героини. Образ героини не абсолютизируется, как в оригинале (Бальмонт, 1895; Рое, 1849).

Перевод Л. Уманца (1908) — своеобразный перевод, не основанный на опыте предыдущих работ. Автор использует ямб. Структура текста имеет такую форму: 2/8, 1/7, 3/6. Композиция — как в оригинале. Идеино-образный уровень значительно ограничен по сравнению с оригиналом из-за метрических особенностей. Аллитерация л/н выполнена на высоком уровне, хотя и в корне отличается от аллитерации в оригинале: «давно, давно»; «много»; «жила она (о ней...)»; «она меня»; «таили»; «сильнее»; «и знатный родственник». В аллитерации отсутствуют концепты.

Интересным решением переводчика является перенос уточнения из четвертой строфы в первую: «Давно, давно, тому уж много

лет, / В приморском царстве там, вдали, / Жила она (о ней слышали вы, иль нет?)» (Бальмонт, 1895). Можно сравнить с оригиналом. В первой строфе: “It was many and many a year ago, / In a kingdom by the sea, / That a maiden there lived whom you may know...” (Пoe, 1849). В четвёртой строфе: “The angels, not half so happy in Heaven, / Went envying her and me — / Yes! — that was the reason (as all men know, / In this kingdom by the sea)” (Пoe, 1849). В целом, текст хорошо адаптирован, но переводу не хватает гибкости. По сравнению с переводом К. Бальмонта (анapest) и Д. Садовникова (дактиль), Л. Уманц старается избегать решений, которые могут повлиять на изменение готического дискурса. В финале стихотворения образ героя сохраняется, сливаются образы героя и героини. Тот же результат, что и К. Бальмонта, У. Уманц достигает более простым способом, не требующим полноценной передачи эмоционального оттенка авторского текста.

5. Особенности поздних переводов 1923–1946 гг.

Поздние переводы стихотворения «Аннабель Ли» были направлены либо на поиск творческого подхода к передаче авторской лексики, семантики. Часть переводчиков стремилась более точно, чем это сделал К. Бальмонт, передать содержание стихотворения. Другие, как В. Брюсов, пытались сделать перевод более мелодичным, отразить собственные концепты и идиомы, показать суть произведения через собственный лингвоментальный комплекс.

Перевод В. Федорова (1923) — имеет много сходств с переводом К. Бальмонта и У. Уманца, однако главное, что отличает данный перевод — метрические характеристики, структура предложения и способ философствования лирического героя. Переводчик адаптировал стихотворение анапестом, сохранив шесть строф, но полностью изменил структуру: 3/6, 1/8, 1/7, 1/11 в сравнении с оригинальным соотношением строф 2/8, 1/7, 3/6. Шестистишия сохраняются в первой, второй и четвёртой строфе. Пятая строфа сохраняет оригинальные семь строк. Первое восьмистишие в третьей строфе отражает оригинальные лексику и семантику, частично передаёт числовой символизм. Финальная шестая строфа написана одиннадцатистишием вместе восьмистишия. Кроме того, метр шестой строфы имеет существенные отличия от метрики других строф.

Ср. первая строка: — / — — / — — / — — / — — / (трёхстопный анапест + ямб + анапест).

Вторая строка, рифма на «-ли»: — — / — — / — — / (трёхстопный анапест).

В шестой строфе переводчик решил перейти к иному метру и, отступая от народной поэзии, использовать усиленную рифмовку не на «-ли». Как средство усиления аллитерации, усиленная рифмовка, с одной стороны, актуализировала народную поэзию, с другой, отделила последнюю строфу от всего произведения в целом. Исчезла оригинальная эпическая развязка.

Метр I: — — / — — / (рифма а: строки 1, 2; рифма с: 4, 5; рифма d: 7, 8). Анапест, две стопы. Резкий переход, создающий ощущение новой мелодии.

Метр II: — — / — — / — — / (рифма b: 3, 6). Анапест, три стопы. Переход, повторяющий мелодичность оригинальной метрики.

Метр III: — — / — — / — — / — — / (рифма e - созвучна рифме d: 9). Четырёхстопный анапест, восстанавливающий эмоциональную нагрузку.

Метр IV: — — / — — / — — / (рифма f: 10, 11). Анапест, три стопы, как в метре II. Заключительный переход в рифме f призван раскрыть семантику строфы, завершить «эффект погружения» в рамках романтического дискурса.

В метре IV использует оригинальный приём — синтез анафоры и перифразы: «Под тяжёлом настилом земли / Там, в могиле приморской земли» (ср.: “In her sepulchre there by the sea — / In her tomb by the sounding sea”) (Федоров, 1923; Пое, 1849).

Интересным кажется решение отказаться от мотивов народной поэзии для придачи стихотворению большей мелодичности. Достаточно редко переводчики стихотворений, в которых автор создаёт собственный размер, решаются на изменение его структуры (исключением является поиск средств адаптации перевода). Тем не менее, В. Федоров через такой творческий подход смог максимизировать «эффект погружения» от внутренних созвучий: «ангелы знать»; «злой налетевший»; «ночных»; «сонмы»; «демоны в недрах». И в последней строфе: «Когда светит луна, / вся душа предана»; «Когда звёзды встают, / надо мною цветут»; «Вместе с ней мы одни — / сквозь все ночи и дни...» (Федоров, 1923).

Из значительных недостатков перевода следует выделить то, что как раз творческий подход помешал формированию готического дискурса. Даже несмотря на то, что в финале произведения образ героя растворяется, и абсолютизируется образ героини (как в оригинале), лирический герой теряет свои готико-романтические черты. Сама Аннабель Ли показана исключительно в романтическом контексте, а не через синтез народной поэзии, эпоса, мистики, готики, сказки, предромантизма и романтизма оригинального про-

изведения. Пожалуй, если К. Бальмонту удалось повторить столь сложное сочетание, верно воспроизведя эмоциональные концепты, то В. Федоров здесь не преуспел.

Перевод В. Брюсова (1924) — поэтический авторский перевод, мелодичный, но не профессиональный. В отличие от своего «оппонента», К. Бальмонта, В. Брюсов стремился к ещё большей мелодичности, что сказалось на качестве передачи лексики и семантики оригинального произведения. Прежде всего, отметим неудачное начало стихотворения: «Много лет, много лет прошло / У моря, на крае земли. / Я девушку знал, я её назову / Именем Аннабель Ли...» (Брюсов, 1924). Та же ошибка, что и у В. Федорова — неверное распределение эмоциональной нагрузки, стремление передать исключительно романтические мотивы. Как результат — отсутствие сказочного начала, как в оригинале. Можно сказать, что от этого решения пострадал и идейно-образный уровень.

Нет системы символ-образ-концепт. Несмотря на то, что стихотворение написано анапестом, передана оригинальная структура (2/8, 1/7, 3/6), но неверно адаптированы авторские послылы. Фактически, В. Брюсов создал своё собственное поэтическое произведение на основе стихотворения Э.А. По, так как его творческий подход нарушает целостные связи, семантические отношения. Воспроизведение эмоциональных концептов базируется на уникальном миропонимании переводчика-поэта, что в профессиональном переводе не допускается.

Судя по эмоциональной нагрузке, переводчик пытался сформировать готический дискурс, но, вместо этого, смог лишь создать две противоположные системы — «предромантизм-романтизм» и «псевдоготику» (сочетание мистики, аллегории и готического пейзажа без соответствующей готике эмоциональной нагрузки). Аллитерация л/н передана качественно, что обусловлено мелодичностью перевода: «холоден»; «крылатые»; «знатная»; «и с лучами луны». В финале стихотворения переводчик повторяет ошибку С. Андреевского: абсолютизируется образ героини при сохранении образа героя.

Перевод В. Жаботинского (1931) — профессиональный перевод, ориентированный на упрощение оригинальной лексики, семантики. Выполнен в анапесте со структурой 1/8, 2/7, 3/6. Идейно-образный уровень не соответствует оригинальному. Решение переводчика использовать собственные культурные/мистические концепты нарушает целостность восприятия. Например: «Это было когда-то, в далёкой стране, / Где у берега спят корабли. / Там я де-

вочку знал (это было давно)» (ср.: “It was many and many a year ago, / In a kingdom by the sea, / That a maiden there lived whom you may know”) (Жаботинский, 1931; Пое, 1849).

Вместо концепта “kingdom” («королевство») в эпическом контексте “In a kingdom by the sea”, переводчик ограничился сказочным мотивом из русских сказок «в далёкой стране». Неудачным кажется решение использовать перевод «Это было когда-то» для выражения “It was many and many a year ago” с целью сохранения части поэтического пространства в третьей-четвёртой строках. Замена эпического “In a kingdom by the sea” на мистическое «Где у берега спят корабли» (олицетворение) неверно передаёт эмоциональную нагрузку оригинального произведения. Нарушен баланс аллитерации л/н: «звал/знал»; «случилось — в той дальней»; «блестящей толпой»; «чёрный ветер дохнул». В фонетическом аспекте это создаёт иллюзию мелодичности (Жаботинский, 1931).

В целом, переводчик выполнил свою задачу — упростить перевод для советского читателя. Только этим и объясняется грубое нарушение воспроизведения лексики, и семантики оригинала. Так, строка «И родные блестящей толпой собрались» (“So that her highborn kinsmen came”) не соответствует ни жанру, композиции, стилю автора, ни лексико-семантическим особенностям оригинала. Другой пример: «Разрубить эту нить меж душою моею / И душою моею Аннабель-Ли» (“Can ever dissever my soul from the soul / Of the beautiful Annabel Lee”) (Жаботинский, 1931; Пое, 1849).

Несмотря на попытки сохранить числовой символизм в семантическом аспекте, переводчик сумел лишь частично компенсировать эмоциональные оттенки готики во второй части произведения. Финал передан неверно: образ героя сохраняется, сливаются образы героя и героини.

Перевод А. Оленича-Гнененко (1946) — поэтический перевод с приоритетом на мелодичность и воплощение элементов народной поэзии. Написан амфибрахийем, структура строф: 2/8, 1/7, 3/6. Идеино-образный уровень отражает концептосферу переводчика, нацеленность на народную поэзию и исключение эпического начала. Фактически, скрытые элементы сказочного начала также растворяются в народной поэзии. Адаптация перевода — среднего качества: из-за стремления сохранить оригинальную лексику переводчик теряет нить повествования, семантика не соответствует ни романтическому, ни готическому дискурсам.

Аллитерация искусственно повторена за переводчиками раннего периода (1878–1908 гг.). Например: «жила»; «и ангелы неба»; «сгу-

бил и убил»; «сильнее любить»; «не смели»; «демоны недр». В переводе отсутствует гибкость. Это особенно видно на примере второй строфы: «Мы были как дети, она и я, / У моря, где край земли, / В то давнее, давнее время, когда / Жила здесь Аннабель Ли, / И ангелы неба смотреть на нас / Без зависти не могли» (Оленич-Гнененко, 1946). Эмоциональная нагрузка передана неверно, с позиции воспроизведения эмоциональных, мистических концептов на основе собственной концептосферы, из практики сочинения или перевода других произведений. Как результат — неверное восприятие финала: абсолютизируется образ героини, но сохраняется образ героя, актуализируется связь с земным миром.

6. Результаты и дискуссия

Следующий этап — сопоставительный анализ восьми избранных переводов. Опираясь на составленную нами методологию и метод *compositional semantics*, мы актуализировали значимые лексико-семантические особенности и стилистику переводных текстов.

В ходе сопоставления наиболее значимых характеристик, влияющих на адаптацию и гибкость переводов, мы выделили такие параметры, как размер первой строки, соотношение строф и строк, аллитерации л/н в рамках воспроизведения эмоциональных концептов и восприятие финала переводчиком.

Результаты сопоставительного анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

«Сопоставительный анализ переводов»

Оцениваемый элемент	Размер первой строки	Соотношение строф и строк	Аллитерация л/н (эмоциональные концепты)	Восприятие финала
Оригинал Э.А. По (1849)	анапест	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: chilling; cloud; never; kinsmen; love, etc.	Образ героя растворяется. Абсолютизируется образ героини.
Перевод С. Андреевского (1878)	амфибрахий	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: жила и цвела; холодной повеяла; спрятали тело; не ведали люди; демоны в недрах и др.	Образ героя сохраняется. Абсолютизируется образ героини.

Перевод Д. Садовникова (1879)	дактиль	6 строф: 1/8, 1/7, 4/6	Например: родной мне; земной; и ангелы в небе; холодным убили; родные зарыли; осенний унес и др.	Образ героя сохраняется. Образ героини растворяется.
Перевод К. Бальмонта (1895)	анapest	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: цвела; звалась; был любим; луч луны; обольстительной и др.	Образ героя сохраняется. Сливаются образы героя и героини.
Перевод Л. Уманца (1908)	ямб	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: давно, давно; много; жила она (о ней...); она меня; таили; сильнее; и знатный родственник и др.	Образ героя сохраняется. Сливаются образы героя и героини.
Перевод В. Федорова (1923)	анapest	6 строф: 3/6, 1/8, 1/7, 1/11	Например: ангелы знать; злой налетевший; ночных; сонмы; демоны в недрах и др.	Образ героя растворяется. Абсолютизируется образ героини.
Перевод В. Брюсова (1924)	анapest	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: холоден; крылатые; знатная; и с лучами луны и др.	Образ героя сохраняется. Абсолютизируется образ героини.
Перевод В. Жаботинского (1931)	анapest	6 строф: 1/8, 2/7, 3/6	Например: звал/знал; случилось — в той дальней; блестящей толпой; черный ветер дохнул и др.	Образ героя сохраняется. Сливаются образы героя и героини.
Перевод А. Оленича-Гнененко (1946)	амфибрахий	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: жила; и ангелы неба; сгубил и убил; сильнее любить; не смели; демоны недр и др.	Образ героя сохраняется, и актуализируется его связь с земным миром. Абсолютизируется образ героини.

Исходя из табличных данных, можно судить о том, что практически все авторы предпочли использовать интуитивный способ перевода, полагаясь на оригинальный размер и мотив. Такие авторы, как С. Андреевский, К. Бальмонт, В. Брюсов и В. Жаботинский стремились не только передать нужную форму, следовать за автором во всех лексических и семантических конструкциях, но и актуализировать перевод для «широкого читателя». В особенности это касается переводов С. Андреевского и В. Брюсова, которые фактически превратили перевод или его значительную часть в собственную интерпретацию финала произведения. Их переводы были построены по принципу «от обратного», представляя собой интерпретацию интерпретации героя.

В то же время, переводы В. Брюсова, К. Бальмонта и Д. Садовникова были выполнены вполне профессионально. Но если К. Бальмонт и Д. Садовников стремились сохранить все черты оригинала (это касается как адаптации, так и гибкости перевода), то В. Брюсов неосознанно создал на основе произведения Э.А. По собственное произведение. Эта частая ошибка поэтов-переводчиков, которые занимаются авторским поэтическим творчеством больше, чем переводческой деятельностью. Ранние переводы отличает механическое сохранение точности и потеря исконной семантики, неверная передача элементов народной поэзии. При этом практически все переводчики верно передали аллитерацию л/н, укрепляющую мелодические связи и формальные народные мотивы.

Для поздних переводов, в частности, для перевода В. Федорова, характерно возвращение к готическому дискурсу, попытке воссоздать готические концепты оригинального стихотворения. Тем не менее, в построении финала произведения лишь В. Федоров смог верно передать мотив оригинала, создав впечатление «незначительности» лирического героя в контексте стихотворения: этот элемент Э.А. По раскрывает, когда в третьей строфе (“And this was the reason that, long ago...”) автор-герой постепенно становится героем-рассказчиком, затем, в пятой строфе — героем (“But our love it was stronger by far than the love...”), в шестой строфе — растворяясь, метафизическим персонажем (“For the moon never beams without bringing me dreams...”).

Именно этот эпизод играет огромную роль для установления специфики эмоциональных концептов, он же является опорным при определении степени сохранности оригинальных лексики и семантики в переводах.

Заключение

Итак, оригинал Э.А. По (1849) написан анапестом. Стихотворение состоит из шести строф (2/8, 1/7, 3/6), присутствует множество элементов аллитерации л/н. Поэт использует самые разнообразные выразительные средства, но избегает эпитетов, что необходимо для синтеза романтизма, готики как отдельных составляющих стихотворения с народной поэзией. Фактически, в стихотворении Э.А. По именно народная поэзия является двигателем сюжета. Интенция лирического героя является воплощением «народного духа» и при этом реализуется через постепенный самоанализ, поэтапный разбор концептов и последовательное формирование концептосферы. Т.Ю. Меркурьева считает, что, как таковой, в начале стихотворения концептосферы героя не существует, она складывается под влиянием мелодичности народной поэзии и «атмосферы ужасного» в готическом дискурсе. Т.Ю. Меркурьева приходит к выводу о двойственности финала, так как каждый переводчик по-своему воспринял оригинальную лексическую схему, но никто, за исключением К. Бальмонта и В. Федорова, не смог приблизиться к мироощущению автора. Э.Ф. Осипова, напротив, считает, что существующие переводы лишь безуспешно пытались «скопировать» синтез романтизма, готики и народной поэзии. Мы считаем, что именно такое неповторимое сочетание приводит к тому, что в конце стихотворения образ лирического героя растворяется. Абсолютизируется образ героини.

Перевод С. Андреевского (1878) написан амфибрахийем (2/8, 1/7, 3/6). С точки зрения гибкости, переводчик сохранил лексику и семантику оригинала за счёт изменения размера, более удобного для него как для самостоятельного автора. Т.Ю. Меркурьева пишет о том, что поэтика С. Андреевского сохраняет эпический аспект оригинала, но разрушает связи между дискурсами и не позволяет проявиться народной поэзии. С этой позицией соглашается Э.Ф. Осипова. В действительности, в большинстве переводов, и в переводе С. Андреевского, в частности, концептосфера героя заготовлена заранее и является продуктом неверного восприятия финала произведения: образ героя сохраняется, абсолютизируется образ героини. Исходя из анализа более поздних переводов, мы считаем, что С. Андреевский не использовал готический дискурс в целом, это привело к полному изменению многих концептов, их превращению в культурные формы, типичные для русской культуры и социального окружения переводчика. Впрочем, по своей «концептуальности», перевод С. Андреевского уникален.

Для ранних переводов стихотворения Т.Ю. Меркурьева замечает чрезмерную склонность к эпической поэзии, тогда как мало внимания уделяется проблеме «маленького человека» — не героя, но идеализированному образу героини. Через этот образ Т.Ю. Меркурьева считает нужным раскрытие вечных тем — конечности жизни, бескорыстной любви и пр. Исследователь верно подмечает: «Концепция поэтической (идеальной) любви у Эдгара По обладает некоторой странностью, но в свете его общеэстетических представлений вполне логична». Т.Ю. Меркурьева придерживается того мнения, что главный, лингвистически верный перевод раннего периода — перевод К. Бальмонта, который нужно и в дальнейшем исследовать для раскрытия особенностей культурных концептов.

Здесь мы видим, что ещё не до конца исследованными являются культурные концепты в отношении любовной лирики в позднем творчестве Э.А. По, однако, для установления особенностей перевода более важными являются эмоциональные концепты, передающие интенцию автора и помогающие раскрыть свойства оригинальных семантических форм. Э.Ф. Осипова настаивает на том, что из ранних переводов только перевод Д. Садовникова может считаться как адаптированным, так и вполне гибким. Мы же считаем, что перевод Д. Садовникова, в отличие от перевода К. Бальмонта, содержит множество отступлений от лексических схем оригинала, он не вполне передаёт семантику оригинального стихотворения и содержит одну грубую стилистическую ошибку — большое количество эпитетов, отсутствующих в оригинале.

Что касается более поздних переводов, то Т.Ю. Меркурьева и Э.Ф. Осипова равно выделяют значимость перевода В. Федорова, в меньшей степени анализируются переводы В. Жаботинского и А. Оленича-Гнененко. С позиции Т.Ю. Меркурьевой, В. Федоров и А. Оленич-Гнененко не смогли сделать «идеальную модель» перевода по причине избегания религиозной тематики. В. Федоров смог сохранить многие семантические формы, но использовал другой размер — анапест 3/6, 1/8, 1/7, 1/11. Это, по мнению, Т.Ю. Меркурьевой, сделало перевод «привлекательным» для советского читателя, но лишило его гибкости. На той же позиции стоит Э.Ф. Осипова. Мы считаем, что дело заключается в том, что В. Федоров отказался от народной поэзии как способа насыщения стихотворения мелодичностью. Это было обусловлено как творческим подходом, его видением правильности адаптации стихотворения, так и желанием выделиться среди других переводчиков данного стихотворения. В действительности, наравне со своеобразным переводом В. Брю-

сова, перевод В. Федорова может быть использован в дальнейшем изучении позиции переводчиков как авторов на примере творчества Э.А. По.

В отношении единственного выделяющегося своей авторской позицией перевода В. Брюсова, наше мнение совпадает с мнениями Т.Ю. Меркурьевой и Э.Ф. Осиповой по поводу того, что В. Брюсов, намеренно или нет, создал скорее собственное авторское произведение. С этим было связано, во-первых, то, что он занимался в большей степени сочинительством и в меньшей — переводческой деятельностью, и, во-вторых, его неформальное поэтическое соперничество с К. Бальмонтом.

На основе проанализированных данных можно заключить, что немногие авторы смогли перевести стихотворение «Аннабель Ли» Э.А. По, сохранив его жанровое своеобразие, композицию, стилистику и лексико-семантические особенности. Единственным, кто преуспел в верном переводе финала произведения, был В. Федоров (1923). Стилистические средства переводчики в основном старались искусственно повторять за автором, из-за чего неверно были воспроизведены многие мистические и эмоциональные концепты. Готический дискурс присутствовал у дореволюционных переводчиков, однако, ни один советский переводчик не смог отделить «чистую» готику от элементов романтизма, эпоса и сказки оригинального произведения. Метрические характеристики лучше всего были переданы в переводе К. Бальмонта. Соотношение строк и строф обосновано для каждого перевода, но лучше всего творческий подход в данном контексте способствует воссозданию художественного мира Э.А. По в переводах К. Бальмонта и Д. Садовникова. Аллитерация л/н была верно передана всеми переводчиками, кроме перевода В. Жаботинского. У А. Оленича-Гнененко аллитерация л/у не в полной мере выполняет свои функции. Эмоциональные и мистические концепты, формирующие те же мотивы, что в оригинале, встречаются у К. Бальмонта, У. Уманца и В. Федорова. Концепты В. Брюсова актуализируют некоторые элементы готики, но нарушают эмоциональную нагрузку. Единственный автор, верно передавший содержание финала — В. Федоров, близок перевод К. Бальмонта.

Список литературы

- Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2017. 532 с.
Меркурьева Т.Ю. Женские образы в творчестве Э. По // В сборнике: Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка,

литературы, журналистики, истории. Материалы III Международной научно-практической конференции, 2019. С. 110–116.

Осипова Э.Ф. О переводах Эдгара По в России // *Литература двух Америк*, 2017. № 2. С. 141–155.

Перевод А. Оленича-Гнененко (1946): <http://dkhramov.dp.ua/DneAnnabelLee#.YT2-gZ0zbDc> [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод В. Брюсова (1924): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=st_53 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод В. Федорова (1923): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_3 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод В. Жаботинского (1931): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_4 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод Д. Садовникова (1879): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_1 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод К. Бальмонта (1895): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=bl_20 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод Л. Уманца (1908): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_2 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод С. Андреевского (1878): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=st_1 [дата обращения: 10.01.2023].

Original poem by Edgar Allan Poe (1849): <https://www.poetryfoundation.org/poems/44885/annabel-lee> [дата обращения: 10.01.2023].

References

Adorno T. (2017) *Esteticheskaya teoriya = Aesthetic theory*. Moscow: Respublika, 532 p. (In Russian.).

Merkur'eva T. Yu. (2019) *Zhenskie obrazy v tvorchestve E. Poe = Female images in the works of E. Poe*. V sbornike: *Tvorchestvo V.I. Lihonosova i aktual'nye problemy razvitiya yazyka, literatury, zhurnalistiki, istorii*. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, pp. 110–116 (In Russian.).

Osipova E.F. (2017) *O perevodah Edgara Po v Rossii = About Edgar Poe's translations in Russia*. *Literatura dvuh Amerik*. No. 2, pp. 141–155 (In Russian.).

Translation by *A. Olenich-Gnenenko* (1946): <http://dkhramov.dp.ua/DneAnnabelLee#.YT2-gZ0zbDc> [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *V. Bryusov* (1924): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=st_53 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *V. Fedorov* (1923): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_3 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *V. Zhabotinsky* (1931): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_4 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *D. Sadovnikova* (1879): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_1 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *K. Balmont* (1895): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=bl_20 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *L. Umants* (1908): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_2 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *S. Andreevsky* (1878): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=st_1 [date of the application: 10.01.2023].

Original poem by Edgar Allan Poe (1849): <https://www.poetryfoundation.org/poems/44885/annabel-lee> [date of the application: 10.01.2023].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Макарова Олеся Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Ставропольский государственный педагогический институт, 355045, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А»; o-ss@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3914-9385

Гончаров Артём Сергеевич — бакалавр, Ставропольский государственный педагогический институт. 355045, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А»; raven-moon-34999@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3244-8155

ABOUT THE AUTHORS:

Olesya S. Makarova — Cand. Sc. (Pedagogy), Foreign Language Teacher (English), Associate Professor at Stavropol State Pedagogical; 355045, 417 ul. Lenina, Stavropol, Russia; o-ss@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3914-9385

Artyom S. Goncharov — Undergraduate Student at Stavropol State Pedagogical; 417 ul. Lenina, Stavropol, Russia; raven-moon-34999@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3244-8155

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interest.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'33

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-80-92

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР В СФЕРЕ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

**Алла Петровна Миньяр-Белоручева,
Полина Игоревна Сергиенко**

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Для контактов: langtrans@bk.ru, poserg@bk.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика перевода аббревиатур по связям с общественностью (PR) в цифровой среде.

Актуальность данного исследования определяется вступления мира в новую цифровую эпоху. Цифровизация профессиональной деятельности специалистов различных областей знания приводит к созданию новых условий и пересмотру подходов к профессионально ориентированному переводу. Особую роль при обмене информацией и её распространении играет цифровой перевод, который всё больше совершенствуется и адаптируется к профессиональным требованиям специалистов. Цифровой перевод позволяет решать многие задачи, касающиеся повышения эффективности международной коммуникации, способствующей обмену профессионально ориентированной информацией, что приводит к дальнейшему ускорению прогресса в условиях сложного и быстро меняющегося мира.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении преимуществ и недостатков использования цифровых инструментов для удовлетворения потребности означенного предметного поля с позиций лингвистики.

Новизна представленной работы состоит в анализе цифрового перевода PR-аббревиатур, выполненного на общедоступных онлайн-платформах. Материалом исследования послужили аббревиатуры, функционирующие в профессиональном дискурсе по связям с общественностью. В рамках PR-деятельности использование технологий цифрового перевода позволяет улучшить качество сбора и обработки информации, её перевода, реферирования и распространения. Англиязычные PR-аббревиатуры

существуют в узкоспециальном значении в рамках языка перевода и нуждаются в особом алгоритме перевода на русский язык, что обусловлено недостаточной разработанностью терминологического аппарата профессиональной сферы по связям с общественностью, особенно в части перевода аббревиатур. Для достижения поставленной цели были использованы **метод** сплошной выборки, метод сопоставительного анализа и метод лингвистического описания.

В **результате** проведённого исследования было установлено, что, несмотря на то, что цифровой перевод, позволяющий в короткий срок осуществлять передачу большого объёма информации на разные языки, приобретает особую значимость, многие проблемы остаются нерешёнными и ждут своего исследования.

Ключевые слова: цифровой перевод, цифровая лингвистика, связи с общественностью, аббревиатуры

Для цитирования: Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. Особенности цифрового перевода аббревиатур в сфере связей с общественностью // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 1. С. 80–92. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-80-92

Статья поступила в редакцию 23.03.2022;
одобрена после рецензирования 15.04.2023;
принята к публикации 11.05.2023.

DIGITAL TRANSLATION OF ABBREVIATIONS IN THE FIELD OF PUBLIC RELATIONS

**Alla P. Minyar-Belorucheva,
Polina I. Sergienko**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
For contacts: langtrans@bk.ru, poserg@bk.ru

Abstract. This article focuses on various features of digital translation of public relations (PR) abbreviations in a computer-assisted environment. The relevance of this research is determined by the new digital era. Digitalization of professional activity of specialists in various fields of knowledge leads to the creation of new conditions and revision of approaches to professionally-oriented translation. Digital translation plays a special role in information exchange and its dissemination. The aim of this research is to identify the advantages and disadvantages of using digital tools to meet the needs of PR specialists from the standpoint of linguistics. PR abbreviations functioning in the professional PR discourse are taken as material for analysis. The use of

digital translation technologies within PR activities enables the improvement of the quality of information collection and processing, its translation, abstracting and dissemination. PR abbreviations acquire a highly specialized meaning within the target language (TL), demanding a particular algorithm for translation into Russian, which is due to the insufficient PR terminology development, especially in terms of translating abbreviations. To achieve the object in view, the method of continuous sampling, the method of comparative analysis and the method of linguistic description have been used. As a result of the investigation, it has been established that together with digital translation gaining momentum, as it makes it possible to transfer a large amount of information into different languages in a short time, a number of issues remain unresolved and need to be researched.

Keywords: digital translation, PR, abbreviation

For citation: *Minyar-Beloruicheva Alla P., Sergienko Polina I. (2023). Digital translation of abbreviations in the field of public relations. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 80–92. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-80-92*

The article was submitted on March 23, 2022;
approved after reviewing on April 15, 2023;
accepted for publication on May 11, 2023.

Настоящее время характеризуется фундаментальными изменениями, происходящими в жизнедеятельности людей. Цифровизация современного общества диктует новые правила, которые охватили разные аспекты трудовой деятельности, включая перевод. Необходимость обмена большого объёма научно-технической и профессиональной информации в кратчайший срок в отсутствие общепланетарного языка повышает роль перевода, прежде всего, цифрового. В данный момент необходимо сделать отступление для решения метаязыковой проблемы, касающейся разграничения терминов. До недавнего времени теоретики перевода использовали два термина: машинный перевод и автоматизированный перевод. Несмотря на незначительные расхождения, данные разновидности перевода соотносились с переводом, выполненным с помощью специальных компьютерных программ. При этом роль человеческого фактора оставалась определяющей. Это были первые шаги на пути замещения традиционного перевода новым, по мнению некоторых исследователей, более совершенным переводом — цифровым.

Цифровой перевод — это новый вид перевода, представляющий собой «систему сетевого взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности» (Гарбовский, Костикова, 2019: 10; Гарбовский, 2019). В новых условиях происходит изменение характера взаимодействия человека и искусственного интеллекта (ИИ), что неизбежно улучшает результат переводческой деятельности. Иными словами, цифровой, или дигитальный, перевод является по сути переводом, выполненным ИИ. Таким образом, на данный момент существуют два основных вида перевода — перевод, осуществлённый переводчиком-человеком и искусственным интеллектом.

При традиционном переводе (Гарбовский, 2017) переводчик-человек бережно относится к каждому новому значению слова, метафоре или абсолютному герундиальному обороту. Точность исполнения цифрового перевода обусловлена заложенным в него алгоритмом, выполненным человеком и заложенным в работу ИИ.

Перевод, осуществляемый человеком — это живой, динамичный процесс, находящийся в постоянном движении и развитии, реагирующий на все изменения, происходящие в человеческом обществе. Цифровой перевод, с которым мы имеем дело в настоящий момент, по своей сути, статичен, стабилен, не способен моментально учитывать и реагировать на происходящие изменения за пределами цифрового алгоритма, также не принимает во внимание контекст переводимого текста, неологизмы, особенно, если это относится к аббревиатурам, которые, являясь вторичным средством номинации (Кубрякова, 1981), стали своеобразным кодом общения специалистов разных стран мира, работающих в аналогичной научной области или профессии. В алгоритме цифрового перевода безошибочно переводятся введённые в него устойчивые соответствия.

Следует отметить, что, несмотря на передовые технологии, использующие достижения когнитивных исследований в лингвистике и нейросетей, цифровой перевод не в состоянии отследить и отразить изменения, происходящие в постоянно меняющейся общественно-политической и социальной среде, новые открытия в разных областях науки, техники и профессиональной деятельности, воплощающихся в новых словах или новом содержании существующих лингвистических единиц. Несмотря на все недочёты современного цифрового перевода и необходимость допереводческого и постпереводческого редактирования, у него много достоинств. Цифровой перевод — это бесстрастный, не заинтере-

сованный в благоприятном для одной из сторон результате переговоров, не способен голосом, взглядом или мимикой повлиять на исход встречи или подсказать одной из сторон-участников коммуникации, чему отдать предпочтение. Цифровой перевод не требует дополнительных расходов, связанных с вознаграждением переводчика-человека. Представляется, что цифровой перевод может быть идеальным в том случае, если его алгоритм будет не отставать, а идти в ногу или опережать реальность жизни во всех её проявлениях. Изначально цифровой перевод предполагал создание эффективных алгоритмов, расширяющих возможности в области ИИ. Цифровой перевод должен был быть гибким в выборе соответствующего эквивалента на языке перевода.

Благодаря тому, что в настоящее время алгоритм дигитального перевода постоянно совершенствуется, в некоторых областях знания, для которых характерна некая устойчивость, цифровой перевод достигал почти совершенства. Однако те области науки и профессиональной деятельности, которые находятся в постоянном развитии, способствующие появлению новых понятий и лексических единиц, не могут использовать цифровой перевод, поскольку переводческий цифровой продукт не всегда является удовлетворительным.

Цифровой перевод базируется на достижениях человека в области ИИ, развитии нейросетей и исследованиях в когнитологии, психолингвистики и транслатологии, являясь по сути междисциплинарным достижением научного знания современности, которому крупные ИТ компании предоставляют свои платформы, одновременно участвуя в разработке его алгоритма.

На современном этапе в Европе, несмотря на необходимость до- или постпереводческого редактирования, 50% пользователей обращаются к цифровому переводу в своей научной и профессиональной деятельности. Процесс цифровизации, наряду с глобализацией, развивается ускоренными темпами, и роль цифрового перевода неуклонно возрастает, становясь объективной потребностью современных людей. Это — знак времени, с которым невозможно не считаться или игнорировать, иначе говоря, на смену традиционного перевода (Сергиенко, 2019) приходит цифровой.

В новых условиях цифровизации и повсеместного использования компьютерных технологий профессиональная деятельность специалистов предметной области «связи с общественностью» (PR) становится наиболее востребованной ввиду необходимости быстрого обмена профессионально ориентированной информа-

ции, её обработки, а в глобальном масштабе и её быстрого и качественного перевода на многие языки. Необходимо также отметить постоянное изменение области PR ввиду определённых политических, экономических и социальных процессов, происходящих в мире в конкретный момент времени. С точки зрения профессионального языка это отражается на использовании определённых лексических единиц, неологизмов, аббревиатур, определяющих профессиональные задачи специалистов области PR и жизни общества в целом. Ввиду достаточно медленной фиксации подобных языковых единиц в монолингвальных и билингвальных словарях, они представляют определённую сложность для работы переводчика, особенно, когда речь идёт о цифровом переводе. Для перевода аббревиатур, в том числе аббревиатур-неологизмов сферы PR, представляющих особую сложность не только для традиционного переводчика-человека, но и для технологий ИИ, требуется выработать терминологический базу, составной частью которой они являются.

В современном глобализирующемся мире современная задача заключается в том, чтобы аббревиатуры совпадали на всех языках, или были понятны представителям разных культур. Устоявшиеся аббревиатуры, являющиеся названиями страны (USA, The UK), региональных блоков (EU, ASEAN, CIS), международных организаций (UN, WHO), достаточно узнаваемы и традиционно меняется в русском языке, в соответствии с расшифровкой в языке перевода: США, ВОЗ, ЕС, СНГ.

Аббревиатуры, являющиеся названиями компаний или торговыми марками (брендами), чаще всего не передаются при помощи калькирования, поскольку они теряют при этом буквенное совпадение с изначальной аббревиатурой и становятся неузнаваемыми в языке перевода. Например, BP — British Petroleum, или по-русски калькированный перевод «британская нефть», не будет отражать изначального смысла. В рамках международной деловой коммуникации и PR дискурса принято, чтобы аббревиатуры совпадали во всех языках — BP (British Petroleum), BMW (Bayrische Motoren Werke), VW (Volkswagen), BSGV (Banque Société Générale Vostok).

Так, в китайском языке аббревиатура BMW (宝马) звучит по методу транскрипции 'bǎo mǎ', что в переводе похожих слов аналогичного звучания означает «превосходный конь» или «бриллиантовая лошадь». Иными словами, указанные бренды, узнаваемые во всём мире, сохраняют латинские аббревиатуры исходного языка

(ИЯ), в том случае, если иного не требуется в официальных юридических документах. Отметим также, что культурологически аббревиатуры, являющиеся названиями брендов, представляют собой особые символические феномены языка и культуры, обладающие рядом характеристик и ассоциаций, что необходимо отразить в переводе. Так, VW, буквально по-немецки означает «народный автомобиль», или недорогой и качественный продукт, доступный массовой аудитории. А «бриллиантовая лошадь» — признанный элитный и более дорогой способ передвижения, образ, созданный вокруг китайского варианта аббревиатуры бренда автомобилей баварского завода — BMW. Использование этих аббревиатур (как в русском варианте ФВ, БМВ, так и в латинском варианте) теряет дополнительные культурологические значения в русском языке, заложенные в ИЯ.

Обращаясь к современному PR дискурсу (Wolstenholme, 2013; Minyar-Beloroucheva, Sergienko, 2021), интересно также отметить особенности функционирования аббревиатур в английском языке. Как показал анализ пресс-релизов крупных компаний, аббревиатуры обладают рядом особенностей (Minyar-Beloroucheva et al., 2020; Сергиенко, 2020), на которые следует обратить особое внимание при осуществлении цифрового перевода.

Например, BP (British Petroleum — официальное название компании до 2001 г.), согласно правилам английского языка, должно писаться с прописной буквы (прилагательное British), однако на современном этапе с целью привлечения внимания к данному бренду, это название пишется со строчной буквы, даже тогда, когда с данной аббревиатуры начинается предложение с красной строки, что сравнимо с современными тенденциями к краткости и написания брендов с маленькой буквы в русском языке — *сбер, райф, билайн*: *bp plans to use its global reach and relationships to grow AMPLY Power and introduce its proven EV fleet charging services and energy management solutions to customers around the globe* (BP Global Corporate News and Insights, URL).

Следует отметить, что алгоритмы цифрового перевода постоянно совершенствуются. Данное предложение, переведённое на платформе Yandex, вполне соответствует нормам русского языка: *bp планирует использовать свой глобальный охват и связи для увеличения мощности и внедрения своих проверенных услуг по зарядке парка электромобилей и решений по управлению энергопотреблением для клиентов по всему миру.*

При этом отметим, что сохранилось латинское написание аббревиатуры *br* со строчной буквы, даже в начале предложения. Название компании акроним *AMPLY power* не было учтено в цифровом переводе, а было переведено только лексическое значение слова “*amplу*” (подробно, пространственный охват).

В теории перевода существующее понятие транскреации как процесса адаптирования сообщения для перевода с одного языка на другой с целью сохранения стиля, тона и содержания (Pedersen, 2014: 57), также применимо к адаптации аббревиатур к их переводу при помощи цифровых технологий, стремящихся к гармонизации (Vishnyakova et al., 2020) исходного текста и переводного. Исследователи отмечают, переводное сообщение благодаря процессу транскреации вызывает те же эмоции и несёт в себе ту же импликацию в языке перевода (ЯП), что и в ИЯ.

В анализируемом переводе искусственный интеллект нашёл верное соответствие аббревиатуре *EV* (*electro vehicle*) — электро-мобиль, для которого в русском языке пока нет устоявшейся аббревиатуры. Отметим при это, что при использовании более узкого контекста, такого как словосочетание, содержащее аббревиатуру *EV*, алгоритм цифрового перевода не распознает её как электро-мобиль, просто транслитерируя её на русский язык: *EV fleet charging services* — *Услуги по зарядке автопарка EV*.

Следует подчеркнуть, что поскольку технологии цифрового перевода являются повсеместными, массовыми и бесплатными, происходит тиражирование так называемых эквивалентов перевода, распространение варваризмов (латинизированного написания аббревиатур) в русском языке, а также снижение уровня критического восприятия подобного перевода.

Исследование показало, что контекст является определяющим фактором при цифровом переводе аббревиатур. Рассмотренная неологическая аббревиатура *EV* изобретена для описания нового продукта, отвечающего требованиям времени. Только человек, обладающий новейшими знаниями и в курсе всех событий, происходящих в мире, может найти верную расшифровку и соответствующий эквивалент в языке перевода и заложить эту информацию в алгоритм цифрового перевода. В случае, если аббревиатуру *EV* ввести отдельно от контекста, то цифровой перевод на русский язык предложит транслитерированный вариант, передающийся схожими по звучанию русскими буквами — ЭВ. Данные перевод не отражает содержательного наполнения лексической единицы в ЯП.

Следующий пример демонстрирует колебания в переводе аббревиатур и других названий брендов и продуктов компании на русский язык посредством цифрового перевода. В финансовом пресс-релизе компании AMPLY Power представлена информация о деятельности компании, содержащая аббревиатуры и акронимы, получающие свою расшифровку по тексту пресс-релиза:

To meet this need, AMPLY Power is working with Duke Energy Sustainable Solutions to expand fleet electrification offerings, including the first commercially available combination solar canopy and overhead electric vehicle charging solution covered by a power purchase agreement (PPA) leasing and financing model. The field-tested solution, enabled by the patent-pending Pantograph In-Depot Equipment (PIDE) Canopy Mount, allows fleets to reduce the cost of EV charging while leveraging renewable electricity (Yahoo Finance, URL).

Цифровой перевод на платформе Yandex представлен следующим образом:

Чтобы удовлетворить эту потребность, AMPLY Power сотрудничает с Duke Energy Sustainable Solutions в расширении предложений по электрификации автопарка, включая первое коммерчески доступное комбинированное решение для зарядки солнечных батарей и подвесных электромобилей, охватываемое арендой и финансовой моделью соглашения о покупке электроэнергии (PPA).

В приведённом примере нарушается содержание передаваемого сообщения, а также прослеживаются отклонения от норм русского языка. С точки зрения цифрового перевода новых аббревиатур, отметим, что, как и прежде предпочтение отдаётся варваризму. Содержание аббревиатуры оказывается потерянным в ЯП, поскольку для носителя ИЯ аббревиатура PPA передаёт нулевую информацию и требует от получателя информации дополнительных знаний.

В следующем предложении того же пресс-релиза мы видим ещё одну аббревиатуру названия специального оборудования, расшифрованного в тексте:

The field-tested solution, enabled by the patent-pending Pantograph In-Depot Equipment (PIDE) Canopy Mount, allows fleets to reduce the cost of EV charging while leveraging renewable electricity (Yahoo Finance, URL).

В переводном тексте, полученном при помощи цифрового перевода, декодированная аббревиатура PIDE не приводится, а передаётся в исконном виде на латинице:

Испытанное в полевых условиях решение, поддерживаемое запатентованным навесным креплением Pantograph In-Depot

Equipment (PIDE), позволяет автопаркам снижать стоимость зарядки электромобилей при одновременном использовании возобновляемых источников электроэнергии.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что при передаче новых аббревиатур, названий компаний, технологий и их расшифровки, посредством цифрового перевода передаются на язык перевода в их исходном виде, без изменений. В традиционном восприятии перевода данный продукт не может считаться полноценно выполненным, поскольку требует дополнительной информации со стороны носителя ПЯ. Переводчик-человек непременно бы сопроводил новую аббревиатуру и её декодированную форму комментарием, фоновой информацией или технической справкой, что является на данный момент недоступным ресурсом для цифрового перевода.

В заключение следует отметить тот факт, что, несмотря на определённые недостатки цифрового перевода, его значимость для будущего развития общества и передачи большого объёма информации сложно недооценить. В то же время требуется большая междисциплинарная работа по совершенствованию цифрового перевода, которому открыто большое будущее.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Интеллект в цифровом переводе: искусственный или искусный? *Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова* // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2019. № 4. С. 3–23.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2017. 413 с.

Гарбовский Н.К. «Цифровой перевод». Современные реалии и прогнозы // Журнал Русский язык и культура в зеркале перевода. М.: МГУ, 2019. № 1. С. 65–72.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. 200 с.

Сергиенко П.И. Особенности аббревиации профессиональной области Связи с общественностью (на материале английского языка) // Сборник научных статей XXI Международной конференции Россия и Запад: диалог культур / Под ред. С.К. Восканян, С.К. Восканян, О.В. Маринина и др. Т. 21. М., 2020. С. 410–415.

Сергиенко П.И. Особенности перевода лексических единиц в текстах политического дискурса. Научный результат // Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 3. С. 71–81. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-3-0-7

Minyar-Belouchева A. (2020) Semantic and cognitive communicative aspects of abbreviation in the modern English discourse varieties / A. Minyar-

Beloroucheva, P. Sergienko, E. Vishnyakova, O. Vishnyakova. *International Journal of English Linguistics*, 10 (1), pp. 26–36. <https://doi.org/10.5539/ijel.v10n1p26>

Minyar-Beloroucheva A., Sergienko P. (2021) Linguistic approach to axiological particularities of PR discourse study as an interdisciplinary field. *Amazonia investiga*. Vol. 10, No. 45. pp. 242–251. DOI: 10.34069/AI/2021.45.09.24

BP Global Corporate News and Insights, URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-takes-first-major-step-into-electrification-in-us-by-acquiring-ev-fleet-charging-provider-amply-power.html>

Pedersen D. Exploring the concept of transcreation — transcreation as ‘more than translation’? / *CULTUS the Journal of Intercultural Mediation and Communication*. (2014) Vol. 7, pp. 57–71. URL: https://www.academia.edu/10238994/Exploring_the_concept_of_transcreation_transcreation_as_more_than_translation (accessed 13.12.2021).

Vishnyakova O. (2020) Harmonizing different cognitive styles through reading. O. Vishnyakova, A. Minyar-Beloroucheva, P. Sergienko, E. Vishnyakova. In T.V. Petkova & V.S. Chukov (Eds.), 5th International e-Conference on Studies in Humanities and Social Sciences: Conference Proceedings. Belgrade: Center for Open Access in Science, pp. 32–44. <https://doi.org/10.32591/coas-conf.05.02017v>

Wolstenholme S. (2013) (Ed.). *Introduction to Public Relation*. Pearson Education Limited, 251 c.

Yahoo Finance (2021), *AMPLY Power and Duke Energy Sustainable Solutions Collaborate on Bus Fleet Electrification and Solar-Powered Overhead Charging*, URL: <https://finance.yahoo.com/news/amply-power-duke-energy-sustainable-100000614.html> (accessed 13.12.2022).

References

BP Global Corporate News and Insights, URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-takes-first-major-step-into-electrification-in-us-by-acquiring-ev-fleet-charging-provider-amply-power.html>

Garbovsky N.K. (2019) *Intellekt v cifrovom perevode: iskusstvenny`j ili iskusny`j? = Intelligence in digital translation: artificial or artificial?* N.K. Garbovsky., O.I. Kostikova. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–23 (In Russian).

Garbovsky N.K. (2017) *Teoriya perevoda: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata = Translation Theory: Textbook and practical course for Academic Undergraduate studies*. Moscow: Izdatel`stvo Yurajt. 413 p. (In Russian).

Garbovsky N.K. (2019) "Cifrovoy perevod". Sovremenny'e realii i prognozy` = "Digital translation". Current realities and forecasts. *Zhurnal. Russkij yazy`k i kultura v zerkale perevoda*. Moscow: MGU. No. 1, pp. 65–72 (In Russian).

Kubryakova E.S. (1981) Tipy` yazy`kovy`x znachenij = Types of language values. Moscow: Nauka. 200 p. (In Russian).

Minyar-Beloroucheva A. (2020) Semantic and cognitive communicative aspects of abbreviation in the modern English discourse varieties. A. Minyar-Beloroucheva, P. Sergienko, E. Vishnyakova, O. Vishnyakova. *International Journal of English Linguistics*, 10 (1), pp. 26–36. <https://doi.org/10.5539/ijel.v10n1p26>

Minyar-Beloroucheva A., Sergienko P. (2021) Linguistic approach to axiological particularities of PR discourse study as an interdisciplinary field. *Amazonia investiga*. Vol. 10, No. 45, pp. 242–251. DOI: 10.34069/AI/2021.45.09.24

Pedersen D. (2014) Exploring the concept of transcreation — transcreation as 'more than translation'? *CULTUS the Journal of Intercultural Mediation and Communication*. Vol. 7, pp. 57–71. URL: https://www.academia.edu/10238994/Exploring_the_concept_of_transcreation_transcreation_as_more_than_translation (accessed 13.12.2021).

Sergienko P.I. (2020) Osobennosti abbreviacii professional`noj oblasti Svyazi s obshhestvennost`yu (na materiale anglijskogo yazy`ka) = Abbreviation Features in the English Language. P.I. Sergienko. *Sbornik nauchny`x statej XXI Mezhdunarodnoj konferencii Rossiya i Zapad: dialog kul`tur*. Pod red. S.K. Voskanyan, S.K. Voskanyan, O.V. Marinina i dr. Vol. 21. Moscow, pp. 410–415 (In Russian).

Sergienko P.I. (2019) Osobennosti perevoda leksicheskix edinicz v tekstax politicheskogo diskursa = Features of the translation of lexical units in the texts of political discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. Vol. 5, No. 3, pp. 71–81. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-3-0-7

Vishnyakova O. (2020) Harmonizing different cognitive styles through reading. O. Vishnyakova, A. Minyar-Beloroucheva, P. Sergienko, E. Vishnyakova. In T.V. Petkova & V.S. Chukov (Eds.), *5th International e-Conference on Studies in Humanities and Social Sciences: Conference Proceedings*. Belgrade: Center for Open Access in Science, pp. 32–44. <https://doi.org/10.32591/coas.conf.05.02017v>

Wolstenholme S. (Ed.). (2013) *Introduction to Public Relation*. Pearson Education Limited. 251 p.

Yahoo Finance (2021), *AMPLY Power and Duke Energy Sustainable Solutions Collaborate on Bus Fleet Electrification and Solar-Powered Overhead Charging*, URL: <https://finance.yahoo.com/news/amply-power-duke-energy-sustainable-100000614.html> (accessed 13.12.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4, Е-241; langtrans@bk.ru

Сергиенко Полина Игоревна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, стр. 51; poserg@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Alla P. Minyar-Beloručeva — Dr. Sc. (Linguistics), Dr. Habil, Professor at the Department of Foreign Languages, History Faculty, Lomonosov Moscow State University; 27-4-241 prosp. Lomonosova, Moscow 11991, Moscow, Russia; langtrans@bk.ru

Polina I. Sergienko — Cand. Sc. (Linguistics), Lecturer at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Department of English for Humanities Faculties, Lomonosov Moscow State University; 1-51, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia; poserg@bk.r

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interest.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 811.521+81.139

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-93-109

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Ульяна Петровна Стрижак

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Для контактов: ustrizhak@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования параллельных корпусов для решения задач, связанных с грамматическим описанием языка перевода, и обосновывается положение об эпистемологической ценности переводных текстов. Параллельные корпуса текстов чаще используются в сопоставительном аспекте, при том, что они обладают значимым содержательным и эпистемологическим потенциалом для систематизации лингвистического знания и о языке перевода. В данной работе, выполненной в рамках общего исследования японской агентивности, описан опыт изучения корпусного материала с целью выделить повторяющиеся модели в языке перевода и определить закономерности распределения агентивных признаков в японском высказывании. Исследование осуществлено на материале авторского параллельного русско-японского корпуса художественных произведений, в котором задокументированы синтаксически размеченные маркированные случаи воздействия неодушевленного субъекта на человека, нарушающие иерархические представления японцев о субъектно-объектном взаимодействии и требующие соответствующей грамматической трансформации. Совокупность выявленных на материале параллельного корпуса грамматически нетождественных компонентов синтаксической структуры исходного и переводного текста послужила отправной точкой для последующего детального

разбора механизма распределения синтаксических и семантических ролей в японском предложении.

Ключевые слова: переводные тексты, параллельный корпус, эпистемологический потенциал, язык перевода, агентивность, японский язык

Для цитирования: Стрижак У.П. Эпистемологический потенциал переводных текстов (на материале русско-японского параллельного корпуса художественных произведений) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 1. С.93–109. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-93-109

Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 24.04.2023;
принята к публикации 11.05.2023.

EPISTEMOLOGICAL POTENTIAL OF TARGET TEXTS: A CASE STUDY OF THE RUSSIAN-JAPANESE PARALLEL FICTION CORPUS

Ulyana P. Strizhak

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

For contacts: ustrizhak@hse.ru

Abstract. This paper discusses the possibility of using a parallel text corpus to study grammatical issues of the target language, and the epistemological value of target texts is argued. Parallel text corpora are more often used in their comparative aspect, even though they have a significant content and epistemological potential for the systematization of linguistic knowledge about the target language as well. This work, carried out as a part of a general study of Japanese agentivity, describes an attempt to research the corpus material to identify recurrent patterns in the target language and to determine the distribution regularities of agentive features in Japanese. This paper was carried out using the material from the author's parallel Russian-Japanese corpus of fiction texts. The main criterion used to collect this dataset is the markedness of sentences with inanimate subjects, which is imposed by such cognitive and cultural factors as the linguistic and social subject-object hierarchy: human beings, as the highest creatures on the animacy scale, could not be affected by an inanimate subject. The set of grammatically non-identical components of the syntactic structure of the source and target texts identified in the material of the corpus became the starting point for a detailed analysis of the mechanism for distributing syntactic and semantic roles in a Japanese sentence.

Keywords: target texts, parallel corpus, epistemological potential, target language, agentivity, Japanese language

For citation: *Strizhak U.P.* (2023) Epistemological potential of target texts (on the material of the Russian-Japanese parallel fiction corpus). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 1. P. 93–109. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-93-109

The article was submitted on March 01, 2023;
approved after reviewing on April 24, 2023;
accepted for publication on May 11, 2023.

Введение

В современном языкознании корпусные методы активно используются как для проверки существующих лингвистических теорий, так и для постановки новых, в том числе нетривиальных, задач по анализу языкового материала: лексикографических, семантических, синтаксических. Параллельные корпуса текстов чаще используются в сопоставительной перспективе: в рамках контрастивной семантики и лексикологии, в рассмотрении природы переводческих стратегий и изучении других аспектов теории перевода, в ходе филологического анализа в рамках сравнительного литературоведения и т.д.; реже можно встретить примеры использования параллельного корпусного материала в грамматических описаниях одного из языков. В программной работе по использованию параллельных текстов, определяющей архитектуру корпусных исследований, был поставлен вопрос о роли переводных текстов для теоретического языкознания, т.к. «опора на принципиально сопоставимые аутентичные тексты разных языков позволяет выявить часто неожиданные (как квазиуниверсальные, так и специфические) особенности функционирования языковой системы» (Добровольский, Кротова, Шаров, 2005, 271). Большое количество работ в этой области посвящено лингвоспецифичной лексике (Добровольский, 2009; Сичинава, 2011, 2013; Шмелев, 2015; Зализняк, 2015 и др.). Например, Д.В. Сичинава называет сопоставительные исследования реального корпусного материала «инструментом верификации утверждений о «языковой специфичности» тех или иных лексем» (Сичинава, 2013: 80). Анна А. Зализняк выделяет ряд признаков лингвоспецифичности лексем, которые могут быть установлены на материале корпусов параллельных

текстов на основе сопоставления исходных и переводных единиц с точки зрения их частотности, частеречного соответствия, степени неоднословности коррелятов и т.д. (Зализняк, 2015: 687–688). В недавнем контрастивном исследовании фразеологии Д.О. Добровольский подчёркивает, что «обращение к корпусным данным не только существенно улучшает кросслингвистические описания, но и меняет само представление о специфике фразеологии как особого фрагмента лексической системы языка» (Добровольский, 2020: 398).

Японские параллельные корпуса в настоящее время представлены в малом количестве и преимущественно на материале английского и реже — китайского языков¹; они в целом ориентированы на решение вопросов машинного перевода и сопутствующих проблем обработки японского текста. Но и они при внимательном рассмотрении предоставляют заинтересованным исследователям возможности использовать собранный материал для извлечения лингвистического знания об исходном и переводящем языках: как было сказано выше, обнаруживаемая в параллельных текстах (не)тождественность грамматического представления одного и того же фрагмента реальности не только обеспечивает эмпирическим материалом сопоставительные исследования, но и побуждает более пристально изучить эти явления во внутриязыковой перспективе. Например, авторы исследования по извлечению именованных сущностей на материале параллельного новостного японско-английского корпуса (Kumano et al., 2003: 21) обнаруживают повторяемое несовпадение временных форм (абсолютных в английском языке и относительных в японском), что отсылает нас к проблеме относительности как характеристике японской темпоральности (то же верно и в обратном направлении: англоязычные замещающие контексты, абсолютизирующие японские временные конструкции, помогают прояснить семантику времени в английском языке). Я. Фудзии в описании явления номинализации в английском языке (Fujii, 2019) уже отчётливо эксплицирует идею методологической ценности переводных корпусов, подчёркивая

¹ Обзор параллельных японских корпусов см. в журнале издательства Кэнкюся <https://www.kenkyusha.co.jp/modules/lingua/>. Русско-японские корпуса находятся в процессе разработки; напр., проект Минобрнауки под рук. Д.В. Сичинавы «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования», а также проект по русско-японским корпусам в рамках НКРЯ; проекты Центра цифровой лингвистики ИВ РАН под рук. А.В. Костыркина, отражённые в ряде его работ.

роль переводного текста, например, в различении предикато-ориентированности японского языка и субъекто-ориентированности английского: «Было бы трудно понять такого рода лингвистическое явление, используя словари; а совокупность межъязыковых сопоставлений в поисковых системах можно использовать для творческих открытий; например, такая система играет роль в получении достоверных доказательств структуры английского языка, ориентированной на существительные» (перевод мой — У.С.) (Fujii, 2019: 12). Наиболее выделяемой в проблемном поле сопоставительных исследований на англо-японском материале является проблема нулевой анафоры — и противопоставление языков обеспечивает богатую совокупность естественных контекстов, которая может послужить исследователям как при изучении способов разрешения анафоры в японском языке — при работе с нулевыми анафорическими местоимениями; так и при описании семантики английского артикля как показателя категории неопределённости. В корпусном исследовании бизнес-диалогов при описании разработки системы контекстно-зависимого машинного перевода (Riktors et al., 2021: 387–389) также подчёркивается трудность фиксации способов анафорических отсылок и отмечается, что корпусный материал побуждает исследователей языка уделять особое внимание подобным явлениям, связанным с высококонтекстностью японского языка. Например, обнаружение в параллельном корпусе значимого расхождения в вариативности обозначения нулевых референтов в результате «столкновения» японского текста с недифференцированностью местоимений в английском языке (Riktors et al., 2021: 390) даёт повод задуматься над иерархией субъектов взаимоотношений в разных языках и социумах, что ещё раз доказывает эпистемологическую ценность исследовательской работы с переводными текстами.

Итак, при сопоставлении параллельных текстов, на стыке нескольких языков отчётливо проявляется грамматическая нетождественность, истоки которой могут во многом прояснить природу переводящего языка — в этом видится эпистемологическая ценность перевода как процесса освоения опыта и мысли. Смещение фокуса в языке перевода высвечивает те устойчивые и неустойчивые части его конструкции, которые не всегда возможно обнаружить в ходе одноязычных теоретических описаний. Именно в непривычных, нарушающих норму принимающего языка условиях, задаваемых оригинальным текстом, язык как любая система идёт на компромисс в наименее значимых для себя элементах, но стре-

мится сохранить наиболее свойственные ей компоненты. В этом смысле корпусный материал является уникальной совокупностью аутентичных контекстов, точки асимметрии в которых при комплексном рассмотрении могут послужить ориентирами в процессе познания переводящего языка и, шире, принимающей культурной среды.

Таким образом, в работе с корпусами параллельных текстов важно использовать их значимый содержательный и эпистемологический потенциал для систематизации лингвистического знания о языках оригинала и перевода. В качестве примера в данной работе на материале авторского русско-японского параллельного корпуса художественных произведений будут рассмотрены возможности изучения японских переводных текстов для грамматического описания агентивности как универсальной макросемантической категории, определяющей иерархию актантов и, соответственно, синтаксическую структуру высказывания.

Перевод как инструмент познания и освоения опыта

Вопрос об онтологическом статусе переводных текстов активно дискутируется в научной литературе; их часто определяют как вторичные по отношению к оригиналу, тем самым лишая их самобытной ценности как текстов, рождённых в принимающей культуре. В определении роли перевода в процессе познания мы будем исходить из положения Н.К. Гарбовского, который обосновывает понятие «переводного дискурса», указывая на «онтологическую общность переводных текстов и некоторые общие закономерности их функционирования в дискурсивном пространстве принимающей культуры» (Гарбовский, 2011: 4), и далее отмечает: «Особый статус переводного дискурса, разумеется, не делает его чем-то абсолютно чуждым дискурсивным нормам принимающей культуры. Переводные тексты, несмотря на некоторую обособленность, всё же являются текстами, создаваемыми с учётом дискурсивных норм принимающей культуры» (Там же: 17). Похожая позиция, акцентирующая ценность переводных текстов, представлена и в ряде работ, определяющих терминологию современного переводческого дискурса: так, С.Ю. Бочавер и В.В. Фещенко в сопоставительном разборе подходов к определению перевода и трансфера указывают: «Переводной текст делает очевидным процесс переноса, заимствования из одной традиции в другую», подчёркивая, что результат переноса является самодостаточным и в той же степени легитимным,

что и оригинал (Бочавер, Фещенко, 2018: 43). Этими положениями о легитимизации методологического статуса переводных текстов и их ценности как материализованных засвидетельствований механизмов освоения иной языковой и культурной традиции мы и будем руководствоваться в своей работе.

Перевод — это особая форма взаимообогащения языков и культур; именно осознание *себя* в контексте наличия *иного* побуждает пересмотреть основы своего, в том числе языкового, существования и способствует познанию мира в его единстве. Н.К. Гарбовский в описании двунаправленности взаимодействия переводного текста и принимающей культуры подчёркивает не только влияние переводческой деятельности на состояние переводящего языка в виде обогащения дискурсивного пространства принимающей культуры, но и значимость обратного воздействия: «чрезвычайно важно понять, как влияет словесность переводящего языка на переводческую практику, на сознание переводчика, обуславливая его выбор тех или иных речевых форм» (Гарбовский, 2011: 5). Эта обусловленность позволяет сделать вывод о способности переводных текстов демонстрировать степень устойчивости в языке перевода тех или иных явлений: сила влияния принимающего языка в таком случае будет прямо пропорциональна количеству потерь и трансформаций при переводе тех или иных конструкций. Данные потери, с одной стороны, обусловлены обязательством переводчика перед оригиналом, а с другой стороны, определяются степенью строгости нормы языка перевода. В итоге переводные тексты являют собой совокупность компромиссных решений, по возможности нейтрализующих неизбежные семантические и грамматические расхождения с оригиналом; У. Эко образно называл этот процесс поиска компромиссов *переговорами*, «поскольку они (переговоры — У.С.) — именно такой базовый процесс, в ходе которого, дабы нечто получить, отказываются от чего-то другого; и в конечном счёте договаривающиеся стороны должны выйти из этого процесса с чувством разумного и взаимного удовлетворения, памятуя о золотом правиле, согласно которому обладать всем невозможно» (Эко, 2015: 26). Можно сказать, что в таком случае территорией поиска компромиссов являются проявления языковой нетождественности как зона столкновения интересов двух сторон (текстов), каждая из которых стремится пожертвовать наименее значимым для себя и оставить наиболее ценное, что не может стать предметом договорённостей. Соответственно, предмет компромисса — это *степень* принятия или отторжения чужого и

сохранения своего. М.Л. Гаспаров предлагает следующую формулу, примиряющую всех участников переводческого процесса: «Перевод есть равнодействующая того, что переводчик должен, может и хочет: что он должен, задаёт подлинник, что он может, определяют средства его языка; что он хочет — это его предпочтения и вкусы» (цит. по: Автономова, 2016: 514). В рамках данной работы наиболее значима вторая переменная данной формулы — обусловленность переводческого решения средствами языка; это положение подтверждает методологическую установку на использование переводных текстов для описания грамматических свойств переводящего языка и, шире — познания особенностей принимающей культуры.

Таким образом, анализ переводных текстов, ставящий своей целью поиск, систематизацию примеров и последующее объяснение механизмов отторжения *чужого*, может помочь определить устойчивые сложившиеся в переводящем языке языковые модели: чем сильнее сопротивление принимающего языка, тем более устойчивой в нём является данная структура. В таком понимании совокупность переводческих решений как объективированных, явленных в языковых знаках результатов освоения чужого опыта предстаёт как инструмент к пониманию природы переводящего языка. Н.С. Автономова в общефилософской перспективе представления языка обращается к переводу как к особой форме практики и познания, и отмечает: «в анализе механизмов перевода нередко бывает заметно то, чего обычно не удаётся увидеть в других формах и видах познания: а именно как различные слои и фрагменты опыта переходят из сферы неявного и невыраженного в регистр того, что доступно операционализации и интерсубъективной проверке» (Автономова, 2016: 23). Параллельный текстовый материал, несомненно, является адекватной эмпирической базой для такого *измерения не-измеряемого* — в этом видится эпистемологическая ценность переводных текстов как инструмента познания языка перевода.

Основываясь на изложенных выше теоретических положениях, попробуем далее выделить закономерности в распределении агентивных признаков субъекта и предиката в японском языке путём поиска повторяющихся соответствий: «Перевод устанавливает прямую связь между исходным и переводным текстами, поэтому параллельные корпуса могут использоваться для наблюдения повторяющихся моделей соответствия. Таким образом, исследователь может сосредоточиться на конкретной особенности <...> перевод-

ного языка и искать закономерности, которые её вызывают» (перевод мой — У.С.) (Zanettin, 2014: 188–189). Переводные тексты помогут проверить «пределы гибкости и растяжимости смыслов» (Эко, 2015: 14) — иными словами, будут способствовать определению устойчивых грамматических свойств переводящего языка путём определения его реакции на инородность оригинального контекста.

Корпусное исследование: особенности взаимодействия актантов

Материалом исследования послужил авторский параллельный русско-японский корпус художественных произведений, в котором задокументированы и синтаксически размечены предложения, отобранные методом сплошной выборки из 35 русских литературных текстов (всего 2052 примера), и их японские корреляты, от одного до пяти на каждую исходную единицу (хронологический охват более 100 лет, с 1914 по 2018 гг.). Критерием отбора стала когнитивная маркированность высказывания с неодушевлённым субъектом при антропоориентированном агентивном предикате, например: *этот случай ободрил его*. Такие структуры нарушают японскую языковую норму в силу строгого приоритета в японском языке одушевлённого субъекта. Анализ совокупности переводческих решений позволит типизировать механизмы сопротивляемости японского языка такому когнитивно инородному способу представления действительности и определить вектор субъектно-объектного взаимовлияния в японском высказывании.

В рамках сопоставительного подхода к изучению корпусных данных, содержательная суть которого была описана выше, мы воспользуемся унидирекциональным методом контрастивного анализа, предложенным Анной А. Зализняк: «сопоставление двух языков является не целью, а лишь инструментом анализа одного из них: перевод (т.е. решение, реально принятое переводчиком) некоторой лексической единицы русского языка рассматривается как источник сведений о его семантике. Причём в этих целях используется как прямой, так и обратный перевод: соответственно, в случае обратного перевода в качестве свидетельства о семантике анализируемой единицы русского языка рассматриваются условия её появления в переводе» (Зализняк, 2015: 684). Применительно к материалу исследуемого в данной работе корпуса стимулами²

² Термин «стимул перевода» как исходная конструкция в оригинальном тексте, в качестве «реакции», на которую в переводе появляется исследуемая языковая единица, вводится группой исследователей в (Loiseau et al., 2013).

выступают оригинальные русские предложения, а совокупность переводческих решений анализируется в качестве обобщённой реакции японского языка на нарушение нормы как «раздражающего» стимула.

Для количественного анализа корпусные данные были формализованы путём ранжирования. Предикатам переводных конструкций были приписаны ранги в соответствии со степенью выраженности у них агентивных признаков; неодушевлённые субъекты также были ранжированы согласно степени их соответствия прототипическому деятелю, измеряемой отдалённостью и принципиальной возможностью отчуждения от человека и в соответствии с выраженностью агентивных характеристик: автономность, контролируемость, волитивность и др. Результаты количественного анализа корпуса переводческих решений показали следующее.

1. Итоговый расчёт коэффициента агентивности японского высказывания, определяемый в рамках композиционного анализа и учитывающий вклад двух главных переменных (степень агентивности субъекта и предиката), нормированный по максимальному значению для определения относительной величины, показывающей вклад двух признаков в общее значение, показал, что исходный уровень агентивности в оригинальном тексте (1^{\max}), в японском переводе снижается до 0,41. Самый частотный способ грамматической трансформации — субъектно-объектная замена с возвышением человека на позицию главного аргумента, например: *никакие неудачи его не смущали* → *donna shippai ni to kujikezu* ‘он не сломался ни из-за каких неудач’³ или *чувство беспомощности охватывало меня* → *watashi wa miyokukan ni ibawareta* ‘чувством беспомощности я был охвачен’⁴. Такое антропоориентированное смещение фокуса составило больше половины случаев (1075/2052, 52%), что подчёркивает естественность фокусизации человека как центра события в японском языковом сознании.

2. Примеры сохранности неодушевлённого каузатора (977/2052, 48%) составили неоднородное поле субъектно-объектной связи: варианты полной синтаксической эквивалентности (*заботы беспрестанно мучили её* → *shinrou ga taezu kanojo wo kurushimete ita*

³ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Пер. И. Камэяма, 2009.

⁴ Стругацкие А.Н. и Б.Н. Понедельник начинается в субботу. Пер. Т. Фуками, 1989.

‘заботы беспрестанно мучили её’⁵) чередуются с частыми случаями снижения агентивности высказывания путём уменьшения акциональной насыщенности предиката: *жар донимает* → *atsusa ga hidoku* ‘жара ужасная’⁶ или *поглощённый одной мыслью* → *otomoi shika nentou ni wa nakatta* ‘только эта мысль была в голове’⁷). У каждого из шести типов неодушевлённого деятеля были вычислены средний ранг предиката, аргументом которого они являются (при $\text{ранг}^{\text{max}} = 6$), и степень их сохранности в переводном тексте (=уровень допустимости такого типа субъекта на ведущую синтаксическую роль из 1^{max}): психофизическое проявление человека 4,84/0,49; интеллектуальное проявление человека 4,83/0,51; социальное проявление человека 4,70/0,32; обстоятельства, ситуация 4,72/0,43; природное явление, стихия, непреодолимая сила 4,86/0,59; предмет 4,33/0,48.

Результирующие показатели в совокупности следуют логике антропоцентричности (см. высокие значения психофизики и интеллекта) за единственным исключением: количественный анализ показал наличие значимого выброса значений в отношении типа субъекта ‘природные явления’: данная категория неожиданно обнаружила самые высокие агентивные свойства (см. самый высокий показатель сохранности 0,59 и среднего значения ранга предиката, управляющего субъектами природной и др. непреодолимой силы).

С одной стороны, это можно объяснить сущностными агентивными свойствами природных явлений: они обладают внутренней энергией, условной автономностью, характеризуются неконтролируемостью, и наоборот, даже в некотором смысле контролируют наши действия (например, невозможность выйти на улицу во время сильного дождя или вынужденная покупка тёплой одежды для защиты от холода). С другой стороны, этот непрогнозируемый выброс значений как результат количественного анализа большого массива данных обращает нас и к размышлениям об аксиологических характеристиках природы в японском обществе, где она наделена жизненной творящей силой и особым онтологическим статусом, обуславливающим непротиворечие японцев природному ритму и их стремлению следовать естественному природному пути. Эта корпусная находка показывает, что эпистемологическая ценность работы с параллельными текстами заключается и в том,

⁵ Толстой Л.Н. Анна Каренина. Пер. Т. Мотидзуки, 2008.

⁶ Каверин В.А. Два капитана. Пер. Я. Ирия, 2012.

⁷ Булгаков М.А. Собачье сердце. Пер. Т. Мидзуно, 1982.

что большие корпусные данные обладают свойством выдавать непрогнозируемые значения и задавать нетривиальные исследовательские направления; об этом будет сказано в п. 4.

3. Перераспределение в японских текстах агентивной нагрузки переводных предикатов также продемонстрировало общее смещение фокуса: большая часть исходных высококаузативных глагольных форм переместилась влево по шкале агентивности и перешла в разряд непереходных, вплоть до выраженных номинативно: *Столкнула их на углу Тверской и переулка сама судьба* → <...> *deai ga imtei sonotono ni hoka narazi* 'Их встреча <...> была не чем иным, как судьбой'⁸. Низкоагентивные свойства обнаружили у более чем половины переводных корпусных вхождений предикатов (1110/2052, 54%), а самая частотная пара «субъект + предикат» среди японских коррелятов представила собой сочетание «человек + статив»⁹. Например: *этот роман поглотил и незнакомку* → *mishiranu onna mo kono shousetsu ni michuu ni natta* 'Этим романом и незнакомка была одержима'¹⁰ или *другие заботы поглощали её* → *hoka no shinraigoto de teippai datta* 'другими заботами была переполнена'¹¹.

4. Описанная выше деагентивизация предикатов обусловила снижение их валентности и, как следствие, уменьшила количество партиципантов события — это тоже было зафиксировано как свидетельство низкой агентивности японского языка, подтверждённое материалом переводных текстов. В отношении этого показателя обнаружилась ещё одна неожиданная закономерность, ставшая основанием для выделения нового в японистике явления когнитивной амортизации. В ходе кластеризации данных в отдельную группу выделились предложения, где количество партиципантов превосходило исходное: появился повторяющийся дополнительный участник, типизированный по предметному содержанию как соматический актант: *никакие неудачи его не смущали* → *donna shiprai ni mo kesshite atama wo kakaekomana* 'никакими неудачами он не занимал свою голову'¹². Была определена его функция: в описании каузативных процессов он сужает область воздействия до определённого органа, уточняет точку приложения каузативной силы и

⁸ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Пер. Т. Мидзуно, 2008.

⁹ Ранг предиката, управляющий одушевлённым субъектом — 3,02 из 6^{max}, самый низкий за счёт форм страдательного залога, стремящихся возвыситься в позиции пациенса именно человека.

¹⁰ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Пер. А. Хоки, 2000.

¹¹ Тургенев И.С. Первая любовь. Пер. К. Дзиндзай, 1952.

¹² Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Пер. С. Кудо, 1961.

смягчает высказывание за счёт сужения воздействия¹³. Таким способом японский язык сглаживает несвойственную ему когнитивно избыточную каузацию. У. Эко образно обозначил похожую процедуру как «усыпление контекстуально второстепенных свойств»: «Вести переговоры <...> — значит решить, какие свойства должны считаться контекстуально второстепенными, чтобы их можно было, так сказать, «усыпить» (Эко, 2015: 220). В данном случае наблюдается *усыпление* несвойственного японскому языку центра приложения каузативной силы со смещением его на соматическую периферию; и вся вышеописанная совокупность переводческих решений также результирует общее *усыпление* японской агентивности, обнаруженное путём корпусного анализа переводов.

Заключение

Итак, в работе были описаны возможности реализации эпистемологического потенциала переводных текстов. Совокупность выявленных грамматически нетождественных компонентов синтаксической структуры исходного и переводного текста стала отправной точкой последующего детального разбора механизма распределения синтаксических и семантических ролей в японском предложении. Эмерджентные свойства корпуса как системы позволили обнаружить и описать не рассматриваемые ранее в японистике аспекты высокоагентивных процессов (когнитивную амортизацию и особые характеристики представления природной силы в японском языке). В целом, результаты корпусного анализа параллельных текстов позволили выделить и системно описать особенности иерархии актантажных ролей в переводящем языке, обуславливаемые выраженностью их агентивной нагрузки. Обоснованность полученных результатов была обеспечена большим

¹³ Это свойство языкового материала обнаруживать новые смыслы было описано Н.К. Гарбовским как **эмерджентность** системы, в частности — переводческой деятельности (Гарбовский, 2015: 18). Далее это положение развивалось в междисциплинарном разрезе; эмерджентность как свойство языка в значении приращения смысла в языковых структурах, возникающего в силу личностного восприятия речевой ситуации подробно описана в (Альбеков, 2020: 174). Корпусный материал, на наш взгляд, обладает эмерджентностью как свойством непрогнозируемого выделения признаков, которые трудно предсказуемы или вовсе невыводимы из языковых данных, не связанных параллельностью текстового материала; именно таким путём в данной работе были выделены каузирующие свойства субъектов природной силы и дополнительные соматические актанты. Такие возможности во многом обусловлены рассмотренным в теоретическом разделе уникальным свойством параллельных текстов — разнонаправленностью результирующих векторов в описании одной ситуации.

массивом данных и диверсифицированным характером корпусного материала. Полученные результаты, несомненно, могут и должны быть уточнены и скорректированы путём дальнейшего расширения выборки с привлечением постоянно обновляющихся инструментов корпусного анализа.

В качестве основного направления дальнейшей работы по данной теме видится проведение сопоставительного анализа корпусов переводных и оригинальных японских текстов; методология такого исследования уже зарекомендовала себя в научном поле. Кроме того, в ходе работы стали очевидны и дальнейшие возможности параллельного корпусного материала: помимо анализа языковых расхождений, которые высветили новые направления изучения агентивных свойств японских вторичных актантов, неоднозначности японского падежного варьирования, лексической многозначности и т.д., стал понятен эпистемологический потенциал данных метаразметки для определения характера переводческой деятельности в Японии в диахроническом аспекте за последние 100 лет. Также видится необходимым и перспективным привлечение англоязычных переводов размеченных текстов для расширения эмпирической базы, демонстрирующей эпистемологическую ценность перевода как способа познания и освоения опыта в разноязычных контекстах.

Список литературы

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 736 с.

Альбеков Н.Н. Эмерджентность языковой системы как результат функционирования речевых единиц: дисс. ... д-ра фил. наук: 10.02.19. Грозный, 2020. 332 с.

Бочавер С.Ю., Фещенко В.В. Перевод и трансфер как две лингвистические, культурологические и когнитивные процедуры // Когнитивные исследования языка, 2018. № 32. С. 36–47.

Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2015. № 1. С. 3–20.

Гарбовский Н.К. Перевод и «переводной дискурс» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2011. № 4. С. 3–19.

Добровольский Д.О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020, № 17 (3). С. 398–411.

Добровольский Д.О., Кретова А.А., Шаров С.А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 263–296.

Зализняк А.А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2015. Вып. 14 (21). Т. 1. С. 683–695.

Сичинава Д.В. Параллельные корпуса в составе национального корпуса русского языка как инструмент лексико-грамматической типологии // *Tipología léxica* / Eds. R. Guzmán Tirado, I. Votyakova. Granada, 2013. С. 77–82.

Шмелев А.Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 2015. Вып. 14 (21). Т. 2. С. 584–595.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М.: Издательство АСТ; CORPUS, 2015. 736 с.

Fujii Y. (2019) Making the Most of Search Engines for Japanese to English Translation: Benefits and Challenges. *Asian EFL Journal*. No. 23, pp. 1–36.

Kumano T., Kashioka H., Tanaka H., Fukushima T. (2003). Construction and Analysis of Japanese-English Broadcast News Corpus with Named Entity Tags. Proc. Workshop on Multilingual and mixed-language named entity recognition. Morristown, pp. 17–24.

Loiseau S., Sitchinava D.V., Zalizniak Anna A., Zatsman I.M. (2013). Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian-French multivariant parallel corpus. *Информатика и её применения*. Т. 7, вып. 2. С. 100–109.

Rikters M., Ri R., Li T., Nakazawa T. (2021) Japanese-English Conversation Parallel Corpus for Promoting Context-aware Machine Translation Research. *Journal of Natural Language Processing*. No. 28(2), pp. 380–403.

Zanettin F. (2014) *Corpora in Translation. Translation: A Multidisciplinary Approach*. Palgrave Macmillan, pp. 178–199.

References

Avtonomova N.S. (2016) *Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka = Cognition and translation. Experiences in the philosophy of language*. Moscow, St. Petersburg: Centr gumanitarnyh initsiativ. 736 p. (In Russian).

Al'bekov N.N. (2020) Emerdzhentnost' yazykovoj sistemy kak rezul'tat funkcionirovaniya rechevyh edinic = The emergence of a language system as a result of the functioning of speech units: dis...d-ra fil. nauk: 10.02.19. Groznyj. 332 p. (In Russian).

Bochaver S. Yu., Feshchenko V.V. (2018) *Perevod i transfer kak dve lingvicheskie, kul'turologicheskie i kognitivnye procedury = Translation and transfer as two linguistic, cultural and cognitive procedures. Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 32, pp. 36–47 (In Russian).

Dobrovol'skij D.O. (2020) *Korpusnyj podhod k issledovaniyu frazeologii: novye rezul'taty po dannym paralel'nyh korpusov = Corpus approach to the study of phraseology: new results based on data from parallel corpora*. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literature*. No. 17 (3), pp. 398–411 (In Russian).

Dobrovol'skij D.O., Kretova A.A., Sharov S.A. (2005) Korpus parallel'nyh tekstov: arhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya = Corpus of Parallel Texts: Architecture and Possibilities of Use. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Moscow: Indrik, pp. 263–296 (In Russian).

Eko U. (2015) Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode = To say almost the same thing. Experiences on translation. Mosco.: Izdatel'stvo AST; CORPUS. 736 p. (In Russian).

Fujii Y. (2019) Making the Most of Search Engines for Japanese to English Translation: Benefits and Challenges. *Asian EFL Journal*. No. 23, pp. 1–36.

Garbovskij N.K. (2015) Sistemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znaniy = Systemological model of the science of translation. Transdisciplinarity and the system of scientific knowledge. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 3–20 (In Russian).

Garbovskij N.K. (2011) Perevod i "perevodnoj diskurs" = Translation and "translated discourse". *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–19 (In Russian).

Kumano T., Kashioka H., Tanaka H., Fukushima T. (2003) Construction and Analysis of Japanese-English Broadcast News Corpus with Named Entity Tags. Proc. Workshop on Multilingual and mixed-language named entity recognition. Morristown, pp. 17–24.

Loiseau S., Sitchinava D.V., Zalizniak Anna A., Zatsman I.M. (2013) Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian-French multivariant parallel corpus. *Informatika i ee primeneniya*, Vol. 7, Issue 2, pp. 100–109.

Riktors M., Ri R., Li T., Nakazawa T. (2021) Japanese-English Conversation Parallel Corpus for Promoting Context-aware Machine Translation Research. *Journal of Natural Language Processing*. No. 28 (2), pp. 380–403.

Sichinava D.V. (2013) Parallel'nye korpusa v sostave nacional'nogo korpusa russkogo yazyka kak instrument leksiko-grammaticheskoy tipologii = Parallel corpora within the national corpus of the Russian language as a tool of lexical and grammatical typology. *Tipología léxica*. Eds. R. Guzmán Tirado, I. Votyakova. Granada, pp. 77–82 (In Russian).

Shmelev A.D. (2015) Russkie lingvospecifichnye leksicheskie edinicy v parallel'nyh korpusah: vozmozhnosti issledovaniya i "podvodnye kamni" = Russian language-specific lexical units in parallel corpora: prospects of investigation and "pitfalls". *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Vol. 2, Issue 14 (21), pp. 584–595 (In Russian).

Zaliznyak Anna A. (2015) Lingvospecifichnye edinicy russkogo yazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza = Russian linguistic-specific words as an object of contrastive corpus analysis. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Issue 14 (21). Vol. 1, pp. 683–695 (In Russian).

Zanettin F. (2014) Corpora in Translation. Translation: A Multidisciplinary Approach. Palgrave Macmillan, pp. 178–199.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Стрижак Ульяна Петровна — кандидат педагогических наук, доцент, академический руководитель образовательной программы «Востоковедение», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11; ustrizhak@hse.ru.

ABOUT THE AUTHOR:

Ulyana P. Strizhak — Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Academic Supervisor of the Asian Studies Educational Program, National Research University Higher School of Economics, 11 Pokrovsky Bulvar, Moscow 109028, Russia; ustrizhak@hse.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-110-132

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ НАРЕЧИЯ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ СООБЩАЕМОГО (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Вероника Геннадиевна Павленко

Ставропольский государственный педагогический институт,
Ставрополь, Россия

Для контактов: verony79@mail.ru

Аннотация. Интерес к изучению категории эпистемической модальности связан с выделением их новой классификации и рассмотрении средств их языковой объективации. К числу малоизученных проблем относятся языковые средства выражения эпистемической модальности достоверности, актуализирующие денотативную соотносённость с частями речи и получающие эквивалентную им репрезентацию лексического значения. В статье рассматривается семантический анализ эпистемических наречий в рамках логического анализа. Цель работы — изучение семантики эпистемических наречий с точки зрения реализации достоверности сообщаемого в английском языке. Данные лексемы рассматриваются в контекстах их функционирования. Научная новизна работы заключается в том, что в данной работе рассматривается корреляция эпистемических наречий и глаголов ментальной деятельности: know, think, suppose, doubt и др. Задачи исследования — описать классификацию эпистемических наречий по степени выражения достоверности сообщаемого; проанализировать эпистемические наречия достоверности сообщаемого в текстах художественной литературы; выявить корреляцию эпистемических наречий и глаголов ментальной деятельности: know, think, suppose, doubt и др. Выделяются и описываются контексты функционирования эпистемических наречий в текстах художественной литературы. В статье

утверждается, что эпистемические наречия имеют денотативную соотнесённость с ментальными глаголами и получают эквивалентную им репрезентацию лексического значения. Автор приходит к выводу, что согласно контекстам их функционирования проявляются их лексические значения, присущие эпистемическим глаголам, а именно глаголам ментальной деятельности.

Ключевые слова: эпистемический, модальность, ментальный, классификация, достоверность, корреляция, категоричность, некатегоричность, контекст, семантика, значение

Для цитирования: Павленко В.Г. Эпистемические наречия как средства выражения достоверности сообщаемого (на материале английского языка) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 1. С. 110–132. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-000-000

Статья поступила в редакцию 31.08.2022;
одобрена после рецензирования 28.01.2023;
принята к публикации 11.05.2023.

EPISTEMIC ADVERBS AS MEANS OF EXPRESSING THE CREDIBILITY OF THE CONTENTS (IN ENGLISH LANGUAGE)

Veronika G. Pavlenko

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

For contacts: verony79@mail.ru

Abstract. The interest in the study of the category of epistemic modality is associated with the allocation of their new classification and consideration of the means of their linguistic objectification. Among the little-studied problems are linguistic means of expressing epistemic modality of credibility, actualizing the denotative correlation with parts of speech and receiving an equivalent representation of their lexical meaning. The article deals with the semantic analysis of epistemic adverbs in the framework of logical analysis. The aim of the article is to study the semantics of epistemic adverbs in terms of the realization of the credibility of the contents in English. These lexemes are considered in the contexts of their functioning. The scientific innovativeness of the article is at the heart that this article examines the correlation of epistemic adverbs and verbs of mental activity: know, think, suppose, doubt, etc. The objectives of the study are to describe the classification of epistemic adverbs according to the

degree of expression of credibility of the contents; to analyze epistemic adverbs of credibility of the contents in the texts of fiction; to identify the correlation of epistemic adverbs and verbs of mental activity: know, think, suppose, doubt, etc. The contexts where epistemic adverbs function in texts of fiction are identified and described. The article argues that epistemic adverbs have a denotative correlation with mental verbs and receive an equivalent representation of their lexical meaning. The author concludes that according to the contexts of their functioning, their lexical meanings inherent in epistemic verbs, namely mental verbs, are manifested.

Keywords: epistemic, modality, mental, classification, validity, correlation, categoricity, non-categoricity, context, semantics, meaning

For citation: Pavlenko V.G. (2023) Epistemic adverbs as means of expressing the credibility of the contents (in English language). Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 110–132. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-110-132

The article was submitted on August 31, 2022;
approved after reviewing on January 28, 2023;
accepted for publication on May 11, 2023.

Введение

Настоящая работа посвящена исследованию семантического анализа эпистемических наречий в художественной литературе на материале английского языка.

Интерес к изучению эпистемических наречий, выражающих субъективное отношение говорящего. Эпистемические наречия могут выражать разные степени достоверности сообщаемого.

Актуальность темы обусловлена научной значимостью обращения к вопросу изучения эпистемических показателей достоверности в контексте принципов лексико-семантического анализа.

Объектом исследования является достоверность в текстах художественной литературы.

Предметом исследования выступают эпистемические наречия как средства выражения достоверности сообщаемого в художественных произведениях английского языка.

Гипотеза работы состоит в том, что эпистемические наречия имеют денотативную соотнесённость с ментальными глаголами и могут получать эквивалентную этим глаголам репрезентацию лексического значения.

Цели статьи

Цель исследования состоит в анализе эпистемических наречий с точки зрения реализации достоверности сообщаемого в художественных произведениях английского языка. В своей работе рассмотрим корреляцию эпистемических наречий и глаголов ментальной деятельности: know, think, suppose, doubt и др.

Достижение цели предполагает поэтапное решение следующих задач:

- определение классификации эпистемических наречий по степени выражения достоверности сообщаемого;
- описание семантических особенностей эпистемических наречий достоверности сообщаемого в текстах художественной литературы;
- выявление корреляции эпистемических наречий и глаголов ментальной деятельности: know, think, suppose, doubt и др.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы и приёмы: дистрибутивный — для выявления для установления контекстов функционирования эпистемических наречий; контекстуальный — для выявления значения эпистемических глаголов в контекстах функционирования.

1. Обзор литературы

Вопрос изучения языковых средств эпистемической модальности, выбранный нами в качестве исследования, многократно изучался и продолжает изучаться как отечественными, так и зарубежными лингвистами. В своём исследовании мы опираемся на ряд общеизвестных работ, посвящённых различным вопросам в области эпистемической модальности. В качестве основополагающих трудов нами признаются работы лингвистов: В.В. Виноградовой, Ш. Балли, В.Н. Бондаренко, Е.И. Беляевой, А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, М.А.К. Halliday, F.R. Palmer, J. Lyons и др.

Материалом исследования послужили данные, полученные методом сплошной выборки из текстов художественной литературы, а именно драматических и прозаических текстов американских и английских авторов.

2. Исследование средств выражения достоверности на основе текстов художественной литературы

Анализируя тексты художественной литературы, мы выделили эпистемические наречия, выражающие субъективное отношение говорящего, оценку им какого-либо факта или события, а также

достоверность, реальность сообщаемого. Приведённые примеры могут служить иллюстрацией выражения эпистемическими наречиями достоверности сообщаемого, а также отношения говорящего к сообщаемому.

Корпус наречий эпистемической модальности включает в себя наречия:

1. Наречия категорической достоверности или сильные наречия: *certainly, of course, surely, really, evidently, apparently, actually, assuredly, indeed, obviously, undoubtedly.*
2. Наречия косвенной модификации категорической достоверности: *assuredly, no doubt, undoubtedly, perceivably.*
3. Наречия проблематической достоверности или слабые наречия: *perhaps, possibly, presumably, probably, seemingly, maybe, supposedly.*
4. Наречия косвенной модификации проблематической достоверности: *unbelievably, unlikely.*

Наибольший теоретический и практический интерес имеет функционирование эпистемических наречий, занимающих модусное положение и их процесс модификации пропозиции.

Известно, что модусные наречия имеют как эксплицитную, так и имплицитную форму выражения значений, а именно функционировать контекстно-свободно или контекстно-связанно. Предположим, что наречия категорической достоверности представляют собой контекстно-свободные средства выражения уверенности, а наречия проблематической достоверности контекстно-связанные средства выражения уверенности.

Задачей работы является изучение контекстной зависимости эпистемических наречий. Эпистемические наречия, имея денотативную отнесённость с частями речи: прилагательными, глаголами, соответственно получают эквивалентную им репрезентацию лексического значения. В своей работе рассмотрим корреляцию эпистемических наречий и глаголов ментальной деятельности: *know, think, suppose, doubt* и др.

Семантическое изучение эпистемических наречий в рамках логического анализа состоит в выявлении типичных для них контекстов. Согласно контекстам их функционирования проявляются их свойства, присущие эпистемическим глаголам, а именно глаголам ментальной направленности.

3. Результаты и дискуссия

3.1. Эпистемические наречия категорической достоверности

Выдвинем гипотезу, что наречия, выражающие категорическую достоверность, имеют корреляцию с ментальным глаголом know. Глагол know имеет сильные степени эпистемической достоверности, маркирующие значение уверенности, убеждённости, с другой стороны, выражает интегральное значение понимания, согласия. Рассмотрим данные наречия более подробно и определим их корреляционное соответствие.

Наречие **of course** — as expected, naturally, certainly выражает категорическую достоверность, уверенность говорящего в сообщаемом.

Пример: “That surely is a childish attitude, Mr Brodie! Cooperation is better than competition every time. **Of course**, if you choose to fight, he waved his hand deprecatingly, we have large resources. We have had to cut our prices before, in similar circumstances, and we can easily do it again.” (Cronin, 1960).

В данном абзаце говорящий даёт субъективную оценку тому факту, что при выборе борьбы оппонентом появятся огромные возможности. Наречие **of course** несёт утвердительное значение излагаемого факта, бесспорность и истинность знания, проверенного на собственном опыте: до этого времени уже существовала такая ситуация, а именно было проведено снижение цен и есть уверенность достигнуть такого результата. Как видно из примера, уверенность персонажа аргументирована.

Пример: “Excellent! We shall then look thoroughly into the affair. **Of course**, there is only one feasible explanation. You have been brought there to impersonate someone, and the real person is imprisoned in this chamber. That is obvious” (Doyle, 2002).

Высказывая мысль по поводу необходимости тщательного рассмотрения дела, автор с помощью наречия **of course**, выражающего субъективную оценку говорящего, подчёркивает единственно возможное объяснение рассматриваемого дела и указывает на его очевидность.

Пример: “Very annoying, no doubt,” said Lord Crome, smiling at him grimly. “As for this ring here — well, it is rather interesting in a way, in that sort of family way, **of course**. I don’t know the details, but it is obviously sixteenth century.” (Chesterton, 2007).

В данном примере наречие **of course** выступает с целью подтверждения того факта, что кольцо представляет интерес в качестве своего фамильного происхождения. Из контекста статьи мы можем понять, что персонаж определяет историческое возникновение кольца и называет его предположительную дату. **Of course** показывает степень уверенности говорящего в реальности событий, в их достоверности. Наречие вступает в корреляцию с глаголом **know**.

Пример: “You will be put to no trouble in the matter. One of my staff will be supplied for the purpose. She will tell you what is required of you, and any attentions you pay her she will, of course, understand to be merely a matter of business.” (Christie, 1989).

В своём ответе говорящий выражает свою субъективную оценку сообщаемого. Убедая в правильной тактике гендерных взаимоотношений, и указывая на принятие делового стиля общения, демонстрирует уверенность. Таким образом, наречие **of course** несёт утвердительное значение излагаемого факта, бесспорность и истинность знания, а именно выражает категорическую достоверность сообщаемого. Указания на присутствие или достаточность знаний, а также уверенность говорящего нередко эксплицитно представлены в сопутствующем лингвистическом контексте в виде фраз: **I know, I am sure**.

Пример: “**Of course** I knew what he was going to do, Franny told me, much later” (Американский рассказ XX века, 1996).

Из примера видно, что говорящему была известна информация. Ассертивность наречия **of course** усиливается, благодаря присутствию глагола **know**. Достоверность высказывания основывается на объективных фактах.

Наречие **certainly** имеет значение “without no doubt”, показывает высокую степень уверенности говорящего в значимости, реальности событий, в их достоверности.

Пример: “Surely the mercury did not trace this line in any of the dimensions of Space generally recognized? But **certainly** it traced such a line, and that line, therefore, we must conclude was along the Time-Dimension” (Wells, 2000).

Автор употребляет наречие **certainly**, выражающее её субъективную оценку, реальность сообщаемого, несущее в себе утвердительный характер. Таким образом, **certainly** выражает отсутствие

сомнений в реальности и достоверности сообщаемого, несёт в себе истинность и надёжность знания.

Такую надёжность знания мы наблюдаем в нижеприведённом примере:

Пример: “She has particularly spared from any nerve shock. This witness **certainly** has been subjected to a series of trying experiences during the last twenty-four hours. As far as the coroner is concerned, she’s going to be excused” (Gardner, 2002).

Наречие **certainly** содержит сему уверенности, так его значение основано на объективных фактах. Достоверность сообщаемого обоснована для познающих субъектов, логическим доказательством того, что свидетель преступления был опрошен несколько раз.

Пример: “This evening she **certainly** might very well have passed for thirty-five. She had those rather large features which somehow do not seem to betray age” (Maugham, 1979).

В этом примере наречие **certainly** представляет собой элемент субъективизации. Благодаря модальному глаголу **might**, который семантически модифицирует наречие **certainly**, усиливая характер предположительности. Автор, описывая внешность героини, признает, что её могли бы легко принять за женщину моложе своего возраста, благодаря своим прекрасным чертам.

Приведу пример, когда наречие **certainly** также подвергается модификации, например, в сочетании с ментальным глаголом **think**. Под влиянием модифицируемого глагола **think**, наречие **certainly** получает слабую ассертивность.

Пример: “I **certainly** think it is rather different,” began Barnard Blake, the lawyer, in a low voice” (Chesterton, 2007).

Исходя из диалогического контекста следует, что персонаж соглашается со своим собеседником и признает несомненность изменений событий. Таким образом, наречие **certainly** имплицитно пресуппозицию согласия.

В нижеследующем примере наречие **certainly** употребляется как экспликация восторженного согласия, вызванного субъективной оценкой.

Пример: “Mason exclaimed, “Look at that cabin, Della! It **certainly** is a beautiful setting!” (Gardner, 2002).

Мужчина обращает внимание женщины на чудесную обстановку, тем самым высказывая своё положительное отношение. В данном случае наречие **certainly** получает эмотивную окраску.

Таким образом, наречие **certainly**, употребляясь во всех временных формах, в утвердительных предложениях выражает внутреннюю уверенность человека, основанную на объективных факторах, условиях и предпосылках. С этой точки зрения оно коррелирует, как правило, с семантикой глагола **know** и имеет контекстную свободу. В восклицательных предложениях оно выполняет эмотивную функцию.

Наречие **surely** — *without doubt, assuredly* имеет семантическое прочтение несомненности и употребляется для выражения субъективной уверенности говорящего в достоверности высказывания.

Пример: “Doing what everyone expects.” “**Surely** what you ought to do is what you feel you need” (Fowles, 1995).

В приводимом примере наречие *surely* носит субъективный характер. Говорящий, выражая собственное мнение, даёт рекомендации слушающему относительно его поступков, убеждает его почувствовать себя нужным, внушает принять его точку зрения. Под влиянием модального значения глагола долженствования *ought*, усиливаются ассертивные свойства наречия *surely*. В данном случае наречие коррелирует с глаголом **assure**.

Пример: “I must surely have felt some little desire at least to try the door — yes. I must have felt that... But I seem to remember the attraction of the door mainly as another obstacle to my overmastering determination to get to school” (Wells, 2000).

Наречие **surely** определяется диалогическим контекстом его функционирования и модального глагола *must*. Из контекста известно, что у мальчика было желание приоткрыть заветную дверь, но он боялся опоздать в школу и быстро одолел это искушение. Наречие *surely* здесь демонстрирует удивление, непонимание. Оно эксплицирует значение уверенного предположения, не имеющего доказательств, и реализует это значение в связи с ориентацией на прошлое. Итак, наречие *surely* контекстно-связанно и коррелирует со значением глагола **suppose**.

Пример: “I can surely do that for you, Mamma,” replied Miss Moir, pursing her lips significantly. “It would be a pity if I couldn’t put myself about a bit for you” (Cronin, 1960).

Surely в сочетании с модальным глаголом can выражает значение возможности, предположительности. Ассертивные свойства наречия уменьшаются.

Наречие **really** имеет значение — “truly, in fact” эксплицирует объективное значение уверенности, служит в качестве интенсификатора в предложении. Занимает как правило препозитивное положение к глаголу, на которое приходится фразовое ударение.

Пример: “She was pretty — **really** very pretty. Fair-haired, you know, and a lovely skin. Not, perhaps, very clever” (Christie, 1989).

В данном примере наречие **really** имеет усилительное значение. Употребляя наречие **really**, говорящий подчёркивает истинную красоту женщины, её достоинства. Оно употребляется как маркер уверенности, имеющий субъективную основу.

Пример: “If you think you ought to go it’s your own lookout. But **really** you can’t expect me to” (Maugham, 1979).

В приведённом примере наречие **really** выражает свою субъективную оценку. Говорящий указывает на реальный факт действительности и приводит в своём ответе объективные аргументы.

Возможно, присутствие нескольких синонимичных наречий выражающих категорическую достоверность в одном контексте. С точки зрения стилистики они выполняют таким образом роль усилителей и интенсификаторов.

Пример: “It was — **really**, it was **absolutely** — oh, the most — it was simply — **in fact**, from that moment Edna knew that life could never be the same. She drew her hand away from Jimmy’s learned back, and shut the chocolate box forever. That at last was love” (Английский рассказ XX века, 1995).

Из примера следует, что автор имплицитно выражает чувства женщины, её душевное состояние. Героиня осознает тот факт, что её взаимоотношения с любимым человеком терпят крах. Поэтому автор намеренно и сознательно использует синонимичные наречия, чтобы подчеркнуть её эмоциональное состояние. Благодаря пунктуационному знаку (тире), наречия оказываются выделенными и получают коннотацию экспрессивности.

В редких случаях наречие **really** употребляется не как маркер уверенности, а эксплицирует значение надежды, ожидания положительного и имеет контекстную зависимость.

Пример: “I find it all too obscure. At sixteen, yes. But one really ought to have grown out of that sort of thing by twenty. And at thirty — the woman’s nearly thirty, you know — well, **really**...” (Английский рассказ XX века, 1995).

Согласно контексту следует, что говорящий заинтересован в позитивной для него оценке ситуации. Он выдвигает мнение, что его собеседник, опираясь на собственный опыт, понимает какой должна быть тридцатилетняя женщина. Могут содержательно совпадать с надеждой, ожиданием положительного, занимая как правило постпозиционное положение в высказывании. Итак, наречие в особых контекстах может эксплицировать значения мнения, но не знания и коррелировать с глаголом **think**.

В коммуникативном контексте, наречие **really** встречается в значении уверенного согласия, признания истинности факта, в составе эксплицитно выраженных конструкций в предложениях, вводимых наречием **well**.

Пример: “Well, **really**, it seems rather useless, since you refuse the most excellent offers in this fashion,” said she sharply” (Doyle, 2002).

Коммуникант соглашается с высказанной ранее мыслью собеседника. Наречие **really** эксплицирует субъективное значение уверенности, вступает в корреляцию с глаголом **know**.

Пример: “Do you really think so?” “Yes.” (Английский рассказ XX века, 1995).

В вопросительной форме наречие **really** имеет значение удивления и вступает в корреляцию с глаголом **believe** в отрицательной форме (**do not believe**).

Наречие **indeed** имеет значение “really, truly”, эксплицирует действительное положение дел, точность и достоверность заключённой в сообщении информации.

Пример: “All of his ships were damaged, three of them severely **indeed**. If he was sighted and intercepted at all, he would lose at least those three, and probably all six” (Английский рассказ XX века, 1995).

Согласно данному примеру, наречие **indeed** является маркером уверенности, знания. Его целью является подтверждение того факта, что все суда были повреждены, три из них сильно на самом деле. Функция наречия **indeed** в данном примере может рассматриваться как указание на действительное положение дел, имеющее место в прошлом, и выражает субъективную оценку говорящего.

Пример: “Nevertheless. I must have gone on looking at pictures for ten years before I would honestly admit to myself that they merely bored me. Since then I have given up all attempts to take a holiday. I go on cultivating my old stale daily self in the resigned spirit with which a bank clerk performs from ten till six his daily task. A holiday, indeed!” (Huxley, 1976).

С помощью наречия **indeed**, коммуникант выражает субъективную оценку. В приведённом примере говорящий выражает иронично своё мнение относительно проведения праздника. Наречие **indeed**, употреблённое в восклицательной форме, получает эмоционально-экспрессивное выражение, т.е. служит в качестве эмотива.

Итак, можно сделать вывод, что наречие **indeed**, употребляясь в утвердительных предложениях, вступает в корреляцию с глаголом **know**, в вопросительных и восклицательных предложениях имеет пресуппозицию удивления и коррелирует с глаголом **believe** в отрицательной форме (**do not believe**).

Наречие **no doubt**, *certainly* выражает категорическую достоверность.

Пример: “The man in the road was undoubtedly some friend of hers — possibly her fiancé — and **no doubt**, as you wore the girl’s dress and were so like her, he was convinced from your laughter, whenever he saw you, and afterwards from your gesture, that Miss Rucastle was perfectly happy, and that she no longer desired his attentions.” (Doyle, 2002).

Употреблённое в предложении, наречие **no doubt** выражает субъективное отношение говорящим сообщаемого, указывает на достоверность того факта, что мужчина непременно заметил и оценил женщину, которая была бы похожа на его знакомую. Как видно из примера, наречие получает семантическое прочтение уверенности.

Пример: “Some day, sooner or later, they will get me,” he repeated. “When that day comes, do not distress yourself. You will, I have no doubt, have done all that is possible.” (Английский рассказ XX века, 1995).

В данном случае наречие **no doubt** эксплицирует значение уверенности. Мужчина уверяет своего собеседника в том, что он преодолеет трудности, которые возникнут у него в будущем. Наречие, встроенное в футуральную парадигму, содержит скрытую пресуппозицию: «Я уверяю вас, что у вас всё получится» и имеет корреляцию с глаголом *assure*.

Пример: “That was it — there was no doubt. The diamond in the arms of his slaves was some advance sample, a promise of more to follow” (Американский рассказ XX века, 1996).

В данном отрывке наречие **no doubt**, являясь маркером уверенности, передаёт субъективное отношение говорящего, основанное на объективных фактах. Наречие получает аргументационное подтверждение тому факту, что алмаз в руках рабов служил несомненно в качестве аванса и поэтому они готовы были подчиниться своему хозяину.

Наречие **undoubtedly** — without doubt, certainly or выражает уверенное мнение в том, что излагаемая мысль определённо верна или является истиной.

Пример: “But they did not vanish absolutely, since I gather that they were sold in small parcels withing half an hour of the docking of the Olympia! Well, **undoubtedly** the next thing is for me to see Mr. Ridgeway” (Christie, 1989).

Из примера следует, что наречие **undoubtedly** является маркером уверенности, указывает на достоверность того факта, что говорящий непременно осуществит своё намерение. В данном контексте наречие undoubtedly имплицитно подразумевает следующую пресуппозицию: «Мне следует посетить мистера Райдвэя». Наречие можно перефразировать модальным глаголом **ought**.

Наречие **apparently** — it appears that, as far as one knows, seemingly эксплицитно выражает внешнюю очевидность, сенсорное восприятие, которое требует логического вывода.

Пример: “They had discussed the Royal College, why she had left it, but in a rather neutral, general sort of way. **Apparently** she had felt a kind of claustrophobia, too many elite talents cooped up in too small a space, she had become too self-conscious, too aware of what other people were doing; it had all been her fault” (Fowles, 1998).

Эпистемическое наречие **apparently** выражает субъективное отношение говорящим сообщаемого, указывает на достоверность того факта, что женщина сама была виновата в своём решении бросить учёбу в колледже. Это объясняется тем фактом, что она испытала чувство страха в связи с появлением в её жизни огромной плеяды талантливых людей в слишком узком для неё кругу, она стала слишком застенчивой и слишком осведомлённой, что и стало её ошибкой.

Пример: “Helen Montein’s lips **Apparently** she was restraining herself from hysteria at a supreme effort” (Gardner, 2002).

Исходя из примера ясно, что женщина испытывала чувство истерии и это было видно по её дрожащим губам. Вырисовывается визуальная картина происходящего. Таким образом, наречие **apparently** выражает значение уверенности согласно объективным фактам. Данное наречие в большинстве случаев является маркером ясности, очевидности фактов, базирующееся на перцептивном (визуальном) восприятии.

Далее приведу пример, где наблюдается данная экспликация уверенности.

Пример: “Now the captian could think of nothing more to say, and he smoked in silence. Nelson had **apparently** no wish to break it. He looked at his guest with a meditative eye” (Maugham, 1979).

Как следует из примера, наречие **apparently** обладает значением субъективизации и указывает на достоверность того, что мужчина не хотел нарушать тишину, судя по его спокойному выражению лица, с которым он смотрел на гостей. Наречие **apparently** таким образом вступает в корреляцию с глаголом **see**.

Наречие **apparently** обладает высокой репрезентативностью, в отличии от его синонимичного наречия **obviously** — “easily to see or understand”.

Пример: “I read it. It was **obviously** autobiographical. The scene was a small town in Sussex, and the characters of the upper middle class that strives to keep up appearances on an inadequate income” (Maugham, 1979).

Согласно контексту, наречие **obviously** эксплицирует субъективное отношение говорящим, указывает на очевидность того факта, что описанные события в романе были автобиографичны. Наречие имеет корреляционное значение с глаголом **understand**.

Наречие **evidently** — obvious, clearly seen. Наречие **evidently** выражает предположение, основанное на собственном наблюдении, на очевидных фактах.

Пример: “There is a tendency to utilize underground space for the less ornamental purposes of civilization; there is the Metropolitan Railway in London, for instance, there are new electric railways, there are subways, there are underground workrooms and restaurants, and they increase and multiply. Evidently, I thought, this tendency had increased till Industry had gradually lost its birthright in the sky” (Wells, 2000).

В данном абзаце наречие **evidently** выражает субъективное отношение говорящим сообщаемого. Оно подчёркивает предположение о том, что тенденция использования подземного пространства, берущая начало с появления Столичной железной дороги в Лондоне и электрических железных дорог, тоннелей, подземных рабочих комнат и ресторанов поднялась до уровня промышленности и потеряла своё право первородства. Значение предположения наречие **evidently** получает благодаря модификации ментального глагола **think**, в данном контексте употреблённого в прошедшем времени — **thought** (Past Indefinite). Под его влиянием ассертивность высказывания уменьшается. Наречие **evidently** эксплицирует неуверенное мнение в силу недостаточности улик, доказательств и коррелирует с выражением **be sure** в отрицательной форме (**be not sure**).

Пример: “Back of the house was a small garage, the doors of which stood open, disclosing an interior which was **evidently** used a woodshed and storehouse” (Gardner, 2002).

Наречие **evidently** выражает субъективное отношение говорящим сообщаемого. Автор указывает достоверность того, что гараж очевидно использовался в качестве кладовой. Наречие **evidently** в данном предложении эксплицирует очевидность посредством визуального восприятия, без тени сомнения.

3.2. Эпистемические наречия косвенной модификации категорической достоверности

Наречие **assuredly** эксплицирует значение определённости, правдивости высказывания, информация, которую знают точно, но в отличие от **surely** выражает объективную уверенность говорящего в достоверности высказывания.

Пример: “Assuredly, it would be injustice and bad taste to hoot a cardinal for having come late to the spectacle, when he is a handsome man, and when he wears his scarlet robe well” (Американский рассказ XX века, 1996).

Согласно этому примеру, наречие **assuredly** выражает субъективное отношение говорящим сообщаемого, указывает на достоверность факта, что было бы несправедливо ругать кардинала за его опоздание, так как он не заслуживает такого порицания. Говорящий аргументирует своё мнение и высказывает положительное отношение в пользу персонажа. Данное наречие эксплицирует значение уверенности и имплицитно пресуппозицию: «Я прошу вас отнестись снисходительно к кардиналу и уверяю вас в его по-

рядочности». Таким образом, наречие *assuredly* коррелирует со значением глагола **assure**.

3.3. Эпистемические наречия проблематической достоверности

Предположим, что наречия, выражающие проблематическую достоверность имеют корреляцию с ментальным глаголом *think*. Глагол *think* имеет слабые степени эпистемической достоверности, маркирующий значение полагания, возможности, вероятности, сомнения.

Наречие **perhaps** — *possibly, maybe* эксплицирует значение неуверенности, сомнения.

Пример: “Maybe I can fix it up on buffalo,” he said. “We’re after them next, aren’t we?” “In the morning if you like,” Wilson told him. **Perhaps** he had been wrong. This was certainly the way to take it. You most certainly could not tell a damned thing about an American. He was all for Macomber again” (Американский рассказ XX века, 1996).

В приведённом примере выражена субъективная оценка говорящим сообщаемого. Автор употребляет наречие **perhaps**, имеющее значение предположения, сомнения о достоверности сообщаемого. Используя наречие **perhaps**, автор высказывает свои предположения относительно действий героя, а именно указывает на его вероятную ошибку.

Пример: “The God who sent bears to devour the mockers of Elisha, the God who smote the Egyptians for their stubborn wickedness, will assuredly smite them too, unless they make haste to repent. But **perhaps** it is already too late.” (Huxley, 1976).

Наречие **perhaps** служит маркером предположения, имплицитно конклюдивный вывод, основанный на субъективном отношении героя. Говорящий предполагает, что уже слишком поздно для египтян раскаиваться в своей жесточённости.

Пример: “Mary looked at the clock again. “I think perhaps you ought to go and pack,” she said” (Huxley, 1976).

Наречие **perhaps** в сочетании с ментальным глаголом *think*, употребляется в данном контексте для смягчения высказывания, придавая не приказной, а вежливый тон предложению. Наречие **perhaps** имплицитно в данном случае пресуппозицию, которая имеет вид следующего предложения «Я надеюсь, что вы уйдёте».

Пример: “I do not know why he deserted. **Perhaps** life on a man-of-war with its restrictions irked him, **perhaps** he was in trouble, and **perhaps** it was the South Seas and these romantic islands that got into his bones” (Maugham, 1979).

Используя анафорический повтор наречия **perhaps**, говорящий высказывает свои предположения о причинах, приведших моряка дезертировать с военного корабля и пытается найти его поступкам логическое объяснение. Как видно, наречие *perhaps* выражает субъективное мнение и коррелирует с выражением **be sure** в отрицательной форме (**be not sure**).

Пример: “But we felt it was just a nice gesture — one was meant to refuse. Silly. He never makes nice gestures. Without a reason. Perhaps I sensed that already, something in his eyes. And I knew Tom wanted to get on.” (Fowles, 1998).

Героиня строит свою гипотезу предполагаемых действий её мужа по его глазам. Наречие *perhaps* в данном случае эксплицирует субъективное отношение, основанное на сенситивном (визуальном) уровне. Степень достоверности наречия в данном случае увеличивается, что придаёт высказыванию значение уверенности.

Пример: “Albert was, I believe, of average height, but **perhaps** because you never thought of him except in connexion with his wife you only thought of him as a little man. He was spare and frail and looked older than his age. This was the same as his wife’s.” (Maugham, 1979).

Наречие **perhaps** имеет скрытую импликацию выражения авторской модальности. Автор сострадательно относится к своему герою: покорность жене, которую испытывает Альберт, влияет на его внешние данные, создавая жалкий вид. Тем самым автор раскрывает причину его проблем с женой. В данном отрывке наречие *perhaps* выражает значения полагания с сильным ассертивным компонентом в своей семантике. Под влиянием союза *because* оно выступает в качестве аргументированного мнения.

Наречие **maybe** выражает не конкретность, а неопределённость позиции говорящего, а также признание, допущение информации как правильной, реальной и синонимично наречию *perhaps*.

Пример: “**Maybe** he’ll be willing to give you a break. **Maybe** he won’t.” (Gardner, 2002).

В приведённом примере выражается субъективная оценка говорящим сообщаемого, так как в нём реализуется индивидуальная

оценка с точки зрения его достоверности. Наречие **maybe**, употребляющееся в будущем времени, имплицитно не знание, а догадку. Шериф не знает, согласится ли прокурор доверить дело детективу. Анафорический повтор двух последовательных предложений, где главным образом эмфатическое ударение приходится на модальное наречие **maybe**, придаёт высказыванию оттенок сомнения, имплицитно значение неопределённости. Наречие **maybe** можно перефразировать глаголом **know** в отрицательной форме (**I do not know**). Таким образом, оно коррелирует с выражением **be certain** в отрицательной форме (**be not certain**).

Пример: “**Of course maybe** our theory is wrong. **Maybe** Time can’t be changed by us. Or **maybe** it can be changed only in little subtle ways.” (Английский рассказ XX века, 1995).

Оценка достоверности выражается с помощью наречия **maybe**. Размышления говорящего направлены на верность теории о времени.

Наречие **maybe** в сочетании с наречием **of course** выражает пресуппозицию: «Я допускаю возможность, что теория не верна и строю гипотезы». Наречие **maybe** коррелирует таким образом в данном случае с глаголом **suppose**.

Таким образом, данное эпистемическое наречие мы можем отнести к проблематической достоверности, а также к неопределённому суждению, выражающему идею возможности.

Наречие **probably** — “likely to happen, to prove true or correct”, следовательно, степень достоверности получает выражение через значение возможности, предположения.

Пример: “Incidentally, Mr. Mason, Wallman is a family name. My own middle name is Wallman. That’s **probably** why my father used it.” (Gardner, 2002).

В данном случае наречие **probably** выступает как маркер полагания с сильным ассертивным компонентом в своей семантике. Находясь в модусной части, передаёт субъективную оценку высказыванию. Первые два предложения представляют собой факты, а третье — резюмирующее мнение, представляет собой аргумент, конклюдентный вывод. Наречие **probably** в данном случае имеет корреляцию с глаголом **think**.

Пример: “Somehow you’re the sort of man to whom one wants **to tell the truth**; and besides, you’ll **probably** hear it, anyhow, for in one way it’s a joke against me already.” (Chesteron, 2007).

Наречие **probably** встроено в футуральную парадигму. Находясь в семантической близости с выражением **to tell the truth** служит маркером убеждения, веры. Из контекста следует, что секретарь восхищается талантом проницательности отца Брауна и уверяет его, что он услышит такое же мнение и от других людей. В данном случае, наречие **probably** может быть перефразировано глаголом **assure**.

Пример: “You **can’t possibly** mean”, cried Wain, “that it was supernatural!” (Chesterton, 2007).

В данном предложении наречие **possibly** выражает эмотивный спектр, вызванный удивлением персонажа. Говорящий не в состоянии поверить, что его оппонент имел в виду вмешательство потусторонних сил в совершении убийства миллионера. Наречие **possibly** таким образом — имплицативное выражение пресуппозиции: «Я не верю».

Пример: “I could read or feel that there was something, it has wanted in this time. But that? The Glance relatively re-cent on Kinsey force me to return in thinking to him. Psychically I caught something — the thought that **maybe** there had been an attempt on her part toward a reconciliation and that **possibly**, the thing having come to nothing, she had decided to use me in some way, **possibly** as a flag or a rag of a provoking shade to wave in his face. Could that be? I wondered.” (Американский рассказ XX века, 1996).

В данном контексте автор делает предположительные умозаключения, давая субъективную оценку фактам. Автор размышляет о том, что, возможно, его героиня хотела примирения со своим знакомым, но не достигнув своей цели, решила его использовать в качестве приманки. Оценка степени достоверности получает выражение наречиями **possibly** и **maybe**. Рассмотрев значения данных наречий, мы можем сказать, что они играют тождественные функции в предложении: **possibly** — “perhaps”, **maybe** — “perhaps, possibly”, то есть выражают возможность, вероятность достоверности сообщаемого. Они находятся в корреляции с глаголом **be sure** в отрицательной форме (**be not sure**).

Наречие **presumably** — one presumes or supposes that, apparently выражает субъективное значение предположения.

Пример: “**Presumably** his journalistic instinct was stronger than his prejudices, as **indeed**, it often is in clever journalists; and he asked a good many questions, the answers to which interested and surprised him” (Chesterton, 2007).

Наречие **presumably** выражает субъективное отношение, базирующееся на объективных фактах, что подтверждается аргументационной информацией, вводимой наречием **indeed**.

Наречие **presumably** выражает предположение о том факте, что инстинкт журналиста оказался прочнее, чем предубеждения мужчины, что характерно для умных журналистов и он задавал вопросы, ответы которых заинтересовали и удивили его.

Пример: “She doesn’t finish the sentence, **presumably** because she has begun to see that her analogy isn’t going anywhere, and that dating and men are nothing like Christmas shopping and baskets” (Английский рассказ XX века, 1996).

В данном примере наречие **presumably** эксплицирует предположение изъяснительного характера, маркером, сигнализирующим о подобном употреблении, служит союз **because**, который вводит аргументацию.

Как видно из примеров, данное наречие выражает неуверенность, сомнение того, что может быть правдой или похоже на неё. Получает корреляцию с глаголом **think**.

Наречие **seemingly** — *apparently, as far as one knows*, эксплицирует значение очевидности, посредством визуального восприятия.

Пример: “She swallowed and tried to gain control of herself, but **seemingly** inexhaustible waves of anguish poured out of her and she would weep again.” (Американский рассказ XX века, 1996).

В данном примере наречие **seemingly** эксплицирует внешнюю очевидность и синонимично наречию *apparently*. Женщина не смогла сдержать своих чувств и заплакала. Наречие демонстрирует понимание информации посредством визуального восприятия. Таким образом, наречие имеет корреляцию с глаголом **perceive**.

3.4. Эпистемические наречия косвенной модификации проблематической достоверности

Наречия: **unbelievably, incredibly, unlikely** имеют оценочный семантический компонент, передающий чувства персонажа и выполняют экспрессивную функцию, демонстрирующую удивление с оттенком неправдоподобности. С этой точки зрения данные эпистемические средства коррелируют, как правило, с семантикой глагола **believe** в отрицательной форме (**do not believe**).

Наречие **unlikely** — *improbably* эксплицирует значение невозможности.

Пример: “I will not say I am absolutely sure of it,” said Mr. Parker Pyne cautiously. “There is a bare possibility that your wife may be so overwhelmingly in love with this other man that nothing you could say or do will affect her, but I consider that **unlikely**.” (Английский рассказ XX века, 1995).

В этом примере наречие **unlikely** является маркером сомнения. Персонаж не верит в то, что женщина могла полюбить другого мужчину, кроме своего мужа.

Наречие **incredibly** эксплицирует значение удивления, невероятности какого-либо явления.

Пример: “Kohler, **incredibly**, was standing for a moment, teetering on two withered legs. His face was white with fear.” (Американский рассказ XX века, 1996).

В данном отрывке наречие **incredibly** служит маркером удивления. Автор показывает внутреннее состояние персонажа, его чувство страха.

Пример: “More so, in some ways; even **incredibly** so, to someone with Melissa’s upbringing and attitudes.” (Американский рассказ XX века, 1996).

Наречие **incredibly** прямо не выражает значение глагола **think**, но может быть скоррелировано со значением глагола **believe** в его отрицательной форме, а именно в плане невероятности совершить невозможное, а именно перевоспитать героиню.

Наречие **unbelievably** является синонимом наречия **incredibly** и получает одинаковое с ним семантическое прочтение.

Пример: “**Unbelievably**, terrifyingly, efficient.” (Американский рассказ XX века, 1996).

Из вышеприведённого примера следует, что наречие **unbelievably** выражает значение удивления, что свидетельствует о выражении эмоциональности, которая характерна для эпистемической модальности.

Выводы

Анализ эпистемических наречий как средств выражения достоверности сообщаемого на примере англоязычных художественных текстов показал, что правильная интерпретация семантики наречий зависит от их контекстного окружения.

В данной статье было выдвинуто предположение о том, что изучаемые наречия коррелируют с частями речи и получают эквивалентную им репрезентацию лексического значения.

В своей работе мы рассмотрели корреляцию эпистемических наречий и глаголов ментальной деятельности: know, think, suppose, doubt и др. и пришли к выводу, что большинство наречий получает данную денотативную соотнесённость. Они могут эксплицитировать значения, характерные для семантики ментальных глаголов, таким образом коррелируют с ними.

Список литературы

Американский рассказ XX века. Сборник. На англ. яз. М.: Менеджер, 1996. 304 p.

Английский рассказ XX века. Сборник. На англ. яз. М.: Менеджер, 1995. 384 p.

Chesterton G.K. (2007) *The Incredulity of Father Brown*. Детективные новеллы на англ.яз / G.K. Chesterton. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во. 253 p.

Cronin A.J. (1960) *Hatter's Castle*. М.: Foreign Languages Publishing House. 695 p.

Cristie A. (1989) *Selected Detective Prose*. М.: Raduga Publishers. 400 p.

Doyle A.C. (2002) *The Adventures of Sherlock Holmes*. М. 356 p.

Fowles J. (1998) *The Ebony Tower*. Сборник произведений для чтения на англ. яз. М.: Менеджер. 256 p.

Gardner E.S. (2002) *The Case of the Perjured Parrot*. М.: Айрис-пресс. 384 p.

Huxley A. (1976) *Crome Yellow* Изд. второе. М.: Прогресс. 260 p.

Maugham S.W. (1979) *The Moon and Sixpence*. М.: Progress Publishers. 275 p.

Wells H.G. (2000) *The Time Machine*. на angl. jaz. М.: Menedzher. 304 p.

References

Amerikanskij rasskaz XX veka = An American story of the XX century (1996) Sbornik. Na angl. yaz. Moscow: "Menedzher". 304 p.

Anglijskij rasskaz XX veka (1995) Sbornik. Na angl. yaz. Moscow: "Menedzher". 384 p.

Chesterton G.K. (2007) *The Incredulity of Father Brown*. Detektivnye novelly na angl. jaz. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. 253 p.

Cronin A.J. (1960) *Hatter's Castle*. Moscow: Foreign Languages Publishing House. 695 p.

Cristie A. (1989) *Selected Detective Prose*. Moscow: Raduga Publishers, 400 p.

Doyle A.C. (2002) *The Adventures of Sherlock Holmes*. Moscow. 356 p.

Fowles J. (1998) *The Ebony Tower*. Sbornik proizvedenij dlja chtenija na angl. jaz. Moscow: "Menedzher". 256 p.

Gardner E.S. (2002) *The Case of the Perjured Parrot*. Na angl. jaz. Moscow: Ajris-press, 384 p.

Huxley A. (1976) *Crome Yellow*. Na angl. jaz. Izd. vtoroe. Moscow: Progress. 260 p.

Maugham S.W. (1979) *The Moon and Sixpence*. Moscow: Progress Publishers. 275 p.

Wells H.G. (2000) *The Time Machine*. na angl. jaz. Moscow: "Menedzher". 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Павленко Вероника Геннадиевна — доцент, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Российская Федерация, Ставропольский край, 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А»; verony79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3247-4879>

ABOUT THE AUTHOR:

Veronika G. Pavlenko — Associate Professor State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Stavropol State Pedagogical Institute"; 355029, 417 "A" ul. Lenina, Stavropol, Russia; verony79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3247-4879>

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и необязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of Interest: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. or the Russian scientific community as a whole.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 85'21

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-133-150

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕЗАУРУСА В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ: ТОЛКОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И РОЛЬ В НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Цзюй Юньшэн

Шанхайский университет иностранных языков, г.Шанхай, Китай

Для контактов: zhengzhengjuju@163.com

Аннотация. В Китае относительно мало исследований тезаурусов и ещё меньше исследований особенностей составления дефиниций, установления семантических связей в тезаурусах и практического использования такого рода словарей. Данная статья изучает типы дефиниций терминов и семантических связей, представленных в тезаурусах. Объединяя стандарты классификации семантических связей в русском и китайском языках, статья изучает методы использования тезаурусов в обработке научной терминологии, построения основной терминологической системы и обучения лексике. Систематически изучив теоретические исследования тезаурусов и проведя семантический анализ отдельных словарей, статья выявляет лингвистическую ценность тезаурусов, рассматривает сходства и различия видов тезаурусов и раскрывает их весомую роль в описании терминов.

Ключевые слова: лексикография, тезаурус, семантические связи

Благодарность. Данная статья является поэтапным результатом исследования по построению и продвижению российской психолингвистики (21УУС247) в рамках проекта гуманитарных наук провинции Хэйлунцзян.

Для цитирования: Цзюй Юньшэн. К вопросу исследования тезауруса в российском и китайском языкознании: толкование значения и роль в научной терминологии // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 1. С. 133–150. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-133-150

Статья поступила в редакцию 02.08.2022;
одобрена после рецензирования 28.04.2023;
принята к публикации 11.05.2023

ON THE ISSUE OF THESAURUS RESEARCH IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTICS: INTERPRETATION OF MEANING AND THE ROLE IT PLAYS IN SCIENTIFIC TERMINOLOGY

Ju Yunsheng

Shanghai international studies University, Shanghai, China

For contacts: zhengzhengjuju@163.com

Abstract: Chinese research into “thesaurus” (translated into a dictionary of meanings) is scarce, and there are few studies on terminology, semantic relations and practical applications. The purpose of this paper is to explore the terminology and semantic relationship found in semantic dictionaries. Combining the classification criteria of the semantic relations in Russian and Chinese, this paper studies the application of the semantic dictionary in scientific terminology processing, core terminology system construction and language vocabulary teaching. Through the theoretical investigation and specific semantic analysis of the lexical system of the semantic dictionary, the linguistic value of the semantics, its distribution and aggregation characteristics are explored, and its great role in term description is explored.

Keywords: lexicography, thesaurus, semantic relationship

Acknowledgments: This article is a step-by-step result of a study on the construction and promotion of Russian psycholinguistics (21YYC247) within the Humanities Project of Heilongjiang Province.

For citation: Ju Yunsheng. (2023) On the issue of thesaurus research in Russian and Chinese linguistics: interpretation of meaning and role in scientific terminology // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 133–150. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-133-150

The article was submitted on August 02, 2022;
approved after reviewing on April 27, 2023;
accepted for publication on May 11, 2023.

Введение

Лексикография — это раздел прикладной лингвистики, изучающий вопросы составления словарей и их теоретического обоснования. Лексикография выделяет три основные задачи: изучить научные вопросы составления словарей, описать лексическую систему и способы образования слов, составить языковые и профессиональные словари (Марчук 1992: 10). Л.В. Щерба (1880–1944) предлагает выделить 6 противоположных типологий словаря: 1) словарь академического типа — словарь-справочник; 2) энциклопедический словарь — общий словарь; 3) thesaurus — обычный (толковый или переводный) словарь; 4) обычный (толковый или переводный) словарь — идеологический словарь; 5) толковый словарь — переводный словарь; 6) неисторический словарь — исторический словарь. Здесь мы уделяем внимание вопросу тезауруса. Тезаурусы составляются на основе большого количества словарей, но значения слов в них объясняют не посредством описания, а через синонимы. Тезаурусы в основном изучают семантические связи между словами. Словарный запас — это богатая, но не беспорядочная система, которой присуща своя уникальная модель классификации. Между словами существует много видов связи, посредством классификации образуются различные группы. Тезаурус — это огромная коллекция СЛОВ, организованных в словарной системе в соответствии со смысловыми связями и на основании связей между характеристиками объектов. В российской науке тезаурусам посвящено много исследований, и китайским лексикографам и терминологам есть что позаимствовать у российских коллег, особенно в области использования тезаурусов для обработки научных терминов. Коннотации терминов, семантические связи и практическое использование тезаурусов являются важными академическими задачами терминологической лексикографии или терминографии.

1. Терминологическое значение «тезаурус»

Российские лексикографические исследования имеют прочную теоретическую основу и проверенные традиции исследования. В русском языке семантические словари или словари синонимов называют тезаурусами. Слово «тезаурус» греческого происхождения. Из греческого слово попало в латинский, а из латинского перешло в русский язык и означает «группа объектов или сокровищ, имеющих важное значение или ценность». В английский слово “thesaurus” пришло во второй половине 16 века из современного латинского языка, которое было заимствованием от греческого сло-

ва “thēsaurus”, что в переводе означает «склад, сокровищница». Впоследствии значение слова было расширено до «коллекции важных или ценных предметов».

1.1. Толкование слова «тезаурус» в словарях

В.Г. Гак считает, что лексикография подразделяется на одноязычную лексикографию, которая изучает вопросы составления толковых словарей; двуязычную лексикографию, которая изучает вопросы перевода и объяснения значений слов в переводных словарях; учебную лексикографию, которая изучает вопросы составления и использования словарей в преподавании языков; и научно-техническую лексикографию, которая в основном изучает вопросы составления терминологических словарей и стандартизации терминов определённой отрасли (Гак 1990: 259). В основном все словари подразделяются на энциклопедические и языковые. Языковые словари дальше подразделяются на одноязычные и двуязычные. К языковым словарям также относятся орфографические словари, словари синонимов, словари антонимов, омофонические словари, словари паронимов, этимологические словари, фразеологические словари, словари языка писателей и произведений, грамматические словари, обратные словари, диалектные словари, словари сочетаемости слов, частотные словари, ассоциативные словари, тезаурусы и другие (Чжан Цзяхуа 2010: 183–190). В российских научных кругах словари обычно подразделяются по цели использования, объёму входящих в словарь единиц, порядку расположения слов и объекту описания. Тезаурусы могут объединять в себе различные типы и стандарты словарей, это один из самых широко используемых типов словарей.

В «Толковом словаре» Ожегова у тезауруса два определения: 1. Словарь языка, ставящий задачу полного отражения всей его лексики. 2. Словарь или свод данных, полностью охватывающий термины, понятия какой-нибудь специальной сферы. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» тезаурус означает «сборник лексики», «идеографический словарь» (от греческого thēsaurós, что означает «сокровище, сокровищница»). У тезауруса выделяют следующие значения: 1. Словарь, в котором максимально полно представлены все слова языка с исчерпывающим перечнем примеров их употребления в текстах; 2. Идеографический словарь, в котором показаны семантические отношения (родо-видовые, синонимические и др.) между лексическими единицами. В 1-м значении тезаурус в полном объёме осуществим лишь для мёртвых

языков, например, “Thesaurus linguae latinae” (с. 1900) или «Словарь польского языка XVI в.» (с. 1966). Для живых языков требование исчерпывающих примеров цитирования неосуществимо.

Структурной основой тезауруса во втором значении обычно служит иерархическая система понятий, обеспечивающая поиск от смыслов к лексическим единицам (т.е. поиск слов, исходя из понятия). Для поиска в обратном направлении (т.е. от слова к понятию) используется алфавитный указатель. В теоретическом отношении тезаурус является одной из возможных моделей семантической системы лексики; а на практике тезаурус используется как средство обогащения индивидуального словаря пишущего. В практике информационной работы большое распространение получили информационно-поисковые тезаурусы, главная задача которых — единообразная замена лексических единиц текста стандартизованными словами и выражениями (дескрипторами) при индексировании документов и использование родо-видовых и ассоциативных связей между дескрипторами при автоматизированном информационном поиске документов (ЛЭС, 1990: 258–259).

Ю.Н. Карулов отмечает, что тезаурусом является «всякий словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами» (Карулов 1981: 148). Он выделяет три типа тезаурусов: тематические, аналогические и собственно идеографические. К тезаурусам относятся научно-технические словари и словари для поиска информации. Тезаурус — основной инструмент для систематического поиска информации, такие семантические словари являются терминологическими словарями, составленными в соответствии со строгими требованиями и прошедшие тщательную проверку. В таких словарях, как правило, чётко указана связь между терминами. Википедия даёт следующее определение «тезаурусу»: «Тезаурусы являются одним из действенных инструментов в области искусственного интеллекта и других предметных областях». Важнейшая научная задача тезаурусологии — составить общепринятый тезаурус и базу слов для информационного поиска. В тезаурусологии существует широкий спектр исследовательских тем, но при этом есть и специальные исследовательские задачи, эксперты отдельной предметной области могут составить словарь предметных терминов на основе принципов определённой науки.

Кроме того, тезаурус — это иерархическая структура понятий, которая гарантирует поиск от значений к лексическим единицам (от поиска понятия к поиску термина). Тезаурус подчёркивает, что

функция хранения слов словаря может использоваться в качестве систематизированного контролируемого набора терминов. Например, в «Руководстве по созданию, формату и управлению одноязычных контролируемых словарей» тезаурус определяется как: словарь, который можно проверить, составить и структурировать и в котором видны различные семантические связи между терминами (Faуen, 2005: 16–19). Российский лингвист С.Е. Никитина отмечала, что тезаурус подчёркивает возможность поиска информации в классах слов, однако поиск информации — это не единственный способ использования тезаурусов. Тезаурусы используются и в научных исследованиях для структурирования системы терминов, поиска основополагающей концептуальной системы с последующим описанием самого термина (Никитина 1987: 52). Такое определение подчёркивает концептуальное видение семантических связей между лексическими единицами тезаурусов. У тезаурусов есть своя независимая система составления определений терминов. Эта система встречается и в других типах словарей, а эта интеграция отражает смысл и цели тезаурусов. Тезаурус — это словарь, управляющий значениями слов учётом их репрезентации определённых концептов. Концепты репрезентируются в языке словами. В тезаурусах уделяется внимание семантическим связям между лексическими единицами, что делает иерархическую структуру между единицами более доступной. В современной парадигме лексикографии у тезауруса много значений, среди которых семантический (идеографический) словарь, похожие слова и набор лексических единиц являются наиболее важными. В настоящее время в российской лингвистической парадигме существует много определений «тезауруса»: 1. Крайне запутанная языковая структура, разнообразный процесс формирования и зависимость от культуры и общества; 2. Особая система представления лексических выражений, основанная на заданной семантической связи; 3. Семантическая связь между элементами значений, связь между искомыми терминами; 4. Сложная терминологическая или концептуальная система; 5. Коллекция понятий из профессиональной области; 6. Элемент, характеризующийся человеческим мозгом; 7. Семантический словарь (в том числе идеографический словарь или словарь синонимов) (Петунин, 2008).

1.2. Китайский перевод слова «тезаурус»

В китайском языке есть немного объяснений и переводов слова «тезаурус». Тезаурус на китайский переводится в основном как 类

义词典 (ЛЭЙ ИЦЗИ ДЯНЬ), 义类词典 (ИЛЭЙ ЦЗИ ДЯНЬ), 义族词典 (ИЦЗУЦЗИ ДЯНЬ), 分类词典 (ФЭНЬЛЭЙ ЦЗИ ДЯНЬ), 意海 (И ХЭЙ), 词汇大全 (ЦЗИ ХУЭЙ ДА ЦЗУАНЬ), 序词表 (СЮЙ ЦЗИ БИАО) или 词库 (ЦЗИ КУ). Тезаурус — это словарь, составленный в соответствии с теорией семантических полей. Слова в словаре упорядочены по уровням семантического поля в соответствии с принципами наименования: от значений к форме (Чжан Цзяхуа, 2010: 188). Кроме значения «словарь лексических единиц» тезаурус имеет ещё одно важное значение — «слова одной категории» (некоторые переводят как похожие слова, которые принадлежат к одному роду, схожие по типу слова). Такие объяснения китайских учёных совпадают с определениями упомянутых понятий в китайских словарях. Слова одной категории — это слова, имеющие связь на уровне значений, эта связь в основном проявляется в словах, принадлежащих к одному роду, схожих по значению (синонимах), близких по значению словах и противоположных по значению (антонимах) (Сун Цзюньфэнь, 2002: 239). Слова одной категории — это группа слов, отражающая один и тот же концепт или имеющая отношение к определённому концепту. Исследования учёных показывают, что принадлежащие к одной категории слова отражают законы наименования и приобретения значения. Они схожи по форме, в этимологии прослеживаются общие истоки и существуют похожие/общие значения. В словарях, принадлежащих к одной категории, и в тезаурусах мы нашли общий элемент: словарные группы в этих словарях, основаны на смысловых отношениях между объектами (и точными, и абстрактными объектами). Другими словами, здесь речь идёт о совокупности слов, принадлежащих к одному и тому же классу по значению и по логической связи. На эти группы, которые основаны на понимании людьми объективных вещей, оказывает влияние тип объективных вещей, иерархическая система классификации слов, разделённых по значению. Группы имеют узкое и широкое значения. Узкое значение — это группа слов с аналогичными (идентичными) отношениями, которые являются разными понятиями в рамках одного и того же концепта или класса и занимают одинаковое положение по отношению друг к другу. Например, яблоко, вишня, ананас, персик, банан и другие слова ряда по смыслу и логической связи относятся к категории фруктов. В широком смысле — это слова, которые по значению и логической связи относятся к одному и тому же классу вещей, слова, похожие по значению и имеющие множество семантических связей: связь между гиперонимом (верхним словом) и гипонимом (нижние сло-

во), синонимическая связь, противопоставление, иерархическая связь и другие. Появление семантического словаря делает лексическую семантическую систему осязаемой сущностью. В китайском лексикографическом кругу принято считать, что первым семантическим словарём современного китайского языка является «Синоним тезауруса Цилян» Мэй Цзяцзюй (далее именуемый «Цилян») «Цилян» обозначает множество слов. Первоначальная цель составления тезауруса «Цилян» состоит в том, чтобы служить поиску слов в соответствии с их значениями при написании и переводе системы лексики. После Циляня репрезентативные семантические словари включают «Краткий китайский семантический словарь» Линь Сингуана, «Современный китайский классификационный словарь» Дун Даняня, «Современный китайский классификационный словарь» Су Синьчуня и т.д. Эти словари основаны на сочетании субъективного и объективного исследований китайского языка и сделали полезные попытки в построении семантической системы современной китайской лексики. «Синонимы Цилян» Мэй Цзяцзюй охватывает около 70 000 слов. Объем коллекции: слова, морфемы, фразы, идиомы, общие поговорки, в основном современные китайские слова, диалекты и древние слова, а также специальные лексики. «Краткий китайский семантический словарь» Линь Сингуана: содержит более 60 000 слов. В него входят слова, фразы, небольшое количество морфем, в основном китайские слова, энциклопедические слова, небольшое количество диалектных слов, древние поговорки. «Современный словарь современного китайского языка» Дун Даняня, в нём собрано 49 000 слов. Объём коллекции включает слова, фразы, идиомы, идиомы, энциклопедические слова и небольшое количество диалектных слов, классических слов и новых слов. «Классический словарь современного китайского языка» Су Синьчуня в общности были подобраны 82955, в том числе частотные слова современного китайского языка, историзмы, устаревшие лексики, архаизмы, диалекты, неологизмы, отраслевые лексики, но в словаре морфемы и словосочетания не принимаются. Напротив, слова, собранные в «Классификационном словаре» отражают следующие характеристики: во-первых, количество собранных слов очень велико, и в нём объём слов самый огромный среди четырёх словарей. Во-вторых, объём включения единичный, только слова, а не морфемы и словосочетания. В-третьих, характеристики словаря ясны и универсальны, представляют собой сокровище тезауруса китайского языка. Эти характеристики делают тезаурус насто-

ящей лексико-семантической классификационной системой, отражающей черты китайского языка.

2. Практическое применение тезаурусов в процессе обработки научной терминологии

Тезаурус — это склад слов и выражений, где лексические единицы классифицированы и упорядочены в соответствии с концептами, которые они репрезентируют. Слова, отражающие один и тот же концепт, объединены в одну группу, поэтому тезаурус — это словарь концептов. Тезаурус помогает людям выбирать слова, точнее и ярче выражать мысли. В процессе общения люди используют бесчисленное количество слов, и то, сколько слов освоил индивид, влияет на уровень выражения мысли. При этом количество слов, которые может освоить человек, ограничено, и не обязательно, что слова, хранящиеся в памяти человека, могут свободно переходить из пассивного словаря в активный. Исходя из понятия, лексические группы представляют большое количество слов, которые обозначают это же понятие. Когда в голове появляется определённое понятие, но нет точного и подходящего слова, выражающего его, можно найти это слово в тезаурусе. Таким образом, по функциям тезаурус отличается от толковых словарей (Бао Кэи, 1997). Тезаурусам характерна строгая иерархичность, поэтому их следует шире использовать в научных исследованиях.

2.1. Роль тезаурусов в классификации семантических связей в терминосистемах

Система понятий или терминов — это неотъемлемая часть ознакомления с разными отраслями науки. Ознакомление с концептуальной картиной мира определённой отрасли науки подразумевает описание её объектов исследования, процессов и явлений. Тезаурусное моделирование — один из наиболее эффективных способов изучения терминологии в научных сферах. Многие китайские словари являются хорошими примерами тезаурусного моделирования, особенно словарь «Эръя». «Эръя» — самый ранний и крупнейший в мире тезаурус. 2 074 словарные статьи словаря подразделены на 19 больших категорий: разъяснение лексики, разъяснение слов, разъяснение глосс, разъяснение родства, разъяснение жилищ, разъяснение утвари, разъяснение музыкальных инструментов, разъяснение небесных тел, разъяснение территорий, разъяснение возвышенностей, разъяснение гор, разъяснение вод, разъяснение трав, разъяснение деревьев, разъяснение насе-

комых, разъяснение рыб, разъяснение птиц, разъяснение диких животных, разъяснение домашних животных. Этимологический словарь «Шимин» или «Трактование имён» состоит из 1 502 словарных статей, которые подразделены на 27 разделов, трактующих небесные тела, территории, горы, водные объекты, нагорья, концепты даосизма, округа и государства, формы, внешний облик, стариков и детей, родственные связи, языки, напитки и еду, сбор шёлка, украшения, одежду, жилища и помещения, постельные принадлежности, письменность, классическое искусство, инструменты, музыкальные инструменты, воинов, транспортные средства, корабли, заболевания и похоронные обычаи. Очевидно, что это самые ранние примеры обработки, классификации и моделирования словарей терминов.

В лингвистике тезаурусы используют классы понятий и представляют собой комплекс, состоящий из собранных классов значений и энциклопедических трактований. Тезаурусы показывают, что люди знают о классификации слов (особенно терминов). Слова тезаурусов образуют лексическую систему языка. Это результат логической классификации объектов нашими предками. Метод составления словарей по принципу классификации синонимичных, близких по значению и смежных слов предоставляет справочную информацию для составления словарей и может быть использован в качестве самого раннего примера классификации, обработки и описания научной терминологии. Тезаурусы ускоряют топологические исследования значений терминов. Язык — это сочетание формы и значения, интерпретация значения — это важный аспект научных исследований языка. Значения терминов занимают важное место в семантической системе и являются основой семантических исследований терминов. Классификация значений слов — это основа и обязательное условие для изучения семантической композиции и семантической комбинации. Исследование способов семантической классификации способствует лучшему пониманию лексических систем, углубляет изучение значений слов в языке и способствует познанию семантической композиции и семантической комбинации.

2.2. Воздействие на построение системы базовых терминов наук

Создание и развитие каждой отрасли науки неотделимо от определения основных терминов. Синонимическая связь между словами может выстроить семантическую связь между основными

терминами целевой области и имеет большое значение для практики составления терминологических тезаурусов и построения теоретической базы лексикографии. Тезаурус — это полный, всеобъемлющий и систематизированный ряд синонимов. Его структура на самом деле представляет собой сеть терминологических систем, которая помогает людям овладеть словарным запасом в общих чертах. Такие словари облегчают поиск и запоминание слов, в них представлен наглядный контекст (Чжан Шитин, 1981: 4). Построение терминологической системы — это основная цель тезаурусного моделирования. Тезаурусное моделирование в основном исследует методы систематизации целевой области и её междисциплинарную терминологию. Терминологические исследования могут быть использованы для построения системы дискурса. Кроме того, они крайне важны и информативны для составления словарей специальных терминов и электронных баз лингвистических терминов, а также положительно влияют на улучшение автоматизированных способов извлечения отраслевой терминологии из лингвистических исследований.

Использование результатов исследований синонимов для изучения терминов способствует пониманию коннотаций элементов в словаре профессиональных терминов. При изучении знаковости терминов необходимо опираться на тезаурусный метод, чтобы построить терминологические модели, используемые в реальной жизни. Советская и российская школы тезаурусологии изучают различные аспекты тезаурусного моделирования и стремятся объединить схожие методы моделирования для улучшения исследований тезаурусов. При построении системы тезаурусов используют эти методы для более детального анализа лексики и структуры терминов, что имеет большое практическое значение для систематизации и унификации терминов в определённой отрасли. Тезаурусы организованы не по алфавиту, а по понятиям, существующим в сознании людей, что соответствует когнитивной системе человека и в большей степени соответствует фрагментам реальности.

2.3. Улучшение использования терминов в процессе поиска информации

Классы значений упорядочены в соответствии с классификацией значений, и наиболее важной частью является система семантической классификации терминов. Рациональная система классификации терминов делает словарь терминов более полезным и функциональным и помогает людям и компьютерам в поиске

информации. Но из-за различий в целях, стандартах и правилах классификаций системы отличаются неравномерностью, что влияет на качество и ценность использования терминологических тезаурусов. Исследование семантических классификаций терминов позволяет выявить трудности классификаций, обобщить опыт, выявить лучшие методы классификаций для дальнейшего использования, решить существующие проблемы и тем самым определить правила и методы построения систематичной, научной, разумной и практической системы классов. Это, в свою очередь, улучшит качество терминологических словарей и сделает их более полезными для использования людьми и компьютерами, особенно в области обработки естественного языка.

Тезаурусы могут быть полезны и в развитии методов обработки естественного языка, особенно в области распознавания терминов. Компьютеры должны научиться анализировать естественный язык, чтобы быть способными распознавать, обрабатывать и воспроизводить естественный язык. Для того, чтобы компьютер смог анализировать язык, кроме предоставления большого количества грамматической информации, необходимо предоставить и достаточный объём семантической и прагматической информации и загрузить терминологические базы. Вопросы, которые не могут быть решены с помощью грамматических знаний, необходимо решать посредством семантики. Чтобы получить большой объём семантических знаний, необходимо построить базы семантических значений или семантические словари. Тезаурусы являются совокупностью семантических баз знаний или семантических словарей. Изучение типов семантических классов может решить трудности, возникающие в процессе классификации лексических единиц, помогает в строительстве полной, научной и рациональной системы классов, повышает возможности компьютера в обработке естественного языка, предоставляет семантические данные о понятиях для машинного перевода, поиска информации, разработки поисковых систем и других сфер, значительно повышает уровень интеллекта поисковых систем и способствует развитию отрасли обработки естественного языка.

Тезаурусное моделирование предусматривает и возможности использования информации о языковых символах. Тезаурусология изучает вопросы, связанные с составлением тезаурусов, информационным поиском и классификацией слов в словаре. Российский лингвист М.Б. Пиотровский разработал теорию для изучения теза-

урусов. Ю.И. Горбунов, Н.Ю. Зайцева, А.В. Ивкина, С.Г. Курбатова, О.Н. Матвеева и другие учёные изучали тезаурусное моделирование, составили научно-технические и лингвистические тезаурусы. Хорошо известно, что в области составления терминологических тезаурусов, большие трудности возникают с описанием и систематическим изучением терминов ввиду их размытых внутренних границ.

Российская тезаурусная поисковая система может быть использована для установления государственных стандартов. Российские ГОСТ 7.24-90, ГОСТ 7.25-2001 и ГОСТ 7.74-96 — это результаты выдающихся достижений в области тезаурусологии. Они чётко и детально выделяют классы в информационно-поисковых тезаурусах и описывают их функции. Взаимосвязь между тезаурусами и машинным переводом всегда была важной темой лингвистических исследований. По сравнению с другими отраслями лингвистики машинный перевод теснее всего связан с жизнью общества. Чтобы осуществить перевод с китайского языка на иностранный или с иностранного на китайский, необходимо ввести данные о грамматических структурах китайского и иностранного языков и огромный объём лексической информации о рассматриваемых языках и предоставить машине право выбрать наиболее подходящий перевод. Несмотря на то, что лексические единицы, входящие в тезаурусы, на сегодня не могут быть сразу обработаны в информацию, подходящую для использования компьютерами, они могут стать основой для изучения значений слов, необходимых для машинного перевода благодаря тому, что слова упорядочены по значению. Для реализации этой цель необходимо сотрудничество лингвистов и экспертов смежных областей.

Язык — это система, состоящая из различных элементов. Она описывает ассоциативные связи лексических единиц. Слова языка могут быть соединены с другими словами посредством ассоциативных связей, образуя ассоциативные ряды, а слово, с которого начинается ассоциативный ряд, становится центром ассоциативного «созвездия» (Соссюр, 1980: 175). Тезаурусы играют большую роль в развитии автоматической обработки языка, составлении электронных баз синонимов и автоматического поиска информации. Средства поиска и передачи информации в тезаурусах изменились с традиционных, используемых в бумажных словарях, на новые, которые тесно связаны с современным обществом: электронные, интернет и другие, что подчёркивает возможности для развития

и будущие перспективы. Электронные тезаурусы значительно повышают требования к выражению имеющихся значений. «Исторический тезаурус английского языка» и «Сеть слов» Принстонского университета являются крупнейшими тезаурусами, которые доступны в Интернете, а мобильные приложения «Тезаурус английского языка Коллинса» и «Суперсловарь и тезаурус английского языка» можно скачать в Интернете и использовать на новых моделях iPhone (Юн Хэмин и др., 2014). Система поиска в тезаурусах — эти модель, используемая в семантических тезаурусах, которая широко используется системами управления библиотек, различными консалтинговыми системами и профессиональными системами поиска информации.

2.4. Обработка терминологии в процессе обучения языка

Функции тезауруса ясны и понятны. В случае бедности лексического запаса, нехватки слов, тезаурус предоставляет склад слов для поиска и выбора подходящего выражения для описания или перевода, помогает улучшить навыки языкового выражения носителей языка или изучающих иностранный язык (Чжан Чжуйи, 2015: 320). Тезаурус — это словарь, который помогает человеческой памяти, а также полно и системно объединяет синонимичные и близкие по значению слова, организуя их в группы, в которых их лучше запомнить. Словарь помогает людям проверить слова, формы или произношение которых неизвестны, и систематически освоить нужные слова. Тезаурусы играют важную роль в обучении языкам: помогают изучающим иностранный язык освоить иностранные слова. Стоит отметить, что научное сообщество всё больше осознаёт важность и полезность тезаурусов. Использование таких словарей в обучении помогает усилить автоматизацию языка. Сегодня, когда международная коммуникация развивается день ото дня, Россия успешно использует результаты исследований тезаурусов в преподавании языков и уже издала серию учебных тезаурусов по отдельным областям, например, Э.С. Зайдуллин «Тезаурус перевода», И.Р. Абдулмянова «Словарь финансово-экономических терминов» и другие лексические профессиональные словари, которые имеют большое значения для преподавания предметных отраслей языка и для отраслевой коммуникации. Тезаурусы очень динамичны и просты в применении. Их можно использовать как для систематизации и стандартизации языковой информации, так и применять из методы в различных типах словарей.

Учебные тезаурусы отражают взаимосвязь между лексикой и терминологией. Лексика иностранного языка может быть собрана в семантические группы при помощи основных характеристик словаря и принципов классификации слов. В теории обучения языку тезаурусы чаще используются для развития способности чтения в отраслях иностранного языка на разных этапах обучения (Серова, 1989: 24). Серова также отметила, что такие термины, как ключевые слова понятийной статьи, логичность темы, семантическая структура, списки терминов, анализируя правила лексико-семантических полей, формируют списки ключевых слов темы и понятийную статью, а затем показывает ключевые понятия темы, которые выражают такие отношения, как виды, синонимичность и ассоциации. Тезаурусы отражают понятийную систему определённой области, которая может быть использована для введения и расширения словарного запаса ключевых слов. Таким образом, тезаурусы являются важным средством, помогающим проследить логическую структуру материала для чтения по определённой теме, понять научный дискурс и получить доступ к знаниям. Тезаурусы предоставляют богатый материал для исследования лексики языка. Эти словари распределяют слова по группам в соответствии с концептуальными значениями, и многие явления лексики отражаются вместе, что облегчает проведение различных смежных исследований.

Заключение

Китайские исследователи начали обращать внимание на тезаурусы ещё в период Воюющих государств, когда был составлен первый китайский тезаурус — «Эръя». Но изучению таких словарей не уделялось достаточного внимания. В российской лексикографии тезаурусы исследованы достаточно глубоко, основательно описаны особенности коннотаций терминов, виды семантических связей и использование тезаурусов. Их роль в построении системы дискурса, обучении языку, накоплении словарного запаса и обработке терминологии в письме огромна. Тезаурусы охватывают широкий спектр областей: поиск информации, обучение языку, обработка терминов, стандартизация терминологии и другие. Тезаурусное моделирование может быть использовано для создания электронных баз данных и играет огромную роль в развитии науки. Используя опыт российских лексикографов, Китай может открыть новый этап изучения тезаурусов и выстроить систему академического дискурса.

Список литературы

Так В.Г. Лексикография // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 258–259.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 148 с.

Марчук Ю.В. Основы терминографии. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1992. С. 10.

Шайкевич А.А. Тезаурус // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 506–507.

Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М.: Наука, 1978.

Серова Т.С. Теоретические основы обучения профессионально-ориентированному чтению на иностранном языке в неязыковом вузе // автореферат дисс. ... доктора педагогических наук. Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, 1989.

Петунин О.В. Тезаурус как методологическое основание для конструирования тезаурусного поля педагогической проблемы // Знание. Понимание. Умение, 2008. С. 50–53.

Файен Э.Г. Руководство по созданию, формату и управлению одноязычными контролируруемыми словарями: пересмотр ANSI / NISO Z39.19 для 21 века, 2005. С. 16–19.

Бао Кэи. Ханьюй лэйюй цыдянь дэ таньсо — «Туньицы цылинь» бьянхоу (Исследование китайских тезаурусов на примере «Собрания синонимов») // Цышу яньцзю, 1983. № 3. С. 64–70.

Сун Цзюньфэнь. Ханьюй цыхуэйсюэ (Лексикология китайского языка). Пекин: Издательство «Знания», 2002.

Сосюр Ф., Гао Минкай. Путун юйяньсюэ цзяочэн (Курс общей лингвистики). Пекин: Шанъу иньшугуань, 1980.

Юн Хэмин, Гу Цзиньин. Мэй илэйцыдянь дэ юаньфа цзи ци саньши нянь дэ цзуйсинь фачжань (Происхождение американских словарей синонимов и результаты развития за последние 30 лет) // Цышу яньцзю, 1997. № 5. С. 67–71.

Чжан Цзяхуа. Синь шидай еюй тунлунь (Шан) (Современный русский язык: обновленный теоретический курс (Том 1)). Пекин: Шанъу иньшугуань, 2010.

Чжан Шитин. Лэйицыдянь дэ тэшу гуннэн // Цышу яньцзю, 1981. № 4. С. 150–154.

Чжан Чжици, Чжан Цинюнь. Лилун цыдяньсюэ (Теории лексикологии). Пекин: Шанъу иньшугуань, 2015.

References

鲍克怡. 汉语类语词典的探索--《同义词词林》编后[J]. 辞书研究, 1983. (3), 64–70.

Bao Keyi. (1983) Hanyu leiyu tsidyan de tangso “Tunitsy tsilin” by bianhou = Research of Chinese thesauri on the example of the “Collection of synonyms”. *Tsyshu yanjiu.* No. 3, pp. 64–70 (In Chinese).

Fayen E.G. (2005) Rukovodstvo po sozdaniyu, formatu i upravleniyu odnoyazychnymi kontroliruemymi slovaryami = Guidelines for the Construction, Format and Management of Monolingual Controlled Vocabularies: peresmotr ANSI / NISO Z39.19 dlya 21 veka, pp. 16–19 (In Russian).

Gak V.G. (1990) Leksikografiya. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar = Lexicography. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Gl. red. V.N. Yartseva. Moscow: Soviet encyclopedia, pp. 258–259 (In Russian).

Karaulov Y N. (1981) Lingvisticheskoe konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka = Linguistic construction and thesaurus of the literary language. Moscow: Nauka. 148 p. (In Russian).

Marchuk Y.V. (1992) Osnovy terminografii = Fundamentals of terminography. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova, p. 10 (In Russian).

Nikitina S.E. (1978) Tezaurus po teoreticheskoy i prikladnoj lingvistike = Thesaurus in Theoretical and Applied Linguistics. Moscow: Nauka (In Russian).

索绪尔著, 高名凯译. 普通语言学教程[M]. 北京: 商务印书馆, 1980.

Saussure F, Gao Minkai. (1980) Putong yuyanxue jiaocheng = Course of General Linguistics. Beijing: Shangu Yinshuguan. (In Chinese).

Serova T.S. (1989) Theoretical foundations of teaching professionally oriented reading in a foreign language in a non-linguistic university = Theoretical foundations of teaching professionally-oriented reading in a foreign language in a non-linguistic university, avtoreferat diss. ... doktora pedagogicheskikh nauk. Leningradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut imeni A.I Gercena. (In Russian).

Shaikevich A.Y. (1990) Tezaurus = Thesaurus. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Gl. ed. V.N. Yartseva. Moscow: Soviet encyclopedia, pp. 506–507 (In Russian).

宋均芬. 汉语词汇学[M]. 北京: 知识出版社, 2002.

Song Junfen. (2002) Hanyu tsyhuixue = Lexicology of the Chinese language. Beijing: Zhishi Publishing House. (In Chinese).

Petunin O.V. (2008) Tezaurus kak metodologicheskoe osnovaniye dlya konstruirovaniya tezaurusnogo polya pedagogicheskoy problemy = Thesaurus as a methodological basis for constructing a thesaurus field of a pedagogical problem. Znanie. Ponimanie. Umenie, pp. 50–53 (In Russian).

雍和明、彭敬英. 美义类词典的源发及其近三十年的最新发展[J]. 辞书研究1997. (5), 67–71.

Yun Heming, Gu Jinying. (1997) Mei ileitsidian te yuanfa ji qi sanshi nian te zuxin fazhan = The origin of American dictionaries of synonyms and the results of development over the past 30 years. *Tsyshu yanjiu.* No. 5, pp. 67–71 (In Chinese).

张家骅. 新时代俄语通论(上) [M]. 北京: 商务印书馆, 2010.

Zhang Jiahua. (2010) *Xin shidai yui tunlun* (Shang) = Modern Russian: an updated theoretical course (Volume 1). Beijing: Shangu Yinshuguan (In Chinese).

张世挺. 类义词典的特殊功能[J]. 辞书研究, 1981. (4), 150–154.

Zhang Shiting. (1981) *Leiitsidian de teshu gunnen*. *Tsyshu yanjiu*. No. 4, pp. 150–154 (In Chinese).

张志毅 张庆云. 理论词典学[M]. 北京: 商务印书馆, 2015.

Zhang Zhiyi, Zhang Qingyun. (2015) *Lilong tsidianxue = Theory of lexicology*. Beijing: Shangu yinshuguan (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Цзюй Юньшэн — доцент института русистики и евразийских исследований, доктор филологических наук, Шанхайский университет иностранных языков, 201620, г. Шанхай, улица Вэньсян, д. 1550, КНР; zhengzhengjuju@163.com

ABOUT THE AUTHOR:

Ju Yunsheng — Dr. Sc. (Philology), Associate Professor at the School of Russian and Eurasian Studies, Shanghai international studies University, 201620, road Wenxiang, No. 1550, China; zhengzhengjuju@163.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

ЛИНГВОДИДАКТИКА И ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81`33

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-151-169

ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ

Цуй Чжэюань

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Университет МГУ — ППИ в Шенчжэне, Шенчжэнь, Китай

Для контактов: 510593963@QQ.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются история и некоторые проблематичные аспекты преподавания русского языка в Китае — образовательные программы в вузах, уровень и число преподавателей, учебники, и содержание занятий. Первые три проблемы с развитием отношений между Китаем и Россией решаются, но последняя нуждается в особом внимании.

Ключевые слова: китайский язык, русский язык, преподавание, история, проблема

Благодарность. Автор был поддержан Фондом CSC Китая за обучение в МГУ.

Для цитирования: Цуй Чжэюань. История и проблемы преподавания русского языка в Китае // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 1. С. 151–169. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-151-169

Статья поступила в редакцию 16.02.2023;
одобрена после рецензирования 15.04.2023;
принята к публикации 11.05.2023.

HISTORY AND PROBLEMS OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN CHINA

Cui Zheyuan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
MSU University — PPI in Shenzhen, Shenzhen, China

For contacts: 510593963@qq.com

Abstract. This article discusses the history and some problematic aspects of teaching Russian in China — educational programs in universities, the level and number of teachers, textbooks, and the content of classes. The first three problems with the development of relations between China and Russia are being resolved, but the latter needs special attention.

Keywords: Chinese, Russian, teaching, history, problem

Gratitude. The author was supported by the CSC Foundation of China for studying at Moscow State University.

For citation: Cui Zheyuan. (2023) History and problems of teaching the russian language in China. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 151–169. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-151-169

The article was submitted on February 16, 2022;
approved after reviewing on April 15, 2023;
accepted for publication on May 11, 2023.

История и организация преподавания русского языка в Китае

Преподавание русского языка в Китае в целом можно разделить на 4 периода — ранний период, период Китайской Республики, период нового Китая и период политики реформ и открытий. Самая первая школа русского языка в Китае «俄罗斯文馆» («дом русского языка») открылась в 1708 году. После Октябрьской революции в Китае появился общественный интерес к изучению русского языка, и в 1920 году в Шанхае открылась школа иностранных языков «外国语学社» («клуб по обучению иностранных языков»), где систематично занимались русским языком. Во время Китайской Республики всего 13 вузов открыли факультеты русского языка. Когда образовалась КНР, благодаря идеологии того времени, русский язык как специальность бурно развивался. В 1951 году в Китае преподавали русский язык в 36 вузах. Но с ухудшением отношений между

Китаем и СССР доля русского языка в образовании постепенно снижалась, и русский язык перестал быть так называемым «大语种» («широко употребляемым иностранным языком»), а стал «редким языком». Правительство в это время слило некоторые институты иностранных языков и многопрофильные университеты, но в конце концов сохранило систему преподавания русского языка. Во время «культурной революции» преподавание русского языка фактически не развивалось. После «культурной революции» в 26 вузах сохранилась специальность русского языка, но число студентов резко снизилось. После «реформы и открытия» специальность русского языка получила развитие. В 80–90 годах XX века, благодаря улучшению торговли между Китаем и СССР, на рынке труда спрос на специалистов русского языка стал больше. В XXI веке изучение русского языка быстро развивается: сегодня уже более чем в 130 вузах открылись факультеты русского языка.

После более чем трёхсотлетнего развития преподавания русского языка в Китае сформировалась относительно полная система дидактики. Исходя из условий обучения и профессиональных преимуществ в каждом университете была создана собственная система преподавания и образовательная программа. Обращаясь к обществу и адаптируясь к потребностям общества, все университеты теперь стараются обучить новых специалистов с глубокими знаниями языка, сильными практическими и инновационными способностями.

Ныне в систему образования по русскому языку входят общие дисциплины, обязательные дисциплины по специальности, дисциплины по выбору, практика, дипломная работа. Ожидается, что такая система образования поможет обучить специалистов с высокой гуманитарной грамотностью, навыками пользования русским языком, глубокими знаниями русского языка и литературы и другими соответствующими профессиональными знаниями, которые могут использовать русский и родной китайский языки, заниматься переводом, международными делами, торговлей, образованием, управлением, исследованием и т.д.

В начале 80-х годов XX века в китайских вузах начали обращать внимание на общие дисциплины. Выяснилось, что выпускники университетов того времени хорошо ориентируются только в рамках своей специальности. Поэтому в образовании стала внедряться политика «общее образование и интеграция гуманитарных и естественных наук». Чтобы удовлетворить спрос на многоязычных специалистов и адаптироваться к тенденции социального раз-

вития в новом периоде развития общества, в вузах наращивали усилия по введению в программу общих дисциплин, что воплощается в расширении образовательной программы, предметов и содержания, в повышении объёма различных дисциплин, чтобы развивать у студентов всестороннюю способность и практические навыки. В большинстве вузов ведут занятия по гуманитарным, естественным, компьютерным наукам и искусству, что частично удовлетворит спрос на комплексных, прикладных многоязычных специалистов.

Система общих дисциплин покрывает такие сферы, как гуманитарные и общественные науки, естественные науки, экономические науки и менеджмент, компьютерные и информационные технологии, спорт, практические знания, идеологическое образование.

Общие дисциплины — это «английский язык для студентов вузов», «китайский язык для студентов вузов», «дифференциальное и интегральное исчисление», «основы компьютерных наук», «древняя китайская художественная литература», «обработка информации СМИ», «современная мировая политика и экономика», «эстетика для студентов вузов», «западная и современная китайская культура», «чтение литературной классики» и многие другие. Эти дисциплины дают навыки коммуникации и письма, математики и умозаключения, гуманитарных и социальных наук, природы и инженерии, искусства и оценки, лидерства. Таким образом, общие дисциплины стали необходимой частью университетского образования в Китае. Можно сказать, что выпускник, который обладает только своей специальностью, не может справиться с вызовами общества.

Общие дисциплины занимают сравнительно большую долю в образовательной системе. На основе данных образовательных программ разных вузов было обнаружено, что в большинстве вузов академический час дисциплин общего характера занимает около 30% из всех академических часов.

Дисциплины по специальности дают знания русского языка и других соответствующих дисциплин. Предметы по языковым навыкам обычно считают главными для русистов, и они занимают большую долю в образовательной программе. В некоторых вузах, где работает модульная система, они принадлежат конкретному модулю языковых навыков. Занятия организуются на принципах «живой коммуникации», «системного преподавания» и «постепенного прогресса». Преподаватели также используют теорию овладения иностранным языком, чтобы повысить результаты обучения.

Четырёхлетнее обучение бакалавров обычно разделяется на две части — базовый этап (первый курс и второй курс) и продвину-тый этап (третий курс и четвёртый курс). Основными задачами обучения на базовом этапе являются изучение русского языка, проведение всесторонней и тщательной подготовки переводческих навыков у студентов, развитие практических языковых навыков, овладение хорошим академическим стилем и правильными мето-дами перевода, а также дать прочную профессиональную основу для поступления на старшие курсы. Основными задачами обучения на третьем-четвёртом курсе являются дальнейшее совершенство-вание базовых навыков русского языка, получение углублённых знаний русского языка и связанных с ними профессиональных знаний, дальнейшее расширение знаний, понятие различий между русской и китайской культурами, а также развитие способности к использованию русского языка для коммуникации.

В результате многолетних исследований в центре внимания преподавания находится практический аспект языка. В универси-тетах активно ведут преподавание языка инновационными метода-ми, выработанными на основе лингвистических теорий: «обучение при конкретной ситуации», «обучение в решении проблемы», «об-учение с помощью мультимедиа» — обучение в коммуникации, что-бы развивать у студентов коммуникативные способности (范清清, 2017).

Проблемы преподавания русского языка в вузах

Хотя русский язык как специальность в Китае уже преподают много лет, у данной специальности остаются отдельные проблемы. Ниже мы покажем некоторые из них.

Проблемы преподавания русского языка состоят из некоторых аспектов.

Первый аспект проблемы — организация преподавания рус-ского языка как специальности — образовательная программа, решение руководства вузов и т.п.

Во-первых, как уже сказано выше, общие дисциплины ста-ли необходимой частью образовательной программы китайских русистов в университетах. Но с другой стороны, иногда общим дисциплинам уделяется слишком большое внимание: в некоторых вузах по требованию руководства специальные дисциплины фак-тически занимают небольшую долю в образовательной программе, в результате чего объём занятий по специальности снижается, и содержание занятий также сокращается. Например, итог академи-

ческих часов в четырёхлетнем бакалавриате Сычжуанского университета иностранных языков составляет 180–200, а дисциплин по специальности составляет 100 — только около половины. На уроке преподаватели успевают только «дать общие знания», и студенты смогут освоить упрощённый план преподавания, в котором обычно нет времени для практики и изучения культуры. Но преподавание и обучение иностранным языкам, особенно обучение «с нуля», должны подкрепляться практикой. Необходимо обеспечить достаточный объём практических занятий, чтобы развивать у студентов языковые навыки. К сожалению, ограничение доли занятий по специальности в вузах часто является абсолютным для всех факультетов: руководство часто игнорирует тот факт, что на факультетах гуманитарных наук не может быть такая же образовательная программа, как на факультетах естественных наук; что преподавание «редких» языков и преподавание английского языка есть разные вещи. Такое ограничение не соответствует объективным правилам преподавания и обучения иностранным языкам. Обратная связь некоторых вузов показывает, что ныне качество преподавания на уроках невысокое, поставленная цель не достигнута, а студенты не успевают овладеть базовым знанием языка, не развиваются их коммуникативные способности.

Во-вторых, многие вузы в образовательную программу включают многообразную практику, и по результатам практики зачитывают академические часы — имеется в виду, конечно, не только языковая практика. Под практикой понимаются разные виды действия: социальная практика и социальный опрос, профессиональная практика и выпускная практика, самостоятельное обучение навыкам иностранного языка, инновационная деятельность, обучение вне аудитории и т.д. У многих вузов нет практической программы и плана. У студентов фактически нет шанса и базы «официальной» практики — они сами ищут место по любому направлению, часто проходят практику не по специальности. Кроме этого, в расписании большинства вузов практика происходит во время летних каникул, и таким образом, уже невозможно определить, что на самом деле студенты делали во время практики, и у вузов нет основы для проверки и оценки полученных результатов, а также их стандартизации. Тем не менее, во многих вузах не организуются занятия для студентов четвёртого курса второго семестра (иногда даже в первом семестре занятий уже нет), студенты в это время либо проходят практику не по специальности, и в результате не могут завершить образовательную программу

преподавания. Модульная система образования не является совершенной при прохождении практики. Например, дисциплины по определённому модулю не организуются, если число студентов, которые выбрали их, недостаточно, и таком случае не организуются занятия для нескольких студентов — все должны выбирать иные модули. В других ситуациях, когда у определённой общей дисциплины больше академических часов, чем у дисциплины по специальности, студенты часто выбирают дисциплину общего характера. Студенты не всегда могут посещать выбранную специализацию, а отсутствие ключевой дисциплины нарушает полноту знаний студентов.

В-третьих, в некоторых вузах отыгрываются профессиональные занятия — русский язык для туризма, русский язык для международной торговли, и т.п., чтобы удовлетворить спрос на многопрофильных, многоязычных специалистов. Но иногда эти занятия практически и не организуются по причине нехватки студентов, особенно в вузах, где обучается небольшое число русистов. Если даже эти дисциплины изучаются, студенты не могут найти подходящую работу, соответствующую полученному образованию, из-за постоянного изменения требования общества к русистам. Подготовка комплексных, прикладных многоязычных специалистов должна соответствовать спросам общества, с нуждами самих этих специалистов, она должна носить яркий профессиональный, практический характер. Проблема несоответствия университетского образования с требованиями общества должна привлечь большее внимание.

В целом, вместе с повышением доли общих дисциплин в программе, доля дисциплин по специальности заметно снизилась, что неизбежно приводит к снижению уровня владения русским языком и уровня профессиональных навыков. Сравнительно небольшое количество академических часов у дисциплин по специальности также нарушает мотивацию студентов, что приводит к низкой посещаемости. Считаем, что составление образовательных программ должно фокусироваться на дисциплинах по специальности, чтобы преподавать базовые знания и навыки, и должно оставаться стабильным в течение длительного времени. Распределение времени и академических часов также должно быть продуманным, обоснованным и стандартизированным. Недостаток научных исследований по созданию образовательных программ, одинаковых для всех факультетов, неизбежно скажутся на результатах, что приведёт к ряду неблагоприятных последствий (范洁清, 2017).

Второй аспект, из которого возникает проблема в преподавании русского языка — сами преподаватели.

Во-первых, навыки преподавания не у всех преподавателей высокие. В целом по всему Китаю навыки преподавания русского языка и уровень владения русским языком самих преподавателей в разных вузах неодинаковый — речь идёт именно о китайских преподавателях. Особенно во многих универсальных и педагогических университетах уровень русского языка преподавателей необходимо повышать. Ныне преподаватели русского языка в вузах в целом получили высшее образование, но их навыки преподавания не соответствует полученному образованию. Одна из причин такой ситуации — упор на исследовательские способности во время приглашения новых преподавателей. Многие вузы, особенно престижные, высоко оценивают исследовательские способности выпускников, но мало обращают внимание на их практические и преподавательские способности. Преподаватели и сами уже не желают тратить время на улучшение навыков обучения. В настоящее время стандарты повышения квалификации и оценки работы преподавателей в основном основаны на научных исследованиях и только частично дополняются самим преподаванием, что явно не мотивирует преподавателей к усовершенствованию обучения. В этом контексте преподаватели интересуются теоретическими исследованиями, а преподавание становится для них рутинной, неважной работой. Можно сказать, что нынешние условия продвижения по профессиональной лестнице преподавателей и стандарты оценки их работы в определённой степени ограничивают развитие навыков преподавания русского языка. В связи с этим многие университеты предлагают реформы системы оценки. В том числе речь идёт об повышении внимания к обучению студентов.

С другой стороны, профессиональные навыки у большинства преподавателей, как правило, скудные, устаревшие. Преподаватели дают сухие знания и мало уделяют внимания тому, как понятно, эффективно усвоить чужой для студентов русский язык. В Китае теоретическая база исследований по преподаванию русского языка — теория «русский язык как иностранный», берет своё начало в России. И сейчас преподаватели используют данную теорию как есть, не адаптируя метод преподавания к современному миру. В результате преподавание оказывается для студентов совсем скучным. Что и влияет на результат.

В-третьих, во многих вузах есть проблема дефицита преподавателей не только высшего уровня, но и дефицит преподавателей

в целом. Как выше показано, сейчас в Китае в более чем 130 вузах есть специальность «русский язык», но в большинстве таких вузов число преподавателей совсем небольшое, иногда несколько человек. Поэтому средняя нагрузка у каждого преподавателя настолько большая, что не остаётся возможности не только на улучшение преподавания, но и для исследовательской работы. Что касается преподавателей высшего уровня, то существует серьёзная нехватка высококвалифицированных преподавателей, особенно преподавателей среднего и молодого возраста — некоторые преподаватели английского и французского языков уже получили звание «Чанцзянский учёный» от министерства образования Китая, а преподавателя русского языка с таким званием пока нет (赵丹, 王加兴, 2017).

Далее мы посмотрим данные магистратуры трёх очень престижных университетов, чтобы детально осветить проблему.

1. В магистратуре Шанхайского университета иностранных языков работают 22 преподавателя и профессора — руководители магистров. Среди них 7 исследуют лингвистику, 3 исследуют литературу, 6 изучают переводоведение, 6 занимаются культурой и обществом России. Каждый год зачислят 19 магистрантов. В целом преподаватели занимаются разными сферами на факультете, их направления хорошо сбалансированы. Проблема в этом университете в том, что образовательная программа не совсем систематизирована — есть всего 4 направления подготовки и, соответственно, 4 разные образовательные программы, у которых нет единого подхода. Кроме этого в образовательной программе намного больше обязательных дисциплин, чем специальностей по выбору; мало академических часов у дисциплин специальностей по выбору и междисциплинарных дисциплин; существует дисциплина, которую может преподавать только один определённый специалист.

2. Университет иностранных языков. Магистратура этого университета разделяется на две части: магистр по русскому языку и литературе со следующими направлениями подготовки: современный русский язык, русская литература, общество и культура России, регионоведение. Приём 15 человек в год. Другая часть магистратуры — перевод и переводоведение (устный и письменный перевод), мест по этому направлению всего 14 каждый год. Проблема в этом университете в дефиците преподавателей, особенно научных руководителей магистров. Уход на пенсию пожилых преподавателей привёл к тому, что сейчас в университете направления исследования преподавателей не сбалансированы: не хватает преподавателей по литературе, регионоведению и переводоведению.

Преподаватель по переводоведению всего один. Кроме этого, время обучения не определено, и некоторые дисциплины может преподавать только один определённый специалист.

3. Магистратура Хэйлунцзянского университета является крупнейшей в Китае, и она тоже разделяется на две части. В направлении «русский язык и литература» есть дисциплины: лингвистика, теория и практика дидактики русского языка, лексикография, терминология, теория перевода, русская литература и изучение России. Вторая часть магистратуры — «МТИ магистр по переводу». Каждый год университет принимает 120 магистрантов, 60 по каждому направлению. Проблема в том, что в магистратуре данного университета всего 16 научных руководителей. Направления преподавателей не сбалансированы: хватает преподавателей по лингвистике и литературе, но преподаватель по переводоведению всего 1.

Если мы посмотрим на эти университеты в целом, то нетрудно заметить, что план набора не адаптируется в соответствии с числом преподавателей. Когда преподаватель какого-либо направления уходит на пенсию, число учащихся не меняется и новых преподавателей не набирают. Происходит дисбаланс направлений. В результате снижается качество научных исследований. У преподавателей фактически нет времени для общения с каждым студентом лично (吴爱荣, 2017).

Социальный опрос¹⁴ об отношениях между студентами и руководителями показывает, что чем меньше студентов у преподавателя, тем чаще происходит их встреча. 44% из руководителей, у которых 1–5 студентов, встречаются с ними каждую неделю. И 23% научных руководителей, ведущих 16 студентов и более, встречаются со студентами менее раза в неделю. Эта статистика должна приниматься во внимание. Когда по какому-либо направлению мало преподавателей, количество обучаемых должно соответственно снизиться.

В-четвёртых, сфера научных исследований у большинства преподавателей ограничена. Многие занимаются филологией (русским языком) и литературой, мало преподавателей по переводоведению, политике, международным отношениям, лингвистике, регионоведению. В престижных вузах ситуация лучше, преподаватели занимаются этими «редкими» сферами больше, но в остальных вузах они ограничиваются исследовательской работой. И как сказано выше, даже в престижных университетах есть серьёзная нехватка преподавателей по переводу и лингвистике.

¹⁴ http://xmwb.news365.com.cn/sx/201310/t20131009_1624024.html2

Нехватка учебников является третьем аспектом проблемы преподавания русского языка в Китае, или, точнее, это ключевой аспект, который влияет на подготовку именно переводчиков.

В государственном стандарте образовательной программы «МТИ магистр по переводу» отсутствует детальный список дисциплин. По мнению заместителя председателя Национального комитета по образованию МТИ, профессора Чжон Вейхэ, в образовательную программу магистров по переводу должны входить следующие дисциплины, их продолжительность должна быть не менее 30 академических часов.

Но, видимо, данная программа создана специально для будущих переводчиков английского языка. Нужно отметить, что на факультетах английского языка университетов обычно работают 20–30 преподавателей, и с такой командой программа успешно работает. А на факультетах русского языка разных университетов, преподавателей, как показано выше, не хватает. Что касается учебных материалов, то под руководством национального комитета по образованию МТИ учёные в сфере английского языка уже создали комплекс учебников для своих студентов — письменный перевод, устный перевод, теория перевода, общее знание и разные справочники. Данный комплекс учебников был издан ещё в 2009 году.

Что касается МТИ магистров по переводу русского языка, то ситуация не может не вызвать волнение. Сейчас нет такой стандартизированной комплексной системы учебников для переводчиков русского языка. Отсутствие стандартизированных учебников влияет не только на обучения магистров и даже бакалавров: содержание занятий по переводу в разных университетах неодинаковые, почти полностью зависят от собственной воли преподавателей. Преподаватели произвольно готовятся к своим урокам, так как нет единого учебника. В результате нетрудно представить, что профессиональный уровень выпускников из разных университетов тоже очень разный (王利众, 冯佩成, 2017).

Чтобы продемонстрировать нехватку новых учебников, мы показываем список изданных учебников по устному переводу с 2000 по 2014 гг. За это время были изданы всего 9 учебников, 7 из них были изданы до 2010 года, 3 были переизданы, за 2011–2015 гг. появились всего 2 новых учебника (张俊翔, 2017).

Если мы сравним эти учебники с обязательной образовательной программой, то можно понять, что существующие учебники не полностью соответствует программе. Учебники не могут охватить все дисциплины, особенно дисциплины по выбору. По синхронно-

Место дисциплины в образовательной программе		Название дисциплины	Академические часы
Обязательные дисциплины	Обязательно для всех китайских магистров	Теория политики	3
		Китайский язык и литература	3
	Обязательно для МТИ магистров по переводу	Введение в перевод	2
		Последовательный перевод	2
		Теория и техника письменного перевода	4
	Обязательно для на-правления устного перевода	Устный перевод по темам	4
		Синхронный перевод	2
	Обязательно для на-правления письменного перевода	Перевод художественной литературы	2
		Перевод нехудожественных текстов	2
	Дисциплина по выбору	Минимум — выбрать две дисциплины	Второй иностранный язык
Второй иностранный язык			2
Краткая история перевода в Китае и за рубежом			2
Оценка и критика перевода			2
Межкультурная коммуникация			2
Сравнение китайского и иностранных языков			2
Введение в культурологию			2
Международная политика и экономика			2
Интерпретация конференции			2
Перевод с листа			2
Деловой устный перевод			2
Судебная интерпретация			2
Дипломатическая интерпретация			2
Перевод в торговле			2
Юридический перевод			2
Перевод науки и техники			2
Перевод СМИ			2
Цифровой перевод			2
Перевод китайской литературы на иностранные языки			2

Вре- мя	Название	Автор	Издательство	Ком- мента- рий
2002	俄汉口译高级教程 Высший курс русско-китай- ского перевода	从亚平、张 永全	上海译文出 版社	Пере- издан в 2009
2005	口译实践教程 Практический курс устного перевода	安心奎、赵红	陕西人民出 版社	
2006	同传捷径：俄语高级口译技能 训练与实战演练教程 Путь к синхронному переводу: высший курс о технике устно- го перевода и практики	贝文力、施 国安	华东师范大学 出版社	
2006	俄汉-汉俄高级口译教程 Высший курс русско-китай- ского и китайско-русского перевода	王立刚、彭甄	外语教学与研 究出版社	Пере- издан в 2010
2007	实战俄语口译 Практический устный русско- китайский перевод	朱达秋、徐 曼琳、华莉	外语教学与研 究出版社	
2007	俄语经贸谈判与口译 Деловые переговоры и устный перевод	陆勇、杨春宇	对外经济贸易 大学出版社	Пере- издан в 2012
2008	俄汉/汉俄科技口译教程 Курс русско-китайского/ китайско-русского научно- технического перевода	王立众、张 廷选	哈尔滨工业大 学出版社	
2011	俄语口译笔记法实战指导 Рекомендации по записке уст- ного перевода русского языка	胡谷明、张 鸿彦等	武汉大学出 版社	
2014	汉俄口译实用手册 Практический справочник для устного русско-китайского перевода	胡谷明、陈著	武汉大学出 版社	

му переводу с/на русский язык по всему Китаю существует лишь один учебник, и «синхронный перевод» преподают только в некоторых университетах. Большинство учебников разделяют последовательный и синхронный переводы. Конечно, есть реальная причина: рынок труда русского языка как «редкого» языка совсем не такой большой, как рынок английского языка, он не очень развит. Работодатели и не требуют узких специалистов: «последовательных

переводчиков суда» или «письменных переводчиков дипломатических текстов» и т.п. — требуют просто «переводчиков русского языка» (王利众, 冯佩成, 2017). Это значит, что выпускники-переводчики китайских вузов должны владеть всеми типами перевода, а не только по определённому направлению. Но мы уверены, что с развитием китайско-российских отношений рынок труда будет развиваться, и такие проблемы, как нехватка преподавателей, учебников, учебных часов, решатся.

Четвёртый аспект проблемы качества преподавания — содержание занятий. Как показано выше, в настоящее время в Китае используется теоретическая база преподавания — неадаптированная теория «русский язык как иностранный». Пока отсутствует глубокое исследование мышления, особенно образ мышления китайских студентов в изучении русского языка. Предлагается повторять содержание прошлого урока в начале каждого нового урока для лучшего усвоения грамматических правил, а также сравнивать и сопоставлять грамматические правила русского языка с правилами английского языка (почти все выпускники китайских школ знают английский язык), предлагается использовать в процессе преподавания тесты для усвоения грамматики и мультимедиа (董秋荣, 2015). Мы не отрицаем пользу этих методов, ведь без повтора и тестов выучить правила почти невозможно; мультимедиа и помощь другого языка облегчают обучение. Но этого недостаточно. Технология преподавания отвечает только на один вопрос дидактики — как учить. А на другой вопрос — чему учить — пока нет полного ответа.

О том, как мыслить на иностранном языке, как избежать влияния своего родного языка — детальной инструкции не существует! Студенты вузов, как правило, взрослые люди, которые привыкли к образу мышления на родном языке, и им трудно перестраиваться. Некоторые студенты пишут неправильно, не согласовывая части речи в предложении: «*Вся наша семья любят смотреть телевизор*», «*моя папа*». Мы считаем — ошибки согласования на русском языке не могут быть результатом влияния китайского языка. Причина очевидна: в китайском языке вообще нет системы согласования. Глаголы китайского языка не меняются вообще, независимо от подлежащего.

На самом деле, первая ошибка происходит именно под влиянием английского языка: семья, или её английский эквивалент в английском языке называется “collective noun” — собирательное существительное. Согласование глагола с такими существительными уже зависят от контекста, например,

The couple are supporting different football teams.
Each couple is choosing which hotel to stay at.

Так как почти все студенты в Китае знают английский язык, у нас есть все основания считать, что студент здесь сделал ошибку под влиянием английского языка.

Вторая ошибка произошла потому, что студент не запомнил грамматические правила. Но проблема согласования не может быть результатом влияния китайского языка. Это только твёрдые правила грамматики. Говоря «моя папа», студент не усвоил правила согласования, и такая ошибка исчезнет в будущем.

Есть и ошибки, которые отражают образ мышления. Например, чтобы выразить по-русски «У кого есть что-то», некоторые студенты пишут «Я есть что» — как дословный перевод китайского выражения «我(я)有(есть)». Или студент пишет: «Я папа» (我爸爸), вместо «мой папа». Употребление неправильного слова, или дословный перевод отражают именно китайский образ мышления. Для решения таких вопросов учебники предлагают избежать влияние родного языка и мыслить на русском языке, но не объясняют, что надо сделать для достижения этих целей. Предлагается использовать расширенные тесты (韩英旭, 2013). Известное изречение древнего философа о том, что ученик — не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь, здесь приобретает особое звучание. И такая, ориентированная на «правильные выражения» модель обучения, движется именно в сторону «наполнения сосуда» (Гарбовский, 2012).

Обобщая вышеизложенный материал, следует сделать следующие выводы:

1. Преподавание русского языка в Китае организовано давно, с 1708 года. Популярность русского языка достигла пика во время создания КНР, и система образования по данному языку много раз менялась.
2. Первая проблема заключается в образовательной программе — доля занятий по специальности ограничена. Студенты часто проходят практику не по специальности. Прикладные курсы в вузах часто не могут помочь выпускникам работать по специальности.
3. Второй аспект проблемы — сами преподаватели. Уровень русского языка не у всех преподавателей высокий, потому что в университетах ценятся научные исследования, а не навыки преподавания, почти не исследована ментальная осо-

бенность китайских студентов. Нехватка преподавателей тоже стала проблемой. Сфера знаний у преподавателей также ограничена.

4. Нехватка учебников, особенно учебников по конкретному направлению является третьим аспектом проблемы преподавания русского языка в Китае.
5. Последний аспект проблемы — содержание занятий. Отсутствует определённые инструкции и правила изучения русского языка. Исследования о ментальности китайских студентов не совсем верные. Необходимо разработать учебные материалы, более подходящие для китайских студентов.

Список литературы

Ван Личжон, Фэн Пейчжен. Мастер перевода (mti) русского языка: проблемы и меры противодействия / *Исследование теории и практики русского обучения*, Сб. науч. ст. Под ред. Чжан Цзили, Сюй Хун. Гуанчжоу: World Book Publishing Guangdong Co., 2017. 100 с.

Гарбовский Н.К. Семь вопросов дидактики перевода или skopos-дидактика переводческой деятельности // *Вестник Московского университета*. Серия 22. Теория перевода. М.: Изд-во Московского университета, 2012. № 4. С. 36–54.

Дун Цюйжон. Краткое обсуждение методов преподавания грамматики русского языка в вузе // *Вестник профессионального института Цзямусы*. 2015. Вып. 12. С. 338–340.

Коу Сяохуа. Исследование и практика обучения комплексного специалистов по русскому языку в рамках концепции образования целого человека // *Исследование теории и практики русского обучения* / Сб. науч. ст. под ред. Чжан Цзили, Сюй Хун. Гуанчжоу: World Book Publishing Guangdong Co., 2017. 66 с.

Ли Синхуа. Краткое обсуждение стратегий преподавания грамматики русского языка на низких курсах для студентов без предварительных знаний // *Недельный журнал обучения*. 2019. Вып. 28, С. 9.

Сюй Чуаньхуа. Процесс интернационализации и поворот русского обучения / *Исследование теории и практики русского обучения*. Сб. науч. ст. Под ред. Чжан Цзили, Сюй Хун. Гуанчжоу: World Book Publishing Guangdong Co., 2017. 58 с.

У Айжон. Размышления о магистратуре русского языка и литературы // *Исследование теории и практики русского обучения* / Сб. науч. ст. под ред. Чжан Цзили, Сюй Хун. Гуанчжоу: World Book Publishing Guangdong Co., 2017. 107 с.

Фан Цзецин. Размышления о текущей программе подготовки бакалавров по русскому языку в китайских университетах // *Исследование теории и практики русского обучения* / Сб. науч. ст. под ред. Чжан Цзили, Сюй Хун. Гуанчжоу: World Book Publishing Guangdong Co., 2017. 128 с.

Хан Инсю. Стратегии преподавания грамматики русского языка в вузе // Обучение русскому языку в Китае. 2013. 5. Т. 32. № 2. С. 94–96.

Чжао Дан, Ван Цзясин. Анализ острых и сложных вопросов в реформе преподавания и развитии специальности русского языка в китайских университетах // Исследование теории и практики русского обучения / Сб. науч. ст. под ред. Чжан Цили, Сюй Хун. Гуанчжоу: World Book Publishing Guangdong Co., 2017. 48 с.

Чжан Цюньсян. Принципы, ориентация и подходы к построению системы учебников устного перевода с/на русский язык // Исследование теории и практики русского обучения / Сб. науч. ст. под ред. Чжан Цили, Сюй Хун. Гуанчжоу: World Book Publishing Guangdong Co., 2017. 107 с.

Ян Хунбо. Особенность преподавания русского языка в Китае, взгляд на прошлое // Обучение русскому языку в Китае. 1994. № 4. С. 2–8.

References

董秋荣. 浅谈大学俄语语法教学的方法(J)//佳木斯职业学院学报, 黑龙江 2015 No. 12. 338 p.

Dong Qiurong. (2015) Qiantan daxue eyu yufa jiaoxue de fangfa = Brief Discussion on the Method of College Russian Grammar Teaching. Bulletin of Jiamusi Professional Insititue. No. 12, pp. 338–340 (In Chinese).

范洁清. 对中国高校俄语专业现行本科培养方案的几点思考 //俄语教学理论与实践探索. /章自力, 许宏主编. — 广州: 世界图书出版广东有限公司, 12. 2017. с. 128 p.

Fan Jieqing. (2017) Dui zhongguo gaoxiao eyuzhuanye xianxing benke peiyangfangan de jidian sikao = Some Thoughts on the Current Undergraduate Training Program of Russian Majors in Chinese Universities Research of Russian Language teaching theory and practice. Zhang Zili, Xu Hong(Eds.). Guang Zhou: world publishing group guangdong ltd., p. 128 (In Chinese).

Garbovskiy N.K. (2012) Sem' voprosov didaktiki perevoda ili skopos-didaktika perevodcheskoy deyatel'nosti = Seven questions of didactics of translation or skopos-didactics of translation activity. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. No. 4, pp. 36–54 (In Russian).

韩英旭. 大学俄语语法教学策略(J)//中国俄语教学, 北京 2013. 5. Т. 32. № 2.

Han Yingxu. (2013) Daxue eyu yufa jiaoxue celve = Strategies for Teaching Russian Grammar in Colleges. Chinese Russian Teaching, May V. 32. No. 2, pp. 94–96 (In Chinese).

寇小桦. 全人教育理念下的俄语复合型人才培养模式的研究和实践//俄语教学理论与实践探索. сб. науч. ст. /章自力, 许宏主编. — 广州: 世界图书出版广东有限公司, 12, 2017. 66 p.

Kou Xiaohua. (2017) Quanren jiaoyu linian xia de eyu fuhexing rencai peiyang moshi d yanjiu he shijian = Research and Practice on the Training Model of Russian Interdisciplinary Talents under the Concept of Holistic Education. Research of Russian Language teaching theory and practice. Zhang Zili, Xu

Hong(Eds.). Guang Zhou: world publishing group guangdong ltd. 66 p. (In Chinese).

李兴华. 浅谈“零基础”俄语低年级语法教学策略[J]//学周刊, 河北, 2019. 10. No. 28. 9 p.

Li Xinghua. (2019) Qiantan “lingjichu” eyu dinianji yufa jiaoxue celve = Talking about the teaching strategy of “zero foundation” Russian grammar in the lower grades. Learning weekly journal, 10, No. 28, p. 9 (In Chinese).

王利众, 冯佩成. 俄语翻译硕士 (MTI) 教育: 问题与对策 // 俄语教学理论与实践探索. сб. науч. ст. / 章自力, 许宏主编. — 广州: 世界图书出版广东有限公司, 12. 2017. 100 p.

Wang Lizhong, Fen Peicheng. (2017) Eyu fanyi shuoshi (MTI) jiaoyu: wenti yu duice = Russian Master of Translation (MTI) Education: Problems and Countermeasures Research of Russian Language teaching theory and practice. Zhang Zili, Xu Hong (Eds.). Guang Zhou: world publishing group guangdong ltd. 100 p. (In Chinese).

吴爱荣. 关于俄语语言文学专业研究生培养的几点思考 // 俄语教学理论与实践探索. сб. науч. ст. / 章自力, 许宏主编. — 广州: 世界图书出版广东有限公司, 12. 2017. 174 p.

Wu Airong. (2017) Guanyu eyu yuyan wenxue zhuan ye yanjiusheng peiyang de jidian sikao = Reflections on the Cultivation of Graduate Students Majoring in Russian Language and Literature Research of Russian Language teaching theory and practice. Zhang Zili, Xu Hong(Eds.). Guang Zhou: world publishing group guangdong ltd. 107 p. (In Chinese).

许传华. 国际化进程与俄语教学转向//俄语教学理论与实践探索. сб. науч. ст. 章自力, 许宏主编. — , 12. 2017. 58 p.

Xu Chuanhua. (2017) Guojihua jincheng yu eyu jiaoxue zhuanxiang = The Process of Internationalization and the Turn of Russian Teaching. Research of Russian Language teaching theory and practice. Zhang Zili, Xu Hong(Eds.). Guang Zhou: world publishing group guangdong ltd. 58 p. (In Chinese).

闫洪波. 从历史回顾中看中国俄语教学的特点(J)//中国俄语教学, 1999, No. 4, pp. 2-8.

Yan Hongbo. (1994) Cong lishi huigu zhong kan zhongguo eyu jiaoxue de tedian = Looking at the Characteristics of Russian Teaching in China from a Historical Review. Chinese Russian Teaching, No. 4, pp. 2-8. (In Chinese).

张俊翔. 俄语口译教材体系建设的原则、定位与途径 // 俄语教学理论与实践探索. / 章自力, 许宏主编. — 广州: 世界图书出版广东有限公司, 12. 2017. 107 p.

Zhang Junxiang. (2017) Eyu kouyi jiaocai tixi jianshe de yuanze, dingwei yu tujing = Principles, Orientation and Approaches of Russian Interpretation Textbook System Construction Research of Russian Language teaching theory and practice. Zhang Zili, Xu Hong(Eds.). Guang Zhou: world publishing group guangdong ltd. p. 107 (In Chinese).

赵丹, 王加兴. 我国高校俄语专业教学改革与发展中热点与难点问题透析//俄语教学理论与实践探索. / 章自力, 许宏主编. — 广州: 世界图书出版广东有限公司, 12. 2017. p. 48.

Zhao Dan, Wangjiaxing. (2017) *Woguo gaoxiao eyu zhuan ye jiaoxue gaige yu fazhanzhong redian yu nandian wenti touxi* = Analysis of Hot and Difficult Issues in the Teaching Reform and Development of Russian Major in Chinese Universities. Research of Russian Language teaching theory and practice. Zhang Zili, Xu Hong (Eds.). Guang Zhou: world publishing group guangdong ltd, pp. 48 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Цуй Чжэюань — соискатель Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; сотрудник Управления по академическим вопросам Университета МГУ — ППИ в Шенчжэне, № 1. Улица международных университетов, квартал Лунчжэн, район Лунган, Шэньчжэнь; 510593963@qq.com

ABOUT THE AUTHOR:

Cui Zheyuan — Ph.D candidate at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia. 1-51, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia; Officer of the Department of academic affairs of Shenzhen MSU-BIT university. No. 1. International University Park Road, Longcheng Street, Longgang District, Shenzhen; 510593963@qq.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежит автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *В. Н. Кокорев*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус,
к. 1150. *Тел.:* 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 11.06.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,62. Уч.-изд. л. 9,77. Тираж 70 экз. Изд. № 12372. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru